Вопросъ объ обезпеченіи духовенства въ царствованіе имп. Александра II.

Царствованіе царя-Освободителя, какъ извѣстно, на протяженіи XIX вѣка представляетъ собою періодъ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ реформаторскихъ начинаній. Великая крестьянская реформа, будучи сама монументальнымъ зданіемъ, логически повлекла за собою постановку и другихъ серьезнѣйшихъ проблемъ государственной жизни. Народъ освобожденный требовалъ и новыхъ формъ быта. Глубокое измѣненіе соціальныхъ отношеній постоянно наталкивало на новыя преобразовательныя задачи, за которыя, по мѣрѣ возможности, и бралось тогдашнее правительство.

Вполнѣ естественно поэтому, что въ числѣ реформаторскихъ попытокъ того времени мы почти на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ вопросомъ объ обезпеченіи православнаго духовенства. Вопросъ этотъ былъ, можно сказать, завѣщанъ ближайшей исторіей второй половины XIX вѣка. Оба предшественника имп. Александра, его дядя и его отецъ, пробовали подходить къ нему съ самыми серьезными намѣреніями; но ни одному изъ нихъ не удалось даже приблизиться къ его разрѣшенію. Грандіозный замыселъ извѣстнаго Комитета 1807—1808 годовъ, пытавшагося одновременно рѣшить два сложныхъ вопроса—объ обезпеченіи духовенства и о духовномъ образованіи, въ первой части окончился полной неудачей; но благое намѣреніе, несомнѣнно, было на лицо и оно, конечно, диктовалось настоятельными жизненными потребностями. Широкій планъ обезпеченія всего духовенства, задуманный комитетомъ, выработавшимъ положеніе 1842 года о западныхъ

епархіяхъ, вылился въ концѣ концовъ именно только въ это частичное мѣропріятіе; а между тѣмъ матеріальное положеніе духовенства все болѣе расходилось съ предъявляемыми къ нему требованіями и налагаемыми на него новыми культурными задачами.

Предпринятыя правительствомъ имп. Александра II-го государственныя преобразованія, во главѣ съ крестьянской реформой, уже при самомъ замыслѣ расширяли и усиливали упомянутыя требованія по отношенію къ духовенству. Освобожденное крестьянство нуждалось въ культурномъ руководствѣ. А на кого же можно было возложить эту роль, какъ не на духовенство, особенно, когда земство еще не родилось, да и родившись, на первыхъ порахъ не могло никакъ замѣнить испытанныя силы церкви. Между тѣмъ, та же крестьянская реформа не только не поднимала благосостоянія духовенства, но грозила ему нѣкоторымъ серьезнымъ ущербомъ. До сихъ поръ, при крѣпостномъ правѣ, обезпеченіе причтовъ входило въ обязанность прежде всего помѣщиковъ, которые были какъ-бы естественными попечителями приходской церкви. Съ отмѣной крѣпостныхъ отношеній эта бытовая обязанность слагалась съ владѣльцевъ и переходила ко всему приходу; а это требовало налаженія и урегулированія новыхъ отношеній и твердой почвы подъ, хотя и скуднымъ, обезпеченіемъ приходскихъ причтовъ. Все вмѣстѣ взятое дѣлало, можно сказать, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія постановку вопроса объ обезпеченіи духовенства исторической необходимостью. И если фактическія обстоятельства не чужды нѣкоторыхъ случайностей, то это не уменьшаетъ его принципіальнаго назрѣванія.

Фактическія же обстоятельства оффиціальной постановки вопроса объ обезпеченіи духовенства въ началѣ царствованія имп. Александра II заключались въ слѣдующемъ. Положеніемъ 20-го іюля 1842 года объ обезпеченіи духовенства западныхъ епархій на прихожанъ возлагалась обязанность: обрабатывать 10 десятинъ священническаго земельнаго надѣла, устроить помѣщенія для причтовъ и ремонтировать ихъ, доставлять топливо для причтовыхъ потребностей и давать вновь назначаемымъ священнослужителямъ единовременныя пособія по $1^1/_2$ пуда муки въ мѣсяцъ на каждаго члена семьи, до новаго урожая, и сѣмена для обсѣва полей. Эти натуральныя повинности послужили поводомъ многихъ неудовольствій между

духовенствомъ и прихожанами. Впослѣдствіи въ одномъ оффиціальномъ документѣ приводилось, что родившаяся отсюда враждебность населенія къ духовенству послужила отчасти даже причиною бывшихъ въ 1856 году волненій въ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства. Какъ-бы то ни было, но мѣстное гражданское начальство въ 1850-хъ годахъ было сильно озабочено неудобствами положенія 1842 года. Кіевскій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ во всеподданнѣйшей запискѣ о положеніи ввѣренныхъ ему губерній въ періодъ 1853 — 1855 г.г. находилъ необходимымъ замѣнить натуральныя повинности прихожанъ въ пользу причтовъ денежнымъ платежемъ и въ то же время увеличить матеріальные рессурсы сельскаго духовенства. Одновременно ту же мысль высказалъ и тогдашній министръ государственныхъ имуществъ. По соглашенію вѣдомствъ, рѣшено было обсудить вопросъ въ мѣстныхъ комитетахъ, учрежденныхъ въ западныхъ губерніяхъ; а когда въ срединѣ 1859 г. губернскіе комитеты окончили свою работу и прислали свои соображенія, то по всеподданнѣйшему докладу испр. д. синодальнаго оберъ-прокурора кн. Урусова былъ учрежденъ (8 авг. 1859 г.) при Синодѣ особый комитетъ для окончательнаго разсмотрѣнія дѣла.

Означенный комитетъ не задавался общими задачами обезпеченія всего духовенства Имперіи, а занялся исключительно пересмотромъ положенія 1842 г. о западныхъ епархіяхъ. Но и при такой ограниченной задачѣ, онъ сразу встрѣтился со многими трудностями, которыхъ такъ и не могъ преодолѣть. Предсѣдатель комитета, преосв. Агаѳангелъ, епископъ ревельскій, викарій петербургскаго митрополита, сначала намѣтилъ было довольно широкую программу, имѣющую въ виду всестороннее улучшеніе матеріальнаго и нравственнаго быта духовенства западнаго края и вообще церковнаго дѣла. Но тотчасъ же оказалось, что доставленныя мѣстными комитетами свѣдѣнія совершенно не удовлетворяютъ условіямъ такого всесторонняго разсмотрѣнія вопроса. Членъ комитета отъ министерства внутрен. дѣлъ д. с. с. Батюшковъ предложилъ собрать дополнительныя свѣдѣнія. Комитетъ, однако, нашелъ лучшимъ отказаться отъ широкой постановки и скромно занялся простымъ переложеніемъ натуральныхъ повинностей прихожанъ въ денежныя. Съ этой задачей справились довольно скоро, но настолько неудовлетворительно, что тотъ же Батюшковъ заявилъ рѣшительный протестъ предъ Св. Синодомъ про-

тивъ комитетскаго проекта, представленнаго на синодальное разсмотрѣніе въ 1860 году. Батюшковъ настаивалъ на необходимости болѣе широкой постановки дѣла для достиженія сколько-нибудь существенныхъ результатовъ. Протестъ Батюшкова нашелъ себѣ подкрѣпленіе въ поданной на имя Государя запискѣ неизвѣстнаго автора, весьма радикально разсуждавшаго о печальномъ положеніи западнаго духовенства и способахъ его улучшенія. Доказывая нравственный упадокъ духовенства, авторъ названной записки объяснялъ его замкнутостью и многочисленностью духовнаго сословія, неудовлетворительностью духовнаго образованія и другими общими причинами; а въ качествѣ мѣръ улучшенія предлагалъ: сокращеніе числа приходовъ, сокращеніе причтовъ и духовнаго сословія путемъ упраздненія діаконовъ и замѣны штатныхъ причетниковъ вольнонаемными; предоставленіе причтамъ готовыхъ помѣщеній; повышеніе священническаго оклада до 500 и причетническаго до 150 руб., съ предоставленіемъ священнику 15-ти десятиннаго надѣла, а остальную церковную землю эксплоатировать люстраціоннымъ способомъ въ пользу казны, выдающей содержаніе; обезпеченіе престарѣлыхъ и больныхъ священниковъ; дозволеніе рукополагать безбрачныхъ, дабы уменьшить духовный классъ; свободный выходъ дѣтей духовенства на всѣ поприща образованія и дѣятельности; преобразованіе семинарій; учрежденіе женскихъ духовныхъ училищъ; учрежденіе приходскихъ совѣтовъ для попеченія о церкви и духовенствѣ.—Государь не оставилъ безъ вниманія эту записку и передалъ ее оберъ-прокурору гр. Толстому, чтобы «обсудить въ учрежденномъ комитетѣ при Синодѣ». Синодъ же, вмѣстѣ съ запиской, вернулъ въ комитетъ и его проектъ, опротестованный Батюшковымъ, для новаго пересмотра. Получивъ обратно проектъ и записку, комитетъ обсуждалъ послѣднюю, но не пришелъ ни къ какимъ рѣшительнымъ заключеніямъ. Должно быть въ виду явнаго разногласія, рѣшили вновь запросить свѣдѣнія съ мѣстъ; въ работахъ комитета былъ сдѣланъ въ іюлѣ 1860 г. перерывъ, а тѣмъ временемъ и составъ комитета измѣнился. На мѣсто назначеннаго въ Вятку преосв. Агаѳангела предсѣдателемъ былъ назначенъ преосв. Херсонскій Димитрій; члены-депутаты западныхъ епархій были отпущены по домамъ и ихъ замѣнили петербургскіе священники.

Однако и въ новомъ составѣ комитетъ не достигъ положительныхъ результатовъ. Общіе вопросы были отодвинуты, и

комитетъ опять занялся переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ пользу духовенства въ западномъ краѣ на денежныя. Оцѣнивъ совокупность этихъ повинностей по 9 губерніямъ западнаго края въ сумму около $1^1/_2$ мил. рублей, комитетъ положилъ отнести таковой расходъ на счетъ общаго сбора на Государственныя земскія денежныя повинности всей Имперіи; но самъ же и аннулировалъ достигнутый результатъ заявленіемъ, что при такой замѣнѣ матеріальный бытъ духовенства не улучшится, ибо все содержаніе священника, при готовомъ помѣщеніи, будетъ составлять 193—337 р., тогда какъ нормальнымъ размѣромъ надо считать 500 р. Но при послѣдней ставкѣ требовалось до 2.000.000 р. ежегодно, каковую сумму комитетъ не рѣшался просить у правительства. Что касается же общихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ неизвѣстнаго, то комитетъ остановился лишь на 4-хъ изъ нихъ: сокращеніи причтовъ, люстраціонной эксплоатаціи земли и учрежденіи приходскихъ совѣтовъ. Комитетъ нашелъ возможнымъ допустить упраздненіе въ западномъ краѣ до 435 приходовъ; оставить по одному псаломщику при каждомъ священникѣ; но не согласился ни на упраздненіе діаконовъ въ сельскихъ церквахъ, ни на замѣну штатныхъ причетниковъ вольнонаемными. Невыгодной нашелъ комитетъ и люстрацію. Но одобрилъ и принялъ мысль объ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ, редактировавъ правила для нихъ. Въ такомъ видѣ поступилъ комитетскій проектъ въ 1861 году на заключеніе вѣдомствъ; но тѣмъ и кончились комитетскія занятія. Въ междувѣдомственныхъ инстанціяхъ взглянули на дѣло болѣе широко, и тогда-то получилъ весь вопросъ общую постановку.

Останавливаясь на дѣятельности комитета 1859—1861 г., хотя бы въ предѣлахъ поставленнаго ему частнаго заданія улучшенія быта духовенства западнаго края, нельзя не видѣть, что въ комитетскомъ проектѣ намѣчалась схема и принципіальнаго значенія. Въ концѣ концовъ комитетскій планъ построенъ былъ на такихъ основаніяхъ. Взамѣнъ платы за требы, согласно идеѣ положенія 1842 года, духовенству назначалось жалованье изъ казны, теперь увеличиваемое противъ штатовъ 1842 г. въ виду отмѣны натуральныхъ приходскихъ повинностей. Затѣмъ, причты обезпечивались готовыми помѣщеніями, чтобы повысить сумму жалованья каждому лицу, проектировалось уменьшить число приходовъ и отчасти численность священно-церковно-служителей. А чтобы дополнить эти источ-

ники, явно недостаточные въ виду скудости казенныхъ окладовъ, предполагалось добавочное приходское довольство посредствомъ организованныхъ приходскихъ совѣтовъ. Въ послѣдней идеѣ заключалась вся новизна комитетскаго проекта и на ней необходимо остановиться. Казенное жалованье уже примѣнялось при обезпеченіи духовенства; вопросъ былъ лишь въ его размѣрѣ и степени распространенности. Сокращеніе числа духовенства—было мыслью еще Петра Великаго. Но организація приходского довольства посредствомъ приходско-общественныхъ учрежденій: это была идея новой эпохи русской жизни.

Впрочемъ, идея эта родилась не въ комитетѣ въ 1859—1861 г. г. Она родилась и воплотилась въ реальную форму немного раньше, на далекой восточной окраинѣ Россіи, и ея творцами были два замѣчательныхъ дѣятеля того времени: графъ Муравьевъ-Амурскій и архіеп. камчатскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Иннокентій. По ихъ соглашенію, для обезпеченія духовенства Амурской и Приморской областей, въ 1858 году былъ выработанъ особый проектъ, по которому предполагалось, увеличивъ земельные церковные надѣлы, отводя причтамъ готовыя помѣщенія, кромѣ жалованья изъ казны, давать духовенству денежное пособіе отъ прихода: въ городахъ священникамъ отъ 300 до 500 руб., діаконамъ 150—175 р. и дьячкамъ 100 р.; въ селахъ — священникамъ 200—250 р., діаконамъ 400 р. (діаконы казеннаго жалованья не получали), дьячкамъ 85—100 р. Деньги эти должны были раскладываться на прихожанъ. Для попеченія же о нуждахъ причта и церкви, слѣдовательно и для урегулированія и сбора означеннаго пособія, учреждались приходскіе совѣты изъ выборныхъ представителей прихода, коимъ ввѣрялось не только все церковное хозяйство, но и забота о благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и друг. приходскихъ потребностяхъ. Проектъ означеннаго амурскаго положенія въ 1859 году былъ на разсмотрѣніи Св. Сѵнода и получилъ полное его одобреніе, причемъ въ постановленіи по сему поводу отъ 17 іюня—7 августа 1859 г. Св. Сѵнодъ выразилъ намѣреніе, по Высочайшемъ утвержденіи амурскаго положенія, «ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ, чтобы Св. Сѵноду было дозволено войти въ соглашеніе съ подлежащими министерствами о примѣненіи главныхъ началъ означеннаго проекта, по мѣрѣ возможности, къ прочимъ губерніямъ и областямъ Россіи».

Высочайшее утвержденіе проекта послѣдовало 23 декабря 1859 г. Первымъ же опытомъ примѣненія амурскихъ правилъ о приходскихъ совѣтахъ и было почти буквальное воспроизведеніе ихъ въ положеніи комитета, составленномъ въ 1861 г. для западнаго духовенства. Безъ сомнѣнія, и въ запискѣ неизвѣстнаго идея приходскихъ совѣтовъ взята съ амурскаго образца. Такимъ образомъ очевидно, что приходскіе совѣты западнаго края должны были обслуживать тѣ-же нужды, что и на Амурѣ: т. е., организовать приходское попеченіе о нуждахъ духовенства и храмовъ. Правда, въ положеніи о западныхъ епархіяхъ не устанавливалось нормъ приходскаго пособія причтамъ и не предполагалось дѣлать такое пособіе обязательнымъ. Но, несомнѣнно, предполагалось, что приходскіе совѣты дадутъ возможность духовенству, по взаимному соглашенію съ прихожанами, въ потребныхъ случахъ получать приходское вспомоществованіе наиболѣе регулярнымъ и удобнымъ способомъ.

Въ концѣ концовъ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ преосв. Димитрія какъ будто предлагалъ довольно стройную систему. Однако, система эта, сама по себѣ раціональная, въ той формѣ, въ какую она вылилась, обнаруживала существенные недостатки. Обезпеченіе духовенства западнаго края здѣсь составлялось изъ двухъ, главнымъ образомъ, слагаемыхъ: правительственнаго жалованья и пособія отъ прихожанъ. Но первое, по открытому признанію самаго комитета, было совершенно недостаточно, будучи вдвое-втрое меньше содержанія мѣстныхъ католическихъ ксендзовъ, людей одинокихъ, а не семейныхъ. Второе же было проблематичнымъ. Приходскимъ совѣтамъ предоставлялось на добрую волю оказывать пособіе духовенству, или не оказывать; въ руки ихъ не давалось дѣйствительныхъ источниковъ матеріальныхъ средствъ, и не устанавливалось никакихъ нормъ матеріальныхъ взаимоотношеній приходовъ къ причтамъ. Главной задачей приходскихъ совѣтовъ западнаго края ставилось, собственно, устройство домовъ для священно-церковно-служителей на счетъ особаго образуемаго капитала. Оба слагаемыхъ благосостоянія духовенства оказывались, стало быть, непрочны, и вполнѣ понятно, что комитетскій проектъ казался неудовлетворительнымъ нѣкоторымъ изъ самихъ членовъ комитета, какъ д. с. с. Батюшковъ.

Въ іюнѣ 1861 года, по постановленію Св. Сунода, комитетскія предположенія были препровождены на заключеніе

министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ: чтобы онъ по сношенію съ министрами Государственныхъ имуществъ и финансовъ представилъ свои соображенія. Между тѣмъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ продолжали поступать донесенія начальниковъ западнаго края о неудовлетворительномъ состояніи тамошняго духовенства, объ обостреніи его отношеній съ прихожанами на почвѣ натуральныхъ повинностей, объ униженности православной церкви и ея служителей по сравненію съ духовенствомъ католическимъ и необходимости возведенія ея на высшую степень благосостоянія и достоинства. Министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ западнаго края, какъ показываетъ поведеніе его представителя Батюшкова въ сунодскомъ комитетѣ, все время находило комитетскія мѣропріятія недостаточно цѣлесообразными для достиженія своей цѣли. Теперь-же, получивъ окончательный комитетскій проектъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ рѣшилъ высказаться болѣе рѣшительно. Въ августѣ 1861 года, представляя на высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора выписки изъ конфиденціальнаго отношенія Кіевскаго генералъ-губернатора и изъ доставленныхъ волынскимъ губернскимъ прокуроромъ соображеній о положеніи православнаго духовенства и русской народности въ юго-западномъ краѣ, Валуевъ прямо выразилъ мысль, что для удовлетворительнаго, государственнымъ потребностямъ соотвѣтствующаго разрѣшенія вопроса о преобразованіи и обезпеченіи быта нашего духовенства въ западныхъ губерніяхъ, этотъ вопросъ надлежитъ поставить шире, «перенести изъ круга дѣйствій одного или двухъ вѣдомствъ въ кругъ высшихъ правительственныхъ соображеній и сдѣлать общимъ для всей Имперіи». Министръ высказывалъ предположеніе, «что православная церковь и православное духовенство не займутъ въ западномъ краѣ мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, до тѣхъ поръ, пока въ самомъ средоточіи государства это же самое духовенство останется въ томъ положеніи и на томъ уровнѣ, на которомъ оно нынѣ находится». Въ заключеніе министръ повергалъ на Высочайшее благоусмотрѣніе мысль объ учрежденіи особаго комитета изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для ближайшаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ относительно средствъ къ улучшенію быта православнаго духовенства вообще и приходскаго въ особенности. Эта мысль удостоилась Высочайшаго одобренія. Но приведеніе ея въ исполненіе нѣсколько замед-

лилось вслѣдствіе междувѣдомственныхъ сношеній и нѣкоторой оппозиціи духовнаго вѣдомства. Наконецъ, 28-го іюня 1862 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго Присутствія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства всей Имперіи. Предсѣдателемъ Присутствія былъ назначенъ митрополитъ новгородскій и спб. Исидоръ, духовными членами—всѣ наличные члены Св. Сѵнода, каковые будутъ въ теченіе занятій Присутствія, а съ свѣтской стороны опредѣлены: генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, министръ государств. имуществъ Зеленой, сѵнодальный оберъ-прокуроръ Ахматовъ и директоръ Духовно-Учебнаго Управленія князь Урусовъ. Въ это новое Присутствіе переданы были и раньше производившіяся дѣла: объ обезпеченіи духовенства западныхъ епархій, о примѣненіи къ другимъ мѣстностямъ Имперіи положенія объ устройствѣ духовенства въ при-Амурскомъ краѣ. Въ январѣ 1863 года Присутствіе открыло свои дѣйствія.

Высочайше учрежденному 28 іюня 1862 года Присутствію по дѣламъ православнаго духовенства задача обезпеченія духовенства ставилась во главу угла его дѣятельности уже въ самомъ текстѣ Высочайшаго повелѣнія. Естественно, что на этотъ вопросъ было обращено Присутствіемъ сразу-же и главное вниманіе изъ числа другихъ вопросовъ улучшенія быта духовенства. Въ разосланной Присутствіемъ, при открытіи его занятій, по епархіямъ программѣ вопросовъ, вопросъ о расширеніи средствъ матеріальнаго обезпеченія духовенства былъ первымъ. Присутствіе затребовало изъ епархій свѣдѣнія, каковы имѣющіеся способы содержанія духовенства, насколько они неудовлетворительны и какія средства къ его улучшенію представляются на мѣстахъ. А пока соберутся эти свѣдѣнія, Присутствіе съ своей стороны приступило къ разсмотрѣнію имѣющихся уже предположеній и соображеній.

Однако, сразу-же оказалось, что для осуществленія грандіозной задачи Присутствіе располагаетъ очень ограниченнымъ кругомъ средствъ. Со стороны правительства дано было знать, что при изысканіи способовъ улучшенія быта духовенства не слѣдуетъ разсчитывать на денежные рессурсы государственнаго казначейства. Даже для удовлетворенія нуждъ западныхъ епархій, согласно проекту комитета 1857—1867 гг., правительство затруднялось отпустить требуемую сумму, о чемъ заявилъ въ

одномъ изъ первыхъ засѣданій князь Долгоруковъ и что подтвердилъ затѣмъ въ особой запискѣ министръ внутрен. дѣлъ Валуевъ.

Въ своей запискѣ отъ 10 марта 1863 года, легшей въ основу дальнѣйшихъ дѣйствій Присутствія, министръ внутрен. дѣлъ писалъ, что въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта духовенства въ западномъ краѣ, какъ и во всей Имперіи, необходимо имѣть въ виду слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, при обращеніи вниманія на многочисленныя нужды духовенства надо помнить ограниченность средствъ, имѣющихся для ихъ удовлетворенія. Сумма нуждъ больше суммы средствъ... А потому надлежитъ преимущественно озаботиться приведеніемъ въ извѣстность этихъ средствъ, выясненіемъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей, которыя должны быть удовлетворены въ первую очередь. Во-вторыхъ, при составленіи предположеній объ улучшеніи быта сельскаго духовснства, не слѣдуетъ обращать вниманіе по преимуществу на мѣры общаго значенія, всегда затруднительныя, а надо довольствоваться хотя бы частичными результатами. «Надлежитъ исходить отъ мысли, что Правительство не можетъ въ одно время обезпечить всего приходскаго духовенства, но можетъ приступить къ постепенному обезпеченію быта большаго или меньшаго числа приходскихъ причтовъ». Въ третьихъ, не нужно проектировать единообразныхъ нормъ, примѣненіе коихъ къ различнымъ мѣстнымъ условіямъ возбуждаетъ, безъ всякой надобности, новыя затрудненія. Уравнительность благосостоянія причтовъ недостижима по разности мѣстныхъ условій, да и не необходима; она нигдѣ не встрѣчается и въ бытѣ другихъ исповѣданій. «Приходскіе священники не чиновники, получающіе окладное содержаніе... Между священнослужителями и приходомъ должна быть особаго рода связь, и желательно, чтобы прихожане принимали ближайшее добровольное участіе въ благолѣпіи приходскаго храма и въ благосостояніи приходскаго причта... Всему этому штатная уравнительность противорѣчитъ и противодѣйствуетъ». Поэтому надлежитъ при назначеніи всякихъ вспомоществованій не стѣсняться заранѣе установленными нормами, и заботиться преимущественно не о томъ, чтобы пособія были оказаны возможно большему числу приходовъ, а о томъ, чтобы они по каждому приходу были оказаны въ достаточныхъ размѣрахъ. Въ-четвертыхъ, при изысканіи средствъ къ улучшенію быта духовенства нельзя обращать главное вниманіе на правитель-

ственные способы. Хотя существующія правительственныя ассигнованія на духовенство и не могутъ быть признаны весьма значительными при сравненіи съ цифрою населенія и численностью духовнаго сословія; но съ другой стороны очевидно, что при состояніи государственныхъ средствъ нѣтъ возможности требовать отъ государственной казны усиленныхъ добавочныхъ пожертвованій. Обезпеченіе церковныхъ причтовъ, какъ равно и содержаніе храмовъ, составляетъ собственно обязанность самихъ прихожанъ; это дѣло общественное, въ которомъ прихожане призваны къ столь же непосредственному участію, какъ и само правительство. Надлежитъ только «возбудить и поощрить самостоятельность и самодѣятельность приходскихъ обществъ», въ чемъ особую пользу можетъ принести учрежденіе приходскихъ совѣтовъ. И даже въ отношеніи западнаго края министръ внут. дѣлъ находилъ болѣе правильнымъ возложить вознагражденіе за натуральныя повинности на приходы, а не на казну, такъ какъ вопросъ объ отмѣнѣ повинностей возбужденъ не изъ-за ихъ тягостности для прихожанъ, а изъ-за ихъ неудобства. Въ-пятыхъ, при оказаніи правительственныхъ пособій слѣдуетъ по преимуществу имѣть въ виду не денежные рессурсы казны, а другіе источники, какъ то земли и лѣса вѣдомства государств. имуществъ. Поэтому и предположенныя комитетомъ 1859—1861 гг. для западныхъ епархій денежныя ассигнованія ст. секр. Валуевъ предлагалъ или замѣнить земельными, или отчасти отнести на средства Св. Сvнода, а изъ государ. казначейства, полагалъ, найдется возможнымъ отпустить всего на первый разъ добавочныхъ 190 тыс. рубл. Наконецъ, для облегченія и упрощенія порядка приведенія въ дѣйствіе тѣхъ мѣръ, которыя были бы признаны полезными въ дѣлѣ, министръ внутр. дѣлъ находилъ необходимымъ «ввѣрить ближайшее попеченіе объ улучшеніи быта духовенства и непосредственное завѣдываніе относящимися къ тому распоряженіями въ каждой губерніи особому присутствію, составленному изъ трехъ лицъ: епархіальнаго архіерея, губернатора и управляющаго палатою государственныхъ имуществъ.»

Отношеніе правительства къ дѣлу обезпеченія духовенства, выразившееся въ запискѣ ст. секр. Валуева, такимъ образомъ опредѣлялось довольно ясно. Правительство находило новыя крупныя ассигнованія изъ казны непосильными для государства и, соглашаясь оказать нѣкоторое вспомоществованіе изъ фонда недвижимыхъ государственныхъ имуществъ, предлагало обратить

вниманіе по преимуществу на мѣстныя приходскія средства. А что ст. секр. Валуевъ выражалъ точку зрѣнія правительства, Присутствіе скоро убѣдилось и на опытѣ. Когда оно на первыхъ же порахъ занялось разсмотрѣніемъ готоваго проекта комитета преосв. Дмитрія и, пересмотрѣвъ его исчисленія, рѣшило ходатайствовать предъ правительствомъ объ ассигнованіи около $1^1/_2$ мил. рублей ежегодно изъ государственнаго земскаго сбора и около 3.600.000 р. единовременно изъ казны для замѣны натуральныхъ повинностей прихожанъ, то получило отъ 2-го мая 1863 года отзывъ министерства финансовъ совершенно отрицательный. Министръ финансовъ обѣщалъ лишь до 200 тыс. рубл., обѣщанныхъ и Валуевымъ.

Въ виду такого положенія дѣла Присутствію ничего не оставалось, какъ пойти по пути, указываемому правительствомъ. Послѣ отзыва министра финансовъ, Присутствіе предупредило епархіальныхъ властей, чтобы на мѣстахъ не разсчитывали на средства госуд. казначейства и изыскивали преимущественно мѣстные источники обезпеченія духовенства; а тѣмъ временемъ присутствіе еще раньше приступило къ разработкѣ такихъ мѣропріятій въ томъ же направленіи, которыя могли бы получить общее примѣненіе. Освѣдомленный, конечно, заранѣе о правительственной точкѣ зрѣнія предсѣдатель присутствія митр. Исидоръ уже въ засѣданіи 31-го января 1863 года внесъ предложеніе: заняться, въ ожиданіи собранія мѣстныхъ свѣдѣній, нынѣ же изысканіемъ мѣръ и способовъ къ устраненію самыхъ настоятельныхъ нуждъ приходскаго духовенства, которыя могли бы быть разрѣшены въ видѣ общихъ началъ. Такою наиболѣе настоятельною нуждою митр. Исидоръ считалъ устройство для причтовъ готовыхъ помѣщеній. Заботу объ устройствѣ причтовыхъ домовъ церковная власть проявляла уже давно, и въ XVIII и въ XIX вв. Между прочимъ обязанность эта была возложена спеціально на церковныхъ старостъ. Но практическіе результаты до сихъ поръ были незначительны, и большинство причтовъ готовыхъ помѣщеній не имѣли, а пользовались обычно собственными или наемными домами. Присутствіе вполнѣ согласилось съ мыслью преосв. Исидора и съ своей стороны для осуществленія предлагаемой мѣры выдвинуло общую идею такихъ органовъ приходской дѣятельности, которые могли быть болѣе надежными исполнителями какъ названнаго, такъ и другихъ мѣропріятій. Идея такихъ органовъ была уже предъ глазами присутствія на-лицо, и какъ-разъ въ

той же связи съ вопросомъ о постройкѣ причтовыхъ помѣщеній, въ проектѣ приходскихъ совѣтовъ, принятомъ комитетомъ 1859—1861 г. г. Къ ней присутствіе и обратилось.

«Исторія отечественной церкви,—разсуждало Присутствіе,—указываетъ, какъ на средство ея благосостоянія, на то участіе въ ея хозяйствѣ, которое принимало въ немъ общество вѣрныхъ. Такимъ образомъ вся Южная и Западная Русь имѣла у себя церковно-общественное учрежденіе, извѣстное подъ именемъ церковныхъ братствъ, слѣды котораго доселѣ существуютъ, не только снабжавшія церковь матеріальными средствами, но и умѣвшія оградить ее въ борьбѣ съ чужими элементами. Руководствуясь подобными примѣрами, Присутствіе признало полезнымъ учредить при приходскихъ церквахъ Имперіи особые церковные совѣты, которые, состоя изъ священнослужителей, церковныхъ старостъ и избранныхъ обществомъ изъ среды себя почетныхъ лицъ, отличающихся благочестіемъ и усердіемъ къ св. Церкви, заботились бы о мѣстныхъ ея потребностяхъ». Предположеніе это представлялось Присутствію «тѣмъ удобнѣйшимъ, что мысль о церковныхъ совѣтахъ уже была заявлена въ существовавшемъ при Св. Сунодѣ комитетѣ объ устройствѣ духовенства въ западныхъ епархіяхъ и еще подробнѣе развита въ положеніи о духовенствѣ Приамурскаго края, которое въ главныхъ основаніяхъ уже удостоено Высочайшаго утвержденія».

Высказавъ идею приходскихъ совѣтовъ, присутствіе затѣмъ облекло ее, какъ извѣстно, въ форму положенія о приходскихъ попечительствахъ. Не касаясь этого учрежденія, какъ органа приходской самодѣятельности вообще, въ отношеніи къ задачѣ обезпеченія духовенства этотъ органъ, при окончательномъ формулированіи, былъ надѣленъ значительно болѣе широкими обязанностями, чѣмъ то предлагала исходная постановка. Частный вопросъ объ устройствѣ домовъ для причтовыхъ надобностей превратился въ общій вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія духовенства, когда конкретнѣе выяснились формы новаго приходскаго учрежденія. Въ докладѣ объ учрежденіи приходскихъ попечительствъ, мотивируя свои предположенія, присутствіе уже на первый планъ выдвигало общую задачу обезпеченія священно-церковнослужителей, поддерживая, что для таковаго обезпеченія имѣются именно два источника: пособіе отъ правительства и средства отъ прихожанъ, что попечительства предназначены для использованія

послѣднихъ средствъ. Возбужденіе самодѣятельности приходскихъ обществъ присутствіе считало главнымъ средствомъ пробужденія приходской заботливости о потребностяхъ церквей и духовенства, при чемъ устройство домовъ для причтовъ въ положеніи о попечительствахъ стояло уже только въ видѣ частной обязанности попечительствъ. На первомъ планѣ въ Положеніи стояла забота приходскихъ учрежденій о нуждахъ церкви и духовенства во всей ихъ совокупности. Въ частности относительно обезпеченія причтовъ Положеніе выражалось, что попечительства обязаны заботиться о томъ, «чтобы приходское духовенство пользовалось всѣми предоставленными ему средствами содержанія, а въ случаѣ недостатка сихъ средствъ, объ изысканіи способовъ для увеличенія оныхъ». Какъ видно, такая формулировка обнимала всѣ возможныя формы приходскаго довольства. Теоретически она предполагала, что, по выясненіи нуждъ мѣстнаго причта, приходскія учрежденія найдутъ приходскіе источники ихъ удовлетворенія, и матеріальный вопросъ такимъ образомъ разрѣшается именно тѣмъ путемъ, на какой указывало правительство.

Положеніе о приходскихъ попечительствахъ было высочайше утверждено 2-го августа 1864 года, и, казалось, вопросъ объ обезпеченіи духовенства всей Имперіи этимъ приближался къ разрѣшенію. Но, къ сожалѣнію, конструкція новыхъ приходскихъ учрежденій практически совсѣмъ не оправдывала теоретическихъ соображеній. Присутствіе совершенно вѣрно разсуждало, какъ и министръ Валуевъ, что для реализаціи мѣстныхъ матеріальныхъ источниковъ необходимо возбудить и поощрить приходско-общественную самодѣятельность. На самомъ же дѣлѣ, прошедшее долгій искусъ Положеніе о попечительствахъ предоставляло прихожанамъ настолько органиченныя права въ церковномъ хозяйствѣ и церковномъ дѣлѣ, что самодѣятельность приходскихъ обществъ получила очень малое возбужденіе. Прихожане, въ рамкахъ Положенія о попечительствахъ, не заинтересовывались достаточно судьбою причта; а съ формальной стороны приходскія обязательства не имѣли никакой нормировки и сводились къ доброхотному соглашенію. Забота объ обезпеченіи духовенства была собственно не юридической, а нравственной обязанностью приходскихъ попечительствъ, и духовенство не имѣло, напримѣръ, никакихъ способовъ реализировать эту обязанность, какъ бы оно того ни желало. Попечительства же съ свою очередь не имѣли

никакихъ способовъ исполнить свои обязанности, кромѣ возбужденія добраго желанія въ прихожанахъ. Попечительства могли собирать добровольныя пожертвованія на храмъ и причтъ; но кромѣ этого неопредѣленнаго и измѣнчиваго источника они не располагали никакими матеріальными рессурсами. Право производить приходскіе сборы по обязательной раскладкѣ было предоставлено попечительствамъ только въ крайне ограниченномъ видѣ. Именно, попечительству дозволялось, при недостаткѣ пожертвованій, «по совѣщаніи съ почетнѣйшими прихожанами» составлять предположенія о назначеніи опредѣленнаго сбора съ прихожанъ, единовременнаго или постояннаго, деньгами или натурою, для производства причту пособія или для другой надобности». Подобное предположеніе должно было предлагаться на обсужденіе общаго собранія прихожанъ; но обязательнымъ приговоръ былъ только для тѣхъ, кто изъявилъ на то согласіе. Присутствіе сначала думало было усвоить обязательность приговоровъ по большинству $^2/_3$ прихожанъ; но Государственный Совѣтъ отвергъ такую обязательность. Обязательность же только для согласившихся равнялась добровольному пожертвованію и ничего не прибавляла къ неустойчивымъ и проблематичнымъ источникамъ матеріальныхъ средствъ приходскихъ учрежденій. Въ концѣ концовъ получалось, что ничтожность рессурсовъ совершенно не соотвѣтствовала серьезнымъ обязанностямъ приходскихъ попечительствъ и заранѣе охлаждала усердіе нѣкоторыхъ прихожанъ къ дѣлу, оставляя вопросъ о приходскомъ довольствѣ причту въ кругѣ теоретическихъ предположеній.

Теоретичность эта становится особенно выпуклой на фонѣ тѣхъ отзывовъ изъ епархій, какіе затребовало при своемъ открытіи присутствіе. Епархіальное духовенство довольно единодушно высказывалось за замѣну поручнаго даянія за обязательныя требы опредѣленнымъ жалованьемъ, но только на болѣе твердыхъ основаніяхъ. Въ отзывахъ предлагалось жалованье производить изъ мірскихъ сборовъ прихожанъ, по раскладкѣ на каждаго взрослаго члена семьи, или по усмотрѣнію самихъ обществъ (сборы дѣлать чрезъ сельскія начальства вмѣстѣ со сборомъ государственныхъ податей). Для уравнительности же сборовъ, или уравнять приходы, или сборы раскладывать не на каждый приходъ отдѣльно, а на все населеніе епархіи. Недостающее для достаточнаго содержанія количество денегъ изъ мірскихъ сборовъ пополнять изъ государственнаго казначей-

ства. Какъ видно, епархіальная схема была гораздо болѣе реальной. Но для примѣненія такой схемы были непригодны созданныя присутствіемъ попечительства.

Созданіемъ приходскихъ попечительствъ присутствіе на первыхъ порахъ и ограничило свою дѣятельность по общему вопросу обезпеченія всего духовенства, если не считать подтвердительныхъ постановленій объ отводѣ причтамъ земельныхъ участковъ въ узаконенной пропорціи, такъ какъ оказалось, что нѣкоторые причты все еще не имѣютъ указнаго количества земли. Для дальнѣйшихъ же шаговъ присутствіе видимо, ожидало окончательныхъ результатовъ предпринятой мѣстной анкеты и отзывовъ епархіальныхъ комитетовъ. Губернскіе комитеты, образованные въ 1863 году по предложенію министра вн. дѣлъ и получившіе инструкцію изыскивать по преимуществу мѣстные способы къ улучшенію быта духовенства, довольно единодушно высказались, что для улучшенія матеріальнаго положенія причтовъ существенную пользу могли бы принести уменьшеніе числа приходовъ и сокращеніе состава причтовъ. Во многихъ епархіяхъ приходы измельчали безъ нужды, вовсе не въ соотвѣтствіи съ мѣстными особенностями. Оказывалось, напримѣръ, что большинство малолюдныхъ приходовъ принадлежатъ къ губерніямъ незначительнымъ по пространству, но съ густымъ населеніемъ, гдѣ нельзя предполагать неудобствъ сообщенія. Относительно состава причтовъ епархіальные преосвященные и комитеты полагали возможнымъ уменьшить число священниковъ; сократить или вовсе упразднить штатныхъ діаконовъ, оставивъ ихъ лишь при городскихъ соборахъ; упразднить классъ штатныхъ церковнослужителей, замѣнивъ ихъ вольнонаемными или же уменьшить ихъ число; упразднить штатныхъ просфоренъ. Получивъ эти отзывы, Высочайше учрежденное присутствіе вполнѣ согласилось съ цѣлесообразностью намѣчаемаго пути и въ 1869 году вошло въ обсужденіе вопроса объ уменьшеніи числа приходовъ и состава причтовъ. Штатный составъ причта присутствіе опредѣлило въ слѣдующемъ видѣ. При каждой самостоятельной приходской церкви долженъ быть одинъ священникъ-настоятель, въ помощь коему могутъ быть назначаемы, въ случаѣ многочисленности прихода или особыхъ мѣстныхъ нуждъ, одинъ или болѣе помощниковъ изъ вновь рукополагаемыхъ священниковъ. Штатныхъ діаконовъ присутствіе полагало совсѣмъ упразднить, не воспрещая, однако, имѣть при церквахъ лицъ діаконскаго сана на причетническихъ

вакансіяхъ, или на счетъ особо назначеннаго отъ прихожанъ содержанія. Упразднить штатныхъ причетниковъ присутствіе не признало возможнымъ, но положено сократить ихъ число, постановивъ назначать къ церкви по одному, и не болѣе двухъ штатныхъ причетниковъ въ званіи псаломщика или въ санѣ діакона, въ помощь которымъ можетъ быть дозволено настоятелю церкви съ старостою и прихожанами содержать столько вольнонаемныхъ церковно-служителей, сколько пожелаютъ. Однако, опредѣлить новый составъ причтовъ на этихъ основаніяхъ, а также произвести сокращеніе числа приходовъ присутствіе предоставило мѣстнымъ комитетамъ, не беря на себя отвѣтственности за подобную задачу. И только когда губернскія присутствія представили свои соображенія, присутствіе въ 1872 году утвердило ихъ. По новому расписанію приходовъ и причтовъ въ 22 епархіяхъ вмѣсто прежнихъ 42764 лицъ духовенства оставлено было 27133, менѣе прежняго на 16531, т.е сокращеніе произведено болѣе, чѣмъ на $^1/_3$.

Сокращеніе кадровъ духовенства было, собственно, и единственной реальной мѣрой къ улучшенію его быта, проведенной присутствіемъ, такъ какъ приходскія попечительства совершенно не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Эта мѣра навлекла на присутствіе не мало нареканій и тогда же вызвала протестъ кіевскаго митрополита Арсенія. Но надо имѣть въ виду, во-первыхъ, что она имѣла за собой историческую традицію, идущую съ Петра Великаго и легшую въ основу возвышенія духовнаго класса. Во-вторыхъ, трудно оспаривать необходимость сообразовать число духовенства съ дѣйствительными нуждами страны, и если русская практика до XVIII вѣка привела къ непомѣрному размноженію духовнаго сословія и его непомѣрному униженію, то, хотя и болѣзненными операціями, но приходилось лечить старую болѣзнь. Въ-третьихъ, присутствіе въ этомъ дѣлѣ всецѣло руководилось мѣстными соображеніями и не навязывало епархіямъ своей идеи. И если означенное мѣропріятіе имѣло нѣкоторыя отрицательныя послѣдствія, то едва-ли справедливо усваивать ихъ самому замыслу.

Тѣмъ не менѣе, эта мѣра, хотя и реальная, не давала все-же желательныхъ реальныхъ результатовъ. Она улучшала положеніе духовенства, но не настолько значительно, чтобы окончательно вывести его изъ приниженнаго матеріальнаго состоянія и улучшить его бытъ, особенно если имѣть

въ виду, что намѣченное сокращеніе не могло быть осуществлено сразу. Желательные результаты могла бы дать только другая мѣра присутствія, организація приходской хозяйственной единицы, намѣченная въ попечительствахъ, если бы она получила правильную постановку. Но присутствіе за все долгое время своего существованія, кажется, не поняло своей коренной ошибки.

Болѣе конкретно былъ рѣшенъ присутствіемъ частный вопросъ объ обезпеченіи духовенства западнаго края, переданный изъ комитета преосв. Димитрія. Въ упомянутомъ комитетѣ, какъ мы видѣли, вопросъ этотъ ставился ограниченно: въ смыслѣ замѣны натуральныхъ повинностей прихожанъ денежнымъ вознагражденіемъ. Съ открытіемъ присутствія, хотя и не по его инициативѣ, а по инициативѣ мѣстныхъ гражданскихъ властей, вопросъ былъ поставленъ шире: о возвышеніи вообще благосостоянія западнаго духовенства и возведеніи православной церкви въ западномъ краѣ на высшую степень гражданскаго значенія. Въ сихъ видахъ присутствіе въ 1863 году уже признало необходимымъ испросить изъ казны тѣ 200 тыс. рубл., которые соглашалось, какъ было выше сказано, отпустить министерство финансовъ. Эти 200 тыс. были распредѣлены, по закону 24 іюля 1863 г., между всѣми 9-ю епархіями западнаго края, внѣ зачета натуральныхъ повинностей. Затѣмъ на такихъ же основаніяхъ въ 1864 г., по закону 24 мая, было ассигнованно въ пособіе духовенству однѣхъ 6-ти сѣверозападныхъ епархій 400 тыс. р. въ годъ; а въ 1865 г. по закону 29 апрѣля отпущено было по 200 тыс. р. въ годъ для трехъ югозападныхъ епархій. Вслѣдствіе этихъ ассигновокъ въ сѣверозападномъ краѣ удалось довести оклады городскихъ священниковъ до 400 р. и сельскихъ до 300 р. Но въ югозападномъ краѣ оклады были почти вдвое меньше. Наконецъ, въ 1866 году присутствіе подняло вопросъ и объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей. Такъ какъ министерство фанансовъ отказывалось отпустить исчисленную комитетомъ 1861 года сумму въ 3 ½ мил. единовременно заимообразно, то присутствіе рѣшило пока хотя бы ограничиться отмѣной одной, наиболѣе тягостной для прихожанъ повинности: обработки священнической земли, выкупъ которой исчислялся комитетомъ 1861 г. въ 497 тыс. р., изъ коихъ 161 тыс. приходилась на сѣверо-западный край и 336 на югозападный. На сдѣланное сношеніе съ мѣстными начальниками получился отзывъ повидимому благопріятный. Главный началь-

никъ сѣверо-западнаго края генералъ-адъютантъ Кауфманъ соглашался съ готовностью на ассигнованіе 161 тыс. изъ помѣщичьяго сбора. А главный начальникъ юго-западнаго края генералъ-адъютантъ Безакъ съ своей стороны предлагалъ проектъ даже полнаго обезпеченія мѣстнаго духовенства. По его предположеніямъ достаточно было бы назначить содержанія: священникамъ городскимъ по 600 р. и сельскимъ по 300р ., дьякамъ городскимъ по 100 р. и сельскимъ по 60 р., и т. д., и на все это понадобилось бы 1.575.945 р., Включая сюда существующія ассигнованія, доходъ отъ земли и отъ натуральныхъ повинностей, ген.-ад. Безакъ находилъ необходимымъ доассигновать всего 200 тыс. рубл. Цѣнпость натуральныхъ повинностей онъ при этомъ исчислялъ въ 374 тыс. р. Эти повинности онъ также предлагалъ выкупить и замѣнить ихъ особымъ подушнымъ сборомъ.

Менѣе благопріятны были отзывы заинтересованныхъ министерствъ. Министръ финансовъ отозвался, что желательно было бы, чтобы сборы взамѣнъ натуральныхъ повинностей устанавливались самими прихожанами по добровольнымъ соглашеніямъ; и если уже этого нельзя достигнуть, то все-таки подушный сборъ, проектируемый Безакомъ, недопустимъ, а необходимо обратиться къ процентному сбору съ помѣщичьихъ имѣній. Министръ же внутр. дѣлъ Валуевъ повторилъ свой прежній взглядъ на дѣло, указавъ, что его точка зрѣнія остается неизмѣнной: главная обязанность обезпеченія причтовъ должна лежать на самихъ приходахъ; государство можетъ принимать въ этомъ дѣлѣ только вспомогательное участіе, да и то по возможности не путемъ денежныхъ ассигновокъ, а путемъ примѣненія фундушеваго начала (отводъ земель, лѣсовъ, рыбныхъ ловель, поощренія къ образованію приходскихъ капиталовъ). Валуевъ энергично высказывался противъ стремленія переложить расходы на духовенство на государство, и только въ видѣ временной мѣры соглашался на выкупъ натуральныхъ повинностей за счетъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній.

Необходимость выкупа натуральныхъ повинностей все-таки признавалась всѣми, и потому присутствіе окончательно остановилось на этой мѣрѣ, разсудивъ однако произвести выкупъ не на счетъ сбора съ помѣщичьихъ имѣній, а на счетъ особаго для сего установленнаго поземельнаго сбора. Это рѣшеніе получило высочайшее одобреніе и затѣмъ, пройдя черезъ Госуд.

Совѣтъ, сдѣлалось закономъ. По Высоч. утвержденнымъ мнѣніямъ Госуд. Совѣта, натуральныя повинности прихожанъ въ пользу духовенства отмѣнялись въ юго-западныхъ губерніяхъ съ 1 января 1868 г., а въ сѣверо-западныхъ съ 1 января 1870 г.

Но при этомъ выкупѣ произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное первоначальнымъ замысломъ. Присутствіе сначала полагало отмѣнить одну обработку священнической земли, оцѣнивъ ее въ 497 тыс. р. Въ дальнѣйшемъ же теченіи дѣло приняло характеръ отмѣны всѣхъ натуральныхъ повинностей, какъ то и было утверждено закономъ. Между тѣмъ, цифры выкупа остались почти тѣ самыя, какія предназначались за выкупъ одной повинности. Именно, по сѣверо-западному краю такъ и осталась 161 тыс. руб. + 23 тыс. % отчисленія въ строительный капиталъ; по юго-западному же ген.-ад. Безакъ отчислялъ 374 т. вмѣсто 336, т. е всего на 38 тыс. больше. Въ итогѣ получалось около 560 тыс. за всѣ натуральныя повинности по западному краю. Между тѣмъ, комитетъ 1861 года цѣнность этихъ повинностей исчислялъ въ 1.257 тыс. р., не считая единовременнаго пособія хлѣбомъ новымъ членамъ причта. Слѣдовательно, духовенство западнаго края съ отмѣной повинностей получало на 700 тыс. меньше прежняго, и этотъ убытокъ едва покрывался всѣми дополнительными ассигнованіями изъ госуд. казначейства, назначенными помимо выкупа повинностей. Въ концѣ концовъ, въ результатѣ всей операціи по улучшенію быта западнаго духовенства получался совершенно незначительный матеріальный плюсъ, а только устранялось прежнее неудобство, связанное съ приходскими повинностями.

Такимъ образомъ и разрѣшеніе частнаго вопроса объ обезпеченіи духовенства западнаго края въ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства нельзя считать вполнѣ удачнымъ. И здѣсь опять, пожалуй, ошибка Присутствія состояла въ томъ, что оно старалось опереться по преимуществу на государственные рессурсы, вмѣсто того, чтобы упорядочить мѣстные источники, и при ограниченности государственныхъ средствъ неизбѣжно сводило всѣ мѣры къ палліативамъ. Между тѣмъ, по поводу дѣла о натуральныхъ повинностяхъ министерство внутренныхъ дѣлъ совершенно вѣрно высказывалось, что дѣло вовсе не въ ихъ обременительности для прихожанъ по существу, а въ формахъ осуществленія повин-

ностныхъ отношеній. Такъ равно и вообще поставленная Присутствіемъ задача—сдѣлать духовенство въ западномъ краѣ независимымъ отъ прихожанъ въ матеріальномъ отношеніи—диктовалась скорѣе случайными соображеніями, чѣмъ вытекала изъ существа отношеній прихожанъ къ духовенству. А въ западномъ краѣ идея эта проводилась столь послѣдовательно, что даже въ правила для церковныхъ совѣтовъ западныхъ епархій совсѣмъ не былъ внесенъ пунктъ объ обязанности совѣтовъ пещись о нуждахъ причта. Такая изоляція духовенства отъ прихожанъ, имѣя нѣкоторыя выгоды, имѣла едва ли не болѣе серьезныя невыгоды и закрывала путь къ улучшенію быта духовенства и въ дальнѣйшемъ, помимо ограниченныхъ ассигнованій изъ казны.

Неудача дѣятельности присутствія по дѣламъ православнаго духовенства въ направленіи матеріальнаго обезпеченія духовенства сознавалась и въ синодскихъ сферахъ того времени. Она сознавалась настолько, что въ 1880 году, во всеподданнѣйшемъ утверж. докладѣ, 15 февраля, оберъ-прокуроръ графъ Толстой прямо называлъ именно эту часть заданій присутствія наименѣе исполненной. Въ виду такой неудачи, приписываемой гр. Толстымъ не совсѣмъ справедливо исключительно состоянію государственныхъ финансовъ, означеннымъ докладомъ 15 февр. 1880 г. синодальный оберъ-прокуроръ вновь поднималъ вопросъ объ обезпеченіи духовенства. Докладъ упоминалъ о дороговизнѣ жизни, о несбывшихся ожиданіяхъ духовенства, какъ аргументъ политическаго дня, о «прискорбныхъ событіяхъ послѣдняго времени», дѣлающихъ «особенно необходимымъ призвать духовенство къ усиленному пастырскому вліянію на нравственное направленіе народа». Чтобы дать движеніе неудавшемуся въ 60-хъ годахъ дѣлу, гр. Толстой проектировалъ образовать новое особое совѣщаніе изъ министра финансовъ, гусударственнаго контролера, министра внутр. дѣлъ, управляющаго министерствомъ госуд. имуществъ и оберъ-прокурора, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента государственной экономіи д. т. с. Абазы, съ предоставленіемъ ему права приглашать другихъ полезныхъ лицъ. Предположенія гр. Толстого получили 15 февр. 1881 г. Высочайшее утвержденіе. Но это новое совѣщаніе по обезпеченію духовенства не имѣло ни одного засѣданія, «по измѣнившимся обстоятельствамъ», какъ сказано было въ одномъ оффиціальномъ документѣ послѣдующаго времени. Подъ этими обстоятельствами можно разумѣть событія предъ и послѣ траги-

ческой кончины имп. Алексанра II, отодвинувшія многіе вопросы общаго значенія.

Такъ царствованіе царя-Освободителя и не освободило духовенство отъ стѣснительныхъ условій его матеріальнаго быта. Оно намѣчало вѣрные пути. Но не использовало ихъ до конца и завѣщало весь сложный вопросъ будущимъ поколѣніямъ.

Проф. Б. Титлиновъ.

Воспоминанія стараго профессора (съ 1847 по 1913 г.г.) *).

Двухкратная поѣздка заграницу. Въ 1886 и 1887 годахъ пришлось мнѣ, вмѣстѣ съ женой, совершить двѣ поѣздки заграницу для поправленія разстроеннаго здоровья. Докторами назначены были намъ Карлсбадскія воды. Два года подрядъ мы должны были выдержать 4-хъ-недѣльный курсъ леченія. Обѣ поѣздки были очень полезны не только въ смыслѣ поправленія здоровья, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Въ первую поѣздку въ Карлсбадъ, черезъ Берлинъ и Дрезденъ, въ 1886 г. мы были поражены чрезвычайными перемѣнами въ благоустройствѣ Берлина. За 20 лѣтъ, протекшихъ послѣ нашей свадебной поѣздки въ 1866 г. и затѣмъ въ 1867 г., Берлина нельзя было узнать; изъ захудалаго города (гораздо хуже Петрограда), какимъ онъ былъ въ 1866-7 г.г. онъ превратился благодаря милліардамъ французской контрибуціи, въ великолѣпную столицу Германіи. Дрезденъ (разстояніе отъ Берлина, въ скоромъ поѣздѣ, всего 3 ч. !), сравнительно съ Берлиномъ, оказался тихимъ, провинціальнымъ городомъ, вродѣ Твери сравнительно съ Москвою. Въ Дрезденѣ, гдѣ мы остановились дня на два, совершенно неожиданно (въ вестибюлѣ гостинницы, гдѣ мы остановились), столкнулись съ Я. Е. Смирновымъ, бывшимъ приватъ-доцентомъ нашей Академіи, а тогда настоятелемъ нашей Дрезденской посольской церкви. Радушно имъ принятые въ его квартирѣ, осмотрѣли нашу небольшую, но изящную церковь и при ней фруктовый садъ, гдѣ зрѣли великолѣпныя груши-дюшесъ. Посѣтили затѣмъ знаменитую дрезденскую картинную галлерею съ картиною Богоматери Рафаэля (сикстин-

*) См. январь—февраль.

ская Мадонна), осмотрѣли и другія замѣчательности Дрездена и отправились въ Карлсбадъ (8 часовъ ѣзды отъ Дрездена). Здѣсь мы встрѣчены были нашимъ русскимъ священикомъ Н. П. Апраксинымъ и псаломщикомъ Н. В. Поташевымъ, которые и были нашими руководителями въ новомъ мѣстѣ, на чужбинѣ. Они составляли причтъ нашей православной церкви собственно въ г. Прагѣ, но на лѣто обыкновенно переѣзжали въ Карлсбадъ для русскихъ посѣтителей карлсбадскихъ водъ. Русская церковь въ Карлсбадѣ, помѣщавшаяся тогда въ частномъ домѣ (теперь выстроено отдѣльное зданіе—съ куполами, въ видѣ обыкновенной красивой русской церкви), въ отдаленной невидной части этого городка, производила впечатлѣніе очень скромной каплицы.

Въ добавокъ, домъ былъ прислоненъ къ скалѣ, изъ которой просачивалась вода, отчего была страшная сырость въ нижнемъ этажѣ дома, гдѣ была квартира священника и псаломщика; верхній этажъ былъ занятъ церковью. Карлсбадъ, небольшой городокъ, расположенный въ узкой долинѣ по очень маленкой рѣчкѣ Теплѣ (чешское названіе это—отъ горячихъ источниковъ, въ нее стекающихъ) и окруженный живописными, покрытыми лѣсомъ, горами, представляетъ какъ бы одну обширную гостинницу: всѣ дома на лѣто сдаются подъ помѣщенія для больныхъ. Самъ по себѣ городокъ не представляетъ ничего интереснаго, и если что разнообразитъ монотонную въ немъ жизнь, то только толпы стекающихся туда для лѣченія лицъ всевозможныхъ національностей Европы, да прогулки по окрестнымъ горамъ. Коренные жители Карлсбада чехи далеко не играютъ въ городѣ первенствующей роли, уступая мѣсто нѣмцамъ и занимая низшія должности (прислуги, извозчиковъ, почтальоновъ и т. п.). Эта низшая братія очень расположена къ русскимъ, но не она даетъ тонъ жизни.

По окончаніи лѣченія мы съ женою рѣшились предпринять поѣздку въ Парижъ, чтобы еще, и вѣроятно, въ послѣдній разъ, посѣтить мѣсто ея родины. Ѣхали съ 15-го іюля чрезъ Баварію, Вюртембергъ, Баденъ, мимо Вюрцбурга, Гейдельберга и Страсбурга. Несмотря на очень раннее утро (4 часа), успѣли осмотрѣть знаменитый Страсбургскій соборъ. Пользуюсь сохранившимся дневникомъ (единственный разъ въ жизни велъ дневникъ,—только при заграничномъ путешествіи, въ этомъ и въ слѣдующемъ году), въ которомъ значится слѣдующее. Изъ Страсбурга дорога идетъ по Эльзасу, прорѣзанному Вогезскими горами. Вогезы покрыты пихтами и изрѣдка соснами; иногда

встрѣчаются и жиденькія березки. Безчисленное множество туннелей; поѣздъ постоянно прорѣзываетъ горы. Въ долинахъ Парижскій каналъ, покрытый барками, и великолѣпно содержимый. За послѣдними Вогезами идетъ Лотарингія; тянется тотъ же Парижскій каналъ, обсаженный тополями. Мѣстность покрыта полями пшеницы и пр.

Мы очень жалѣли, что все это досталось нѣмцамъ. Начиная съ Аврикура (французской границы), мѣстность измѣнилась, впрочемъ, не очень, а главное измѣнился характеръ и построекъ и всего, что видишь,—чувствуется, что это подлинно la belle France. Но французскій народъ сталъ какъ-то грубоватѣе прежняго; напр., не стало прежней вѣжливости у кондукторовъ, и они какіе-то замарашки. По пріѣздѣ въ Парижъ такое впечатлѣніе усилилось, благодаря таможенному осмотру, очень придирчивому и грубому. Мы приписали это тому обстоятельству, что поѣздъ шелъ изъ Страсбурга... и что у насъ искали контрабанды (Страсбургскаго пирога). Невыгодное впечатлѣніе отъ тогдашняго Парижа усилилось еще болѣе на другой день, когда, поселившись въ извѣстной тогда и пропагандируемой въ газетахъ гостинницѣ Веретенникова *), встали утромъ и посмотрѣли на улицу (небольшой переулокъ, близкій, однако, къ центральнымъ улицамъ) и увидѣли на моставой массу не убраннаго за ночь мусора (что дѣлалось прежде разъѣзжавшими ночью по всему Парижу телѣгами). Затѣмъ оказалось, что и весь Парижъ, не въ глухихъ только переулкахъ, но и центральныхъ улицахъ, потерялъ прежнюю идеальную чистоту временъ Наполеона III. Первымъ дѣломъ отправились, конечно, въ центръ русской колоніи, rue de la Croix (потомъ назыв. rue Daru, а теперь rue Pierre le Grand), гдѣ находится наша русская церковь и церковные при ней дома, посѣтили родныя мѣста и членовъ нашего причта, въ томъ числѣ настоятеля прот. В. А. Прилежаева (преемника о. І. В. Вас-ва) и другого священника, родного дядю жены, прот. Д. В. Васильева. Прожили въ Парижѣ цѣлыхъ 25 дней (16 іюля—10 авг.), чаще всего посѣщали русскую церковь, гдѣ наслаждались пѣніемъ прекраснаго хора изъ артистовъ французскаго театра (этотъ хоръ такъ хорошъ, что впору лучшему Петроградскому приходскому хору), нѣсколько разъ были въ Клюни, въ Люксембургскомъ музеѣ,

*) Оттуда переселились потомъ въ меблир. комнаты на бульварѣ Capucins.

въ церкви Инвалидовъ, много разъ осматривали Луврь, влѣзали на arç de Triomphe, Трокадеро (гдѣ съ башни видѣли весь Парижъ), монмартское кладбище, кладбище Père Lachaise, полное великолѣпныхъ памятниковъ знаменитымъ людямъ и писателямъ Франціи (Лафонтэну, Корнэлю, Расину и мн. другимъ до Араго и Тьера включительно), были въ знаменитой Grand Opéra, въ Булонскомъ лѣсу, ѣздили и по Сенѣ на пароходѣ и по подземной круговой дорогѣ (Circulaire), посѣщали Jardin d'Acclimatation des Plantes, были въ домѣ русскаго посольства (rue de Frenelle); самыми интересными были посѣщенія Notre Dame, Сорбонны, дома Инвалидовъ. По случаю 15 авг. (новаго стиля), дня Успенія Божіей Матери, національнаго церковнаго праздника отправился я въ Notre Dame. Проѣзжая на трамваѣ мимо мѣста, гдѣ стоялъ разрушенный теперь Тюльерійскій дворецъ (отъ него не осталось ни одного камня), спрашиваю сосѣда француза, будетъ-ли возстановлено когда-нибудь это зданіе,—«jamais» (никогда) получаю сердитый отрывистый отвѣтъ Почему же?—«А потому, что, отвѣчаетъ мой собесѣдникъ, заведи-ка клѣтку, появится и птица». Въ соборѣ служилъ въ этотъ день только что назначенный парижскій архіепископъ Ришаръ—изъ парижскихъ викаріевъ. Таковъ обычай римской церкви, викаріями назначаются обыкновенно будущіе преемники епархіальныхъ епископовъ, и въ этомъ случаѣ нельзя не отдать предпочтенія порядкамъ этой церкви предъ нашими переводами епископовъ съ одной каѳедры на другую. Едва ли не тогда именно зародилась у меня мысль написать вышеупомянутую статью: «О перемѣщеніяхъ въ средѣ нашей высшей іерархіи». Архіерейское служеніе въ парижскомъ каѳедральномъ соборѣ, показалось мнѣ хотя торжественнымъ, но менѣе великолѣпнымъ, чѣмъ наше, въ особенности въ частяхъ (церемоніяхъ), относящихся къ особѣ священнодѣйствующаго епископа. По окончаніи литургіи, когда архіепископъ проходилъ для разоблаченія въ ризницу, онъ поразилъ меня изысканною любезностью къ лицамъ, подходившимъ подъ его благословленіе, поклонами и заискивающими (такъ мнѣ показалось) улыбками. Точно онъ благодарилъ сравнительно немногочисленныхъ, для многомилліоннаго города, посѣтителей каѳедральнаго храма столицы, въ день главнаго церковнаго ея праздника. Народа было сравнительно немного, церковь далеко не была полна, такъ что поневолѣ пришла на умъ мысль объ упадкѣ религіозности во Франціи, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ. Большой интересъ имѣло

для меня посѣщеніе Сорбонны, очень стариннаго зданія, представляющаго темное четырехугольное строеніе съ небольшимъ по срединѣ дворикомъ, выложеннымъ плитами. Вмѣстѣ съ свѣтскими студентами тутъ расхаживали и нѣсколько молодыхъ аббатовъ. Долго искалъ я аудиторій, наконецъ, нашелъ ихъ, и онѣ оказались очень скромными, чтобы не сказать больше,—гораздо хуже нашихъ академическихъ. Въ это время лекціи не читались, а шли экзамены; на одинъ изъ нихъ именно по философіи, на факультетѣ l'ecole des hautes sciences, я попалъ. Засѣданіе было не въ аудиторіи, а въ одномъ изъ верхнихъ залъ, далеко не казистомъ, съ низкимъ потолкомъ и очень скромно обстановленномъ. Экзаменовала комиссія изъ трехъ профессоровъ (какъ у насъ); студенты отвѣчали сидя и съ свойственными французамъ ораторскими пріемами и краснорѣчіемъ; отвѣтъ одного студента былъ такъ продолжителенъ, что я не дождался его окончанія. Посѣщеніе дома Инвалидовъ, съ осмотромъ помѣщеній его обитателей и церкви съ гробницей Наполеона I памятенъ разговоромъ съ сопровождавшимъ насъ сторожемъ. Спрашиваю, гдѣ похороненъ Наполеонъ III. Его здѣсь нѣтъ, здѣсь только Наполеонъ I,—получилъ сердитый отвѣтъ. Гдѣ же Наполеонъ III? Отвѣта не послѣдовало. По правдѣ сказать, эти вопросы мною были заданы съ лукавою цѣлью-немножко побѣсить француза за крымскую, севастопольскую войну *).

Въ слѣдующемъ 1887 г. мы, по совѣту докторовъ, повторили поѣздку въ Карлсбадъ.

И на этотъ разъ мы пользовались гостепріимствомъ о. Н. П. Апраксина и его супруги и вмѣстѣ съ ними,—да еще съ нѣсколькими другими соотечественниками, съ которыми познакомились во время обычныхъ посѣщеній квартиры священника послѣ богослуженій,—совершали частыя прогулки по живописнымъ окрестностямъ этого курорта. Въ записной книжкѣ, сохранившейся отъ этой поѣздки, значится мало общеинтереснаго. Отмѣчены только: замѣна несчастнаго псаломщика Н. В. Поташева (заболѣвшаго душевною болѣзнью и отправ-

---

*) Объ этой войнѣ я разговорился разъ, сидя въ Тюльерійскомъ саду, съ двумя французскими оборванцами, бывшими въ эту войну солдатами. Когда они узнали, что я русскій, то заявили, что они очень любятъ и уважаютъ русскихъ. «Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ воевали съ нами»,—спрашиваю. «Это вѣдь все—Наполеонъ III, мы совсѣмъ не хотѣли воевать». Въ заключеніе собесѣдники, конечно, попросили у меня donner quelque chose. Так. обр. этотъ разговоръ обошелся мнѣ въ нѣсколько су.

леннаго въ больницу въ Петроградѣ) діакономъ Н. М. Рудневымъ (на вакансіи псаломщика), племянникомъ митр. Іоанникія (Руднева), затѣмъ—исполненіе мною обязанности старосты вмѣсто отсутствовавшаго какого-то аристократа, числившагося въ этой должности. Интересны крайне скудные сборы во время церковныхъ службъ, напр. наканунѣ тамошняго праздника, св. ап. Петра и Павла, собрано было всего только 1 гульденъ; «народа было крайне мало»,—значится въ записной книжкѣ, подробно описывается пріѣздъ въ Карлсбадъ австрійской кронъ-принцессы Стефаніи, супруги несчастнаго Рудольфа; видной, довольно красивой собою. Послѣ описанія украшеній города, почти исключительно еловыми вѣтками (и дешево и красиво) замѣчено: «порядокъ во время встрѣчи принцессы охранялся гражданами, которые исполняли обязанности и войска и полицейскихъ и пожарныхъ: разные портные, торговцы, сапожники нарядились въ военные костюмы и маршировали по городу». Изъ этихъ же чеховъ—сапожниковъ, портныхъ и т. п., нужно замѣтить, составленъ былъ о. Н. П. Апраксинымъ и церковный хоръ (человѣкъ 7). Про одного такого пѣвчаго сапожника о. Апр—нъ разсказывалъ, что онъ отличался своеобразнымъ гоноромъ: отказался, напр., шить башмаки горничной, объявивъ, что онъ сшилъ бы ихъ для барыни, но никакъ не для прислуги. Много забавныхъ разсказовъ посвящено, въ записной книжкѣ, самовару, привезенному нами въ подарокъ квартирной хозяйкѣ нашего карлсбадскаго помѣщенія [1]). Забылъ сказать, что оба года мы жили въ одной изъ самыхъ лучшихъ улицъ—Паркштрассе, какъ разъ противъ еврейской синагоги, великолѣпнаго зданія, съ превосходнымъ канторомъ, могущимъ поспорить съ лучшимъ опернымъ пѣвцомъ. Эта синагога постоянно стояла у насъ предъ глазами, точно для контраста съ нашею бѣдною церковью.

---

[1]) Нашъ самоваръ произвелъ огромную сенсацію какъ среди нѣмцевъ и чеховъ, такъ и нашихъ соотечественниковъ, русскихъ евреевъ и поляковъ, жившихъ въ одномъ съ нами домѣ. Первые разсматривали его съ крайнимъ любопытствомъ, какъ вещь, никогда ими невиданную, называя его—«русскій локомотивъ», послѣдніе глядѣли на насъ съ завистью, желали познакомиться съ нами именно изъ-за самовара и даже взбунтовались противъ хозяйки, почему дескать имъ не даютъ самовара, когда мы пьемъ изъ него на виду всѣхъ,—въ садовой бесѣдкѣ при домѣ.

Изъ Карлсбада мы не отправились прямо домой, а поѣхали въ Прагу и Вѣну.

Прага положительно очаровала насъ. Мы никакъ не ожидали, чтобы она была такимъ великолѣпнымъ городомъ, съ такимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и очень красивыми зданіями, съ сильнымъ промышленно-торговымъ движеніемъ, напоминая во многомъ, и въ этомъ послѣднемъ и въ другихъ отношеніяхъ, Москву. Въ Прагѣ есть и своего рода Кремль—«Градчаны». Это довольно возвышенная гора, стоящая только не посрединѣ, какъ московскій Кремль, а сбоку города. Съ Градчанъ открывается также обширный видъ на Прагу; здѣсь сосредоточены историческіе памятники чешской старины, какъ увидимъ далѣе. Въ довершеніе сходства у подножія Градчанъ протекаетъ и рѣка—Молдава или Волдава. Чрезъ рѣку перекинутъ великолѣпный мостъ,—уже не чета московскимъ, ведущимъ въ Замоскворѣчье (черта отличія),—обставленный, многочисленными изящной работы статуями, между прочимъ и статуею «Непомука».

Обозрѣніе Градчанъ мы и начали съ этого моста. Отъ него идетъ дорога въ гору между домами. На половинѣ горы—домъ главнаго воинскаго начальника, а на вершинѣ—огромный дворецъ и рядомъ домъ архіепископа. Во дворцѣ видѣли двѣ великолѣпныя громадныя залы—испанскую и столовую; первая освѣщается 1000 свѣчей, вторая 3000. Затѣмъ полюбовались на возобновляемый тогда величественный соборъ св. Витта, долженствующій, по его отстройкѣ, соперничать съ готическими церквами Запада. Самымъ интереснымъ было посѣщеніе старой залы «ландстага», изъ окна котораго 3 совѣтника были нѣкогда выброшены въ ровъ, что послужило, какъ намъ говорили наши спутники-чехи, поводомъ къ 30-ти лѣтней войнѣ; затѣмъ видѣли большую Владиславову «залу присяги» и залу «стараго сейма», при чемъ спускались въ тюрьму старой башни. Эти чешскія древности хотя нѣсколько напоминали московскія, кремлевскія, но, конечно, нашъ московскій Кремль неизмѣримо превосходитъ чешскіе Градчаны.

Въ «Вышеградѣ», помѣщающемся на сосѣднемъ съ Градчанами менѣе высокомъ холмѣ, посѣтили кладбищенскую церковь и здѣсь имѣли случай слышать, вмѣсто нашего чтенія псалтири по покойникамъ, оригинальное, заунывное пѣніе, речитативомъ, какихъ-то стиховъ хоромъ старушекъ и стари-

12

ковъ, надъ тѣломъ только что скончавшагося стараго «пробоща» (протоіерея).

Немало замѣчательнаго мы видѣли въ Прагѣ, благодаря знакомымъ о. Апраксина чехамъ (въ особенности г. Блажею), которымъ заранѣе было дано знать о нашемъ туда пріѣздѣ. Посѣтили ратушу съ картиною Гуса на судѣ—внутри ея, а снаружи—съ знаменитыми астрономическими часами: съ фигурами апостоловъ, Спасителя, смерти и человѣка съ мѣшкомъ и палкою,—фигурами, выходящими каждый часъ въ извѣстной процессіи. Вблизи ратуши находится наша русская православная церковь. Она представляетъ большое зданіе, къ сожалѣнію, совсѣмъ не напоминающее по своей архитектурѣ нашей русской церкви. Это бывшій римско-католическій монастырь, арендованный нашимъ правительствомъ на 30 лѣтъ. Побывали въ чешскомъ, богатомъ древностями, музеѣ, гдѣ видѣли знаменитую Кларедворскую рукопись. Осматривали прекрасный чешскій театръ, выстроенный на народныя деньги, что и выражено въ сооствѣтствующей надписи и мн. др.

Въ Прагѣ очень замѣтно сочувствіе чеховъ къ Россіи и всему русскому. Такъ, въ нѣкоторыхъ ресторанахъ мы встрѣтили: въ одномъ (Chodera) прекрасную копію съ картины Маковскаго «Боярская свадьба», а въ другомъ (Slavia) — русскія газеты, въ томъ числѣ «Новое Время», «Ниву». Не говоримъ уже о томъ, какою радостью озарялись лица чеховъ, когда они узнавали, что мы русскіе. Съ другой стороны, и намъ было крайне пріятно на каждомъ шагу встрѣчать признаки близкаго родства этихъ западныхъ славянъ съ нами въ нѣкоторыхъ словахъ, напр. въ счетѣ: одинъ, два, тши (единственное отличіе отъ нашего три), четыре, пять и т. д. до десяти, [1]) или встрѣчать надписи на улицахъ: улица такая-то, дивадло (театръ), лекарна (аптека) и т. д. Проф. А. С. Будиловичъ, которому на обратномъ пути чрезъ Варшаву, мы выразили удивленіе, что чехи не хотятъ употреблять такихъ словъ, какъ общепринятое — аптека, замѣтилъ: чехи необыкновенно оберегаютъ чистоту своего языка, а потому передѣлываютъ на славянскій ладъ даже наименованія наукъ, какъ напримѣръ ариѳметика, называя ее «счетня». Вотъ у кого, подумалъ я,

[1]) Этотъ счетъ, слышанный мною въ одной изъ булочныхъ изъ устъ продавщицы—чешки, привелъ меня даже въ умиленіе; точно я былъ въ это время у себя въ Россіи.

поучиться бы нашей пишущей и профессорствующей братіи, любящей щеголять выраженіями, заимствованными изъ иностранныхъ языковъ.

Вообще Прага поразила насъ очень высокою культурою при томъ чисто-славянскаго типа. Кромѣ того, посѣщеніе ея имѣло для меня лично большое значеніе: оно заставило меня войти, такъ сказать, во вкусъ западнаго славянства. Прежде интересъ къ нему у меня отсутствовалъ. Только, побывавъ въ Прагѣ, я почувствовалъ справедливость упрека, сдѣланнаго мнѣ нѣкогда В. К. Саблеромъ, когда я былъ редакторомъ «Церк. Вѣстн.», что я слишкомъ мало обращаю вниманія на западныхъ славянъ. Этотъ упрекъ выраженъ былъ въ присланой мнѣ запискѣ.

Изъ Праги проѣхали въ Вѣну, гдѣ прожили 10 дней. Здѣсь прежде всего отправились въ нашу церковь, увы!, поразившую насъ своимъ убожествомъ. Начать съ того, что она помѣщалась въ одной изъ невидныхъ улицъ (Wallfischgasse), въ частномъ домѣ. Нельзя было и подозрѣвать того, что въ этомъ домѣ находится храмъ Божій: надъ входомъ съ улицы въ этотъ домъ висѣлъ сапогъ (?!). Церковь помѣщалась въ верхнемъ этажѣ и имѣла видъ очень небогатой домовой церкви [1]). Былъ воскресный день; народа было довольно; пѣвчіе чехи и изъ другихъ славянъ пѣли громко, но несовсѣмъ стройно. Весь причтъ былъ давно мнѣ знакомый. Настоятель прот. А. В. Николаевскій, мой землякъ, близкій ко мнѣ еще со времени моего студенчества (см. III гл. моихъ «Воспом.»), замѣститель также нашего земляка, прот. М. Ѳ. Раевскаго [2]), (извѣстнаго общественнаго дѣятеля, горячаго и искуснаго защитника интересовъ западныхъ православныхъ славянъ), былъ также очень достойный пастырь, хотя и совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ его предшественникъ; весьма представительной наружности,

---

[1]) Нынѣ выстроено особое зданіе,—на землѣ, принадлежащей нашему посольству,—въ видѣ прекрасной церкви русскаго типа. Въ предварительныхъ хлопотахъ объ ея устройствѣ мнѣ пришлось принять нѣкоторое участіе. По просьбѣ о. прот. А. В. Николаевскаго я составилъ записку тогдашнему послу въ Вѣнѣ.

[2]) Прот. М. Ѳ. Раевскій, нижегор., 34-й канд. X к. (1833 г.) спб. акад.; 1834—1846 г. свящ. въ Стокгольмѣ; 1846—1884 г. прот. въ Вѣнѣ Сконч. 1884 г. Онъ доставлялъ много хлопотъ и австрійскому правительству и нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, почему, послѣ его кончины, послѣднее хлопотало о назначеніи въ Вѣну настоятеля нашей церкви попроще. Выборъ палъ на свящ. ревельской церкви о. А. В. Николаевскаго.

о. Николаевскій производилъ сильное впечатлѣніе образцовымъ совершеніемъ богослуженія, а какъ человѣкъ, былъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Остальные члены причта также были хорошо мнѣ извѣстны, какъ восп. нашей академіи: псал.— К. Я. Силецкій (владим., канд. 1880 г.) и А. Ѳ. Скуратовичъ (минск., канд. 1881 г.); былъ и діаконъ, кажется, питомецъ Моск. Академіи (но его фамилію забылъ). Здѣсь же въ церкви послѣ богослуженія мы познакомились съ почтеннымъ Ѳ. И. Успенскимъ, тогда проф. одесскаго университета, потомъ директ. археолог. института въ Константинополѣ, нынѣ членъ Академіи Наукъ.

Подъ руководствомъ этихъ лицъ, въ особенности о. прот. А. В. Николаевскаго, начался осмотръ достопримѣчательностей Вѣны и ея окрестностей.

Начали съ церкви св. Стефана, каѳедральнаго вѣнскаго собора. Посѣтили его 15 августа новаго стиля. Это былъ день Успенія Божіей Матери. Было архіепископское служеніе. Что больше всего поразило насъ, это присутствіе въ церкви полнаго музыкальнаго оркестра со скрипками, віолончелями, барабанами и проч. принадлежностями оркестра,—до зеленыхъ абажуровъ предъ музыкантами включительно, какъ въ театрахъ. Оркестръ исполнялъ среди богослуженія разныя музыкальныя, чисто оперныя піэсы. Еще одна особеннность: соборъ св. Стефана представлялъ тогда (не знаю, какъ теперь) проходное зданіе, служащее, между прочимъ, для сообщенія двухъ улицъ: нерѣдко можно было видѣть проходящую чрезъ него съ покупками прислугу и другихъ лицъ. Вообще, религіозности въ Вѣнѣ мы замѣтили еще менѣе, чѣмъ въ Парижѣ, въ прошлогоднее посѣщеніе парижскаго каѳедральнаго собора Notre Dame, въ тотъ же Успеньевъ день.

Много мы путешествовали по Вѣнѣ и ея окрестностямъ: по старой Вѣнѣ (гдѣ находится церковь св. Стефана и гдѣ жили мы вблизи ея, на Грабенѣ), съ ея темными зданіями и узкими улицами, и по новой Вѣнѣ, съ ея широкими проспектами и новѣйшаго характера роскошными постройками, съ знаменитымъ Рингомъ, гдѣ расположены самыя красивыя, даже великолѣпныя зданія: музеевъ (тогда только отстроивавшихся), парламента, ратуши, университета, изящной, точно въ кружевахъ, Votivkirche и др. Посѣтили церковь капуциновъ, гдѣ похоронены австр. императоры и ихъ семейства, съ довольно вычурными, но производящими сильное впечатлѣніе памятни-

ками, затѣмъ—Амбразское собраніе, рядомъ съ Бельдеверомъ и въ связи съ нимъ. Въ первомъ находятся рыцарскія вооруженія и древности римскія и египетскія (замѣчательны муміи людей и крокодиловъ). Бельведеръ садомъ напоминаетъ Версаль, а картинными галлереями и залами — Парижскій Лувръ, но гораздо бѣднѣе послѣдняго картинами. Самая замѣчательная изъ нихъ: Ecce homo—Тиціана.

Были и въ окрестностяхъ Вѣны, между прочимъ въ Шенбрюннѣ, гдѣ находится дворецъ и прелестный паркъ.—Въ паркѣ замѣчательно въ особенности одно мѣсто: это площадь, образуемая полукругомъ посаженными и весьма искусно подстриженными деревьями; между ними, какъ бы въ нишахъ, поставлены 20 статуй, по 10 на каждой сторонѣ. Были, конечно, въ Пратерѣ и въ народномъ саду (Volksgarten), гдѣ находится «храмъ Тезея» съ дивной статуей Кановы: «Тезей, побѣждающій кентавра». Ѣздили и по зубчатой желѣзной дорогѣ на Каленбергъ и по электрической, въ окрестности (между прочимъ на дачу прот. Николаевскаго) Вѣны, въ Родаунъ (въ 35 мин. ѣзды отъ Вѣны), причемъ замѣтили, что вѣнскія дачи обставлены чисто-погородски, не то, что наши петроградскія, съ убогою мебелью.

Но въ общемъ Вѣна мало намъ понравилась. Отъ нея отдавало какой-то довольно противной микстурой приторно-сладковато-горьковатаго вкуса, чувствовалось смѣшеніе самыхъ разнородныхъ элементовъ: славянскаго съ нѣмецко-мадьярскимъ и еврейско-польскимъ.

Воротились домой чрезъ Варшаву, гдѣ встрѣтились съ А. С. Будиловичемъ, тогда проф. Варшавскаго Университета, деканомъ филологическаго факультета. Подъ его руководствомъ осмотрѣли Варшаву, которая показалась намъ очень красивымъ городомъ но почти совсѣмъ не русскимъ. Если бы не городовые, да часто встрѣчавшіеся офицеры и солдаты (кстати, очень бравый народъ), можно было бы подумать, что находишься еще заграницей.

Въ Вильнѣ остановились, чтобы осмотрѣть этотъ древній городъ, да заодно навѣстить и бывшаго моего по Моск Академіи сослуживца, нѣкогда экстр.. проф. ея, А. С. Лаврова, а тогда виленскаго архіепископа Алексія. Его мы нашли на архіерейской дачѣ, вблизи города. Принялъ насъ крайне любезно, радушно. Вспоминали старое Посадское время. Въ Вильнѣ, кромѣ посѣщенія Святодуховскаго монастыря съ духовною семинаріею, православнаго собора съ тремя виленскими мучениками, въ

немъ почивающими, поклоненія древней Остробрамской иконѣ Божіей Матери, намъ удалось видѣть странствованіе католиковъ по страстіямъ Господнимъ, съ нарочито устроенными около города станціями этихъ страстей по рим.-католическому обычаю. Вильна совсѣмъ намъ не понравилась, показалась довольно грязнымъ, еврейскимъ городомъ. Чтобы составить о ней другое мнѣніе, нужно было вѣроятно пожить въ ней подолѣе, а не 2—3 дня, какъ привелось намъ. Люди, долго въ ней жившіе, какъ, напр., мой другъ и товарищъ, проф. Ѳ. Г. Елеонскій, отзывались о ней иначе.

25-лѣтній мой юбилей. Въ слѣдующемъ, послѣ моей заграничной поѣздки, 1888 году исполнилось 25-лѣтіе моей службы. Праздникъ мой прошелъ весьма скромно [1]. Получено было немало привѣтствій какъ отъ тогдашнихъ моихъ сослуживцевъ по Петроградской Академіи, такъ и отъ бывшихъ сослуживцевъ по Московской, а также отъ бывшихъ моихъ слушателей по той и другой.

Изъ этихъ послѣднихъ особенно трогательны и лестны для меня были привѣтствія письмами отъ Д. И. Тихомірова, [2] тогда преподавателя могилевской дух. семинаріи (нынѣ члена Учебнаго Комит. при Св. Сѵнодѣ) и В. И. Бѣллавина (тогда преподавателя псковской дух. семинаріи, нынѣ архіепископа московскаго Тихона), [3] только что окончившаго академическій курсъ въ томъ же 1888 г.—одного изъ самыхъ даровитыхъ студентовъ этого курса. Въ нихъ съ большою теплотою говорилось о посильныхъ моихъ трудахъ по преподаванію догматическаго богословія и о пользѣ моихъ чтеній «для богословскаго развитія студентовъ», что въ особенности отмѣчено въ письмѣ В. И. Бѣллавина. Съ немалымъ сочувствіемъ говорилось

[1]) О наступленіи моего юбилея заранѣе явилась въ «Нов. Врем.», замѣтка, но когда на другой день послѣ юбилея явился ко мнѣ репортеръ этой газеты, г. Чеховъ, родной братъ извѣстнаго писателя А. П. Чехова, то ему было сказано, что давать отчетъ о маленькомъ моемъ праздникѣ не стоитъ, такъ какъ ничего особеннаго не было.

[2]) Дмитрій Ивановичъ Тихомировъ, новгор., канд. 1881 г., магистръ 1888 г., препод. могилев. сем., потомъ служилъ по Мин. Нар. Просв., нынѣ членъ Духовно-Учебн. Ком. при Св. Сѵнодѣ.

[3]) Василій Ивановичъ Бѣллавинъ (въ монашествѣ Тихонъ), псков., канд. 1888 г., спб. акад., 1888 г.—преп. псков. сем.; 1891 г.—монахъ; 1892—инсп. холмск. сем., ректоръ казанск. и потомъ холмской сем.; 1897 г.—еп. люблинскій; 1898 г.—еп. алеутскій; 1905 г. — архіепископъ; 1907 г.—архіеп. яросл.; 1914 г.—архіеп. литовскій; 1917 г. по избранію архіеписк. московскій

также (въ письмѣ Д. И. Тихомірова) о возбужденіи въ студентахъ «научнаго интереса» и о «моихъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ», о «цѣнныхъ, полныхъ жизненной правды статьяхъ въ «Церк. Вѣстн.».

Не забыли меня и бывшіе мои слушатели по Московской Академіи, и отъ нихъ получено было нѣсколько тронувшихъ меня привѣтствій, именно отъ А. А. Тяжелова [4]), В. П. Сланскаго и С. И. Миропольскаго [5]). Въ обширномъ письмѣ послѣдняго, вмѣстѣ съ доброю памятью о мнѣ, какъ бывшемъ преподавателѣ церковной археологіи въ Московской Академіи, находится и слѣдующее весьма утѣшительное свѣдѣніе относительно плодовъ преподаванія догматическаго богословія въ Петроградской Академіи. «Какъ ревизоръ духовно-учебныхъ заведеній, въ теченіе 18-ти лѣтъ наблюдавшій ихъ внутреннюю жизнь, я могу заявить, къ утѣшенію вашему, что вышедшіе изъ-подъ вашего руководства преподаватели богословія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ выдаются рѣдкими качествами среди своихъ товарищей. Съ прекрасною научною подготовкою они соединяютъ любовь къ своему предмету, трудятся съ примѣрнымъ усердіемъ, вполнѣ добросовѣстно и благотворно вліяютъ на своихъ воспитанниковъ. Всѣ они съ признательностью вспоминаютъ васъ; ихъ привязываетъ къ вамъ не только уваженіе къ высокимъ ученымъ достоинствамъ вашимъ, но и доброта ваша, которую и я, бывшій ученикъ вашъ, первымъ испыталъ на себѣ». Долгъ справедливости и безпристрастія требуетъ, однако, замѣтить, что означенное утѣшительное явленіе, о которомъ приходилось слышать и отъ другихъ лицъ (напр., отъ бывшаго моего по студенчеству товарища, преосв. Владиміра Никольскаго, нѣкогда ректора самарской семинаріи, † еп. нижегород.), въ гораздо большей степени зависѣло отъ общаго въ ту пору подъема академическаго образованія и ожив-

---

[4]) Александръ Аѳанасьевичъ Тяжеловъ, тверск., 7-й маг. 1866 г. моск. акад., сначала препод. тверской сем., потомъ инспекторъ ея; въ 1888 г. инспекторъ нар. учил. въ г. Бѣжецкѣ. Сконч.

[5]) Василій Петровичъ Сланскій и Сергѣй Иринеевичъ Миропольскій, оба воронежской сем., магистры XXV в. (1866 г.). В. П. Сланскій изъ преподавателей сем. перешелъ въ Госуд. Контроль, гдѣ и служилъ до своей кончины. С. И. Миропольскій служилъ сначала въ воронеж. сем., потомъ въ петроградской, былъ затѣмъ членомъ ревизоромъ Дух. Учебн. Ком. при Св. Сѵнодѣ, сконч. вице-директоромъ канцеляріи Св. Сѵнода. См. о нихъ еще въ 1 вып. моихъ «Воспом.» 1914 г. стр. 189.

ленія богословской мысли, чѣмъ отъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, и что только нѣкая малая частица падала на долю ихъ, вродѣ меня, профессора тогдашняго времени.

Что особенно тронуло меня и, такъ сказать, скрасило весь мой маленькій праздникъ, это слѣдующая телеграмма, полученная мною отъ корпораціи преподавателей Московской дух. Академіи. «Досточтимый А. Л. Высоко чтя ваши талантливыя ученыя произведенія, ваше истинно честное служеніе духовной журналистикѣ, отъ всей души привѣтствуемъ васъ съ исполнившимся сегодня 25-лѣтіемъ вашей академической службы и желаемъ вамъ многолѣтняго продолженія вашей полезнѣйшей дѣятельности. Профессоры и доценты Московской Академіи». (Слѣдуютъ подписи) [1]). Сознаюсь, мнѣ было крайне пріятно, утѣшительно слышать такую лестную и притомъ авторитетную—со стороны огромнаго большинства корпораціи академическихъ наставниковъ — оцѣнку моей не только научной, но и духовно-публицистической дѣятельности. Вѣроятно, эта послѣдняя и была главною причиною присылки означенной телеграммы изъ дорогой для меня Московской Академіи, перваго мѣста моей службы (1863—1867 г.).

Наша частная профессорская типографія; типографская дѣятельность проф. Ѳ. Г. Елеонскаго и мое въ ней участіе [2]).

---

[1]) «Бѣляевъ, Введенскій, Заозерскій, Казанскій, Каптеревъ, Касицынъ, Кипарисовъ, Корсунскій, Кудрявцевъ, Лебедевъ, Мартыновъ, Муретовъ, Смирновъ, Андрей Соколовъ, Татарскій, Цвѣтковъ, Шостьинъ». Фамиліи слѣдуютъ не по старшинству службы, а по алфавиту. Изъ нихъ бывшимъ моимъ сослуживцемъ оказался едва-ли не одинъ старѣйшій изъ тогдашнихъ профессоровъ, высокочтимый проф. В. Д. Кудрявцевъ, остальные или мои ученики (Казанскій, Касицынъ, Смирновъ, Цвѣтковъ), или окончившіе академическій курсъ уже по выходѣ моемъ изъ Моск. Академіи.

[2]) Прошу у читателей извиненія, что позволяю себѣ занимать ихъ вниманіе этою стороною моей дѣятельности, имѣющею повидимому совершенно частный характеръ и представляющею личный интересъ. Но какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго моего изложенія, исторія нашей частной типографіи тѣсно связана съ тогдашнимъ бытомъ академическихъ преподавателей и въ частности съ судьбою проф. Ѳ. Г. Елеонскаго, это съ одной стороны; съ другой—что касается моего участія въ типографскомъ дѣлѣ, то дѣятельность этого рода имѣла для меня не малое значеніе: она отнимала у меня не мало времени и силъ, значительно отвлекала отъ занятій по моей профессорской службѣ, но зато вводила меня въ кругъ тогдашнихъ литературныхъ и въ особенности церковно-общественныхъ дѣятелей, близко знакомила меня съ книжнымъ дѣломъ и съ очень интереснымъ міромъ типографскихъ рабочихъ.

Вскорѣ послѣ моего юбилея черезъ два года, въ 1890—1 году, свалилась на мою голову новая необычная работа и забота по управленію типографіею, составлявшею въ это время собственность нашу съ проф. Ѳ. Г. Елеонскимъ, моимъ сослуживцемъ и близкимъ родственникомъ, роднымъ моимъ, по отцѣ, дядею.

Интересна исторія возникновенія этой типографіи. Она появилась какъ результатъ попытки моего друга и сослуживца Ѳ. Г. Ел—го вырваться изъ тисковъ гнетущей матеріальной нужды по переходѣ его изъ Вильны, гдѣ онъ былъ преподавателемъ семинаріи (1864—1870 г.) на службу въ Петроградскую Академію. Поступивъ въ нее въ 1870 г., въ званіи доцента, уже семейнымъ человѣкомъ и получивъ вскорѣ еще приращеніе семейства до 3 человѣкъ, кромѣ себя съ женою, и затѣмъ пріютивъ, по своей рѣдкой добротѣ, свою свояченицу, вдову, С. К. Репловскую [2]) съ 4 дѣтьми, очутившись такъ обр. самъ 10—мъ, а жалованья получая только 100 р. въ мѣсяцъ, конечно безъ казенной квартиры, Ѳ. Г. Елкій почувствовалъ всю безъисходность матеріальнаго своего положенія и рѣшился искать какихъ-либо средствъ его улучшить. Нескоро, года черезъ 4, такое средство нашлось. Вмѣстѣ съ лекторомъ французкаго языка въ нашей Академіи А. И. Поповицкимъ, задумавшимъ съ 1874 г. издавать много нашумѣвшую потомъ либеральную газету «Церковно-Общественный Вѣстникъ», Ѳ. Г. Ел—ій рѣшился на смѣлое предпріятіе—основать свою типографію, въ товариществѣ съ А. И. Поп—мъ, на равныхъ паяхъ. Нашли они маленькую типографію (Литвинова, на бывшихъ Прудкахъ, что на греческомъ просп.) съ одной плохенькой, старой скоропечатной машиной и съ небольшимъ количествомъ шрифта. Купили они ее за небольшую цѣну (около 2—3 тысячъ рублей) и начали хозяйничать. Вся тягость управленія типографіею падала при этомъ на одного Ѳ. Г. Ел., который зато получалъ особое вознагражденіе, помимо извѣстной части дивиденда, получавщагося въ концѣ года, по уплатѣ всѣхъ издержекъ и долговъ типографіи. Дѣло по-

[1]) Вдова, послѣ кончины, въ 1870 г., П. Л. Рѣпловскаго. Парфенъ Лукичъ Репловскій, вифанск. сем., 3-й магистръ моск. акад. XXII к. (1860 г.), человѣкъ очень даровитый, былъ сначала (1860 г.) преподав. яросл. сем.; съ 1862 г. состоялъ діакономъ заграничной церкви въ г. Штутгардтѣ; съ 1869 г.—доцентъ кіевскій акад. по церковной ист.; вскорѣ, кажется, въ томъ же 1869 г. перешелъ въ кіевскій универс. на каѳедру исторіи изящныхъ искусствъ со снятіемъ свящ. сана; въ 1870 г. окончилъ жизнь трагически (самоубійствомъ).

шло очень успѣшно. Тогда типографій въ Петроградѣ было сравнительно немного; цѣны за типографскія работы стояли довольно высокія; евреи еще не успѣли захватить въ свои руки типографское дѣло, предварительно обезцѣнивъ его съ цѣлію убить конкурренцію съ ними, какъ это случилось позднѣе, къ концу 80-хъ и въ 90-е годы. Съ 1874 г. Ѳ. Г. Ел., так. обр., могъ вздохнуть свободно, въ смыслѣ освобожденія его отъ гнетущихъ заботъ о кускѣ хлѣба для многочисленнагс своего семейства.

Эта типографія, носившая тогда фирму «Тип. А. И. Поповицкаго и К-о», скоро получила значительную популярность къ средѣ нашего академическаго и вообще духовнаго міра; работъ для нея оказалось болѣе, чѣмъ достаточно, а это повело къ ея расширенію (покупкѣ новой печатающей машины, шрифта и т. д.) и естетвенно къ уменьшенію дивиденда, что въ свою очередь непріятно дѣйствовало на главу фирмы—А. И. П. и его семейство, ожидавшихъ большихъ прибылей отъ типографіи. Въ виду такихъ обстоятельствъ и полнаго безучастія А. И. П—го къ общему дѣлу, мой другъ Ѳ. Г. Ел—ій началъ убѣждать меня купить долю А. И. П—го и быть вмѣсто послѣдняго его компаньономъ. Просилъ меня сдѣлать это въ личное ему одолженіе и давалъ обѣщаніе, что мое участіе въ этомъ предпріятіи не вовлечетъ меня ни въ какія хлопоты и не втянетъ меня въ практическую сферу дѣятельности, къ которой я не считалъ себя способнымъ; говорилъ, что онъ беретъ на себя всю тяжесть управленія типографіей. Такъ оно и было до поры, до времени, цѣлыхъ 13—14 лѣтъ, послѣ того какъ я, въ 1876 г., послѣ немалыхъ колебаній, согласился исполнить его желаніе и настойчивую просьбу и сдѣлался его компаньономъ, вмѣсто А. И. Поповицкаго, купивъ его долю, по уже при значительно повышенной ея оцѣнкѣ, по причинѣ расширенія типографіи.

Съ тѣхъ поръ наша типографія начала носить новую фирму, называться «Тип. Ѳ. Г. Елеонскаго и К-о», подъ К-о разумѣлся я. Въ это время, за 13—14 лѣтъ, сильно расширилась и обогатилась массою работы. Въ ней печатались, кромѣ «Церк.-Общ. Вѣстн.», «Христ. Чтен.», наши академическія диссертаціи и труды профессоровъ, учебники по закону Божію и свящ. исторіи протоіереевъ: Д. П. Соколова, А. П. Рудакова, М. В. Чельцова и др., многочисленныя изданія коммисіи народныхъ чтеній, труды и изданія общества распростр. религ. нравств. про-

свѣщенія въ духѣ православной Церкви, нѣкоторыя изданія Археограф. Коммисіи, нѣкоторыя работы по Мин. Народ. Просвѣщенія, немало изданій книгопр. И. Л. Тузова и мн. др., а въ послѣдніе годы даже ежедневная газета «День». Потребовалось не только увеличеніе количества скоропечатныхъ машинъ (до 4—5), расширеніе помѣщенія типографіи, но и устройство газовыхъ двигателей, стереотипа, не говоря уже о шрифтѣ и другихъ типографскихъ принадлежностяхъ [1]. Душою типографіи былъ Ѳ. Г. Ел—ій, замѣчательно неутомимый даровитый труженикъ. Онъ какъ-то успѣвалъ работать успѣшно и плодотворно и на ученомъ поприщѣ,—въ высшей степени добросовѣстно исполняя свои профессорскія обязанности, даже напечатавъ въ 1884 г. свою прекрасную докторскую диссертацію,—и въ то же время твердою и искусною рукою велъ типографское дѣло. Въ это счастливое время типографія не давала мнѣ никакихъ хлопотъ и заботъ. Мое участіе въ типографскихъ дѣлахъ выражалось только въ разговорахъ о нихъ, да въ обсужденіи экстренныхъ случаевъ въ жизни типографіи, напр., при ея расширеніи, покупкѣ и устройствѣ крупныхъ ея принадлежностей, вродѣ машинъ, газовыхъ двигателей, стереотипа и т. под.

Но вдругъ все это круто измѣнилось. Совершенно неожиданно, и далеко не къ особенному моему удовольствію, пришлось мнѣ помѣняться съ Ѳ. Г. Ел. ролями: ему превратиться въ моего компаньона, а мнѣ очутиться во главѣ фирмы и дать ей мою фамилію, такъ что типографія превратилась въ «Тип. А. Л. Катанскаго и К.», а случилось это вотъ какимъ образомъ. Въ одинъ изъ неособенно счастливыхъ для насъ обоихъ, какъ впослѣдствіи оказалось, дней приходитъ ко мнѣ Ѳ. Г. и заявляетъ, что онъ получилъ отъ директора Хозяйственнаго, при Св. Синодѣ, Управленія, А. Г. Ильинскаго, предложеніе занять

---

[1]). Въ нашей профессорской типографіи было немало такихъ шрифтовъ, какихъ не было даже въ большихъ петроградскихъ частныхъ типографіяхъ, именно: кромѣ обилія латинскихъ, греческихъ и церковно-славянскихъ шрифтовъ (на цѣлые печатные листы), были шрифты еврейскіе, польскіе, чешскіе и даже японскіе и математическіе знаки. Послѣдніе (шрифты и знаки) пріобрѣтены были для печатанія «Руководства для изученія японскаго языка»—Д. Смирнова, нѣкогда члена японской миссіи, іеромонаха, потомъ снявшаго духовный санъ и монашество. Матем. знаки—для печатанія соч. «Геометрія»—одного знатока и любителя математики, кандид. петр. акад. (к. 1859 г.), прот. Изм. Ѳ. Спасскаго.

мѣсто управляющаго Сѵнодальною типографіею. Проситъ моего совѣта. Что мнѣ оставалось дѣлать? Съ одной стороны я былъ очень радъ за своего друга, въ виду расширенія круга практической его дѣятельности, признанія его заслугъ, какъ выдающагося типографскаго дѣятеля, и весьма значительнаго увеличенія его благосостоянія на новой должности (до 4000 р. жалованья при готовой квартирѣ), съ другой стороны, былъ сильно обезкураженъ и смущенъ неожиданно выпадавшей на мою долю работой, къ которой признавалъ себя очень мало способнымъ. И я отвѣтилъ моему другу въ томъ смыслѣ, что если бы руководиться только эгоистическими побужденіями, то, конечно, слѣдовало бы дать совѣтъ—отказаться отъ лестнаго и очень выгоднаго предложенія, но сдѣлать этого не могу по совѣсти и принимаю на себя тяготы по управленію нашею типографіею,съ условіемъ однако ея продажи въ возможно скоромъ времени. Такъ совершенно неожиданно я сдѣлался настоящимъ типографщикомъ и мало-по-малу втянулся въ типографское дѣло. Сначала ходилъ по типографіи какъ гость; казалось, что и дѣлать мнѣ нечего; все идетъ по заведенному порядку. Но чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ все болѣе и болѣе оказывалось дѣла и кончилось тѣмъ, что хоть цѣлый день сиди въ типографіи, дѣла не передѣлаешь. И работы и рабочіе начали сильно занимать и волновать. То много, то мало работы; составленіе счетовъ по работамъ и полученіе по нимъ денегъ, уплата кредиторамъ типографіи, сведеніе балансовъ (прихода и расхода), разсчетъ наборщиковъ и другихъ типографскихъ рабочихъ, разбирательство различныхъ столкновеній между ними и администраціею типографіи (факторомъ, метрампажами, машинными мастерами и т. д.),—все это брало массу времени и силъ.

Позволю себѣ подѣлиться съ читателями своими впечатлѣніями, вынесенными мною изъ 4-5-лѣтняго близкаго знакомства съ рабочимъ типографскимъ людомъ. Съ наборщиками, народомъ очень развитымъ, но страдавшимъ тогда (не знаю, какъ теперь) всероссійскою слабостью къ водкѣ, мало-по-малу установились добрыя, даже сердечныя отношенія. Первоначальная вспыльчивость въ отвѣтъ на грубыя выходки и безобразія нетрезвыхъ людей,—что вело къ сугубымъ съ ихъ стороны дерзостямъ,—смѣнились вскорѣ жалостливымъ и терпѣливымъ къ нимъ отношеніемъ. Не обращая вниманія на ихъ пьяный задоръ, пропуская мимо ушей ихъ выходки, бывало, тихо про-

сишь ихъ успокоиться, прислать кого-либо изъ ихъ семейства вмѣсто себя, что бы получить деньги подъ счетъ или въ полный разсчетъ. Пререканія большею частью происходили изъ-за заработанной платы, которую не хотѣлось давать въ руки сильно нетрезвому рабочему. Иногда же—когда такой рабочій просилъ денегъ впередъ на неотложныя свои нужды (вродѣ покупки сапогъ или ихъ починки), тогда, по изслѣдованіи извѣстной крайней нужды, напр,, по осмотрѣ сапогъ или др. частей костюма, даешь ему денегъ, съ обязательствомъ показать покупку или починку, что обыкновенно и исполнялось; но никакъ нельзя было поручиться за то, что въ ближайшіе же дни несчастный не окажется снова безъ сапогъ или другихъ принадлежностей костюма. Нерѣдко приходилось удивляться, откуда наборщики доставали деньги на выпивку: ни расчета, ни подсчета у насъ не было, а нетрезвыхъ оказывалось нѣсколько и нерѣдко какъ-разъ въ такое время, когда шли усиленныя по типографіи работы. При разслѣдованіи получался обыкновенно отвѣтъ, что «на хлѣбъ достать денегъ нельзя, а на выпивку всегда можно, дастъ всякій». Между наборщиками не только одной типографіи, но и другихъ—было своего рода братство и получка денегъ въ одной типографіи отражалась на рабочихъ другой. Это братаніе, своего рода корпоративная связь наборщиковъ, иногда, однако, оказывались полезными и хозяевамъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда при недостаткѣ работы, приходилось брать очень невыгодную работу, кстати замѣтить,—по большей части изданія извѣстнаго, книгопродавца И. Л. Тузова, не любившаго баловать типографіи высокими цѣнами за наборъ и печатаніе. Въ этихъ случаяхъ мы обращались къ старѣйшимъ, наиболѣе авторитетнымъ наборщикамъ, съ вопросомъ, могутъ ли они по совѣщаніи съ товарищами, удовольствоваться извѣстной пониженной платой за наборъ (съ 100 буквъ извѣстнаго шрифта) и слѣдуетъ ли вообще типографіи брать эту работу, чтобы не быть въ убыткѣ. Рабочіе обыкновенно соглашались на минимальную плату, чтобы только не опустить работы. Были у насъ и доморощеные наборщики изъ учениковъ типографіи; они оказывались потомъ лучшими изъ рабочихъ. Типографскихъ учениковъ, во время ихъ ученія, въ извѣстные дни, посылали въ народныя школы. Была и касса наборщиковъ, устроенная Ѳ. Г. Ел—мъ.

Интеллигентность наборщиковъ иногда прямо поражала.

Нерѣдко слышалась отъ нихъ, при наборѣ рукописей, критика набираемаго текста, вродѣ слѣдующихъ замѣчаній: «какой вздоръ, какіе пустяки; стоило ли это печатать». Въ особеннсти поразила насъ одна рѣчь на нашемъ типографскомъ праздникѣ, 6 декабря, въ день св. Николая Чудотворца, покровителя всѣхъ горемычныхъ типографщиковъ. Насколько мнѣ извѣстно, всѣ типографіи и считали этотъ день своимъ особымъ, типографскимъ праздникомъ. Такъ было и у насъ; служился молебенъ съ водосвятіемъ; потомъ слѣдовало веліе утѣшеніе для братіи съ обиліемъ питій и яствъ. Присутствовали всѣ рабочіе (до 50 — 60 чел.) и, конечно, мы хозяева съ семействами. Посѣщалъ эти праздники и бывшій хозяинъ А. И. Поповицкій и послѣ того, какъ пересталъ быть собственникомъ типографіи. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ вдругъ подходитъ къ нему одинъ пьяненькій рабочій и говоритъ въ видѣ привѣтствія слѣдующее: «вы, А. И., пишете такъ легко и красиво (разум. статьи «Ц.-О. В.»), не то, чтобы очень глубоко, но очень, очень пріятно васъ читать». Замѣчательно вѣрная характеристика [1])! Тосты съ изліяніемъ чувствъ приходилось выслушивать отъ рабочихъ и намъ къ Ѳ. Г.

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы опровергнуть нѣкогда упорно державшійся слухъ и довольно распространенное въ духовныхъ кругахъ мнѣніе, будто «Церк.-Общ. Вѣстн.» А. И. Поп—го есть органъ прот. І. В. Васильева. Кто хорошо зналъ этого замѣчательнаго человѣка и не былъ противъ него предубѣжденъ, тотъ никакъ не могъ этому повѣрить. А. И. П—ій несомнѣнно имѣлъ большой литературный талантъ, и его статьи дѣйствительно было интересно или, какъ выразился пьяненькій наборщикъ, «пріятно читать», но его бойкія, хлестскія, размашистыя, весьма часто безтактныя выходки были совершенно не въ духѣ о. І. В., отличавшагося огромнымъ тактомъ, тонкимъ и глубокимъ умомъ и большою уравновѣшенностью характера. Покойный о. протоіерей, въ бесѣдахъ со мною, весьма часто критиковалъ стастьи А. И. П—го и даже негодовалъ на него за то, что своею безтактностью онъ губитъ то либеральное направленіе въ дух. журналистикѣ, которому онъ служитъ и которому въ общемъ сочувствовалъ и самъ о. протоіерей. При самомъ началѣ моего редакторства, когда я напечаталъ 4 передовыя статьи въ «Церк. Вѣстн.» (№№ 5—8 «Нашъ свѣтскій образованный міръ и духовенство», гдѣ проводилась мысль объ учрежденіи богосл. факультетовъ при нашихъ университетахъ), о. І. В. В—въ сказалъ: «вотъ это настоящія передовыя статьи» и при этомъ не безъ удовольствія прибавилъ: «сдается мнѣ что вы, А. Л., своимъ «Церк. Вѣстн.» убьете «Церк.-Общ. Вѣстн.» Что касается меня, то, при добрыхъ личныхъ отношеніяхъ къ А. И. П—му, у меня вскорѣ установились чисто враждебныя отношенія къ «Церк.-Общ. Вѣстн.» Послѣ одной изъ выходокъ этой газеты противъ «Церк.-Вѣстн.», органъ А. И. П—го

Въ общемъ нужно замѣтить, что типографія дала мнѣ прекрасный случай близко познакомиться не только со многими выдающимися литературными и общественными дѣятелями тогдашняго времени, но и съ достоинствами и недостатками нашего русскаго рабочаго люда и ощутить въ сущности прекрасную его душу, не смотря на язвы и наросты, привитые къ ней условіями народнаго нашего быта и городскою, столичною жизнью. Подъ-конецъ я такъ сроднился съ рабочею средою, что даже съ нѣкоторою грустью разставался съ нею, когда пришло давно желаемое и ожидаемое время передать типографію въ другія руки.

Долго, однако, пришлось ждать этого момента, т. е. продажи типографіи. Угрожали намъ даже, что это дѣло невозможное, что не найдется покупателя, при необыкновенномъ размноженіи типографій въ Петроградѣ и захватѣ типографскаго дѣла евреями. Но на наше счастье явился наконецъ покупатель въ лицѣ представителя одной очень солидной фирмы— «Товарищества С. П. Яковлева», имѣвшаго свои отдѣленія въ нѣкоторыхъ городахъ, кромѣ Петрограда и пожелавшаго основать и здѣсь свою типографію. Не обошлось дѣло безъ комиссіонера (словол. г. Лемана), которому пришлось заплатить за комиссію извѣстную сумму. Сдѣлка, наконецъ, состоялась въ концѣ 1894 года, правда, при далеко невыгодныхъ для насъ условіяхъ, за половинную сумму дѣйствительной ея стоимости (за $18^1/_2$ тыс.), но за то на наличныя деньги и притомъ въ почтенныя чисто русскія руки (С. П. Яковлевъ—дворянинъ, состоявшій даже въ придворной службѣ, каммергеръ или камеръ-юнкеръ). Были гораздо болѣе выгодныя предложенія со стороны евреевъ, но мы ихъ отклоняли. Въ концѣ концовъ наша типографія за 21 годъ своего существованія принесла не много болѣе казеннаго процента (т. е. $5^0/_0$) на затраченный капиталъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ профессорской типографіи. Огромное количество зарабатываемыхъ ею денегъ она поѣдала сама, вбирала въ себя, благодаря ея расширенію и громадному увеличенію ея инвентаря, чуть не въ 10 разъ противъ первоначальнаго ея объема. Въ добавокъ она потер-

совершенно изчезъ со страницъ редактируемой мною академической газеты, т. е. подвергся самому тяжелому, какъ извѣстно, литературному наказанію, совершенному замалчиванію,—и такъ продолжалось до конца моего редакторства.

пѣла большую потерю въ 8 тысячъ рублей на печатаніи газеты «День», не уплатившей стоимость набора и печатанія за 8 мѣсяцевъ. Погубили насъ излишняя деликатность и довѣріе къ ея издателю, нѣкоему А. А. Греве, бывшему офицеру, желавшему стяжать литературную славу, долгое время, нѣсколько лѣтъ (кажется, 2—3 года, если не болѣе) аккуратно платившему по счетамъ, а потомъ прокутившемуся, и въ особенности къ редактору этой газеты И. В. Скворцову [1]). Казалось намъ, что этотъ послѣдній, какъ вышедшій изъ нашей среды, какъ воспитанникъ Московской Академіи, долженъ былъ предостеречь насъ отъ финансоваго краха, а онъ вмѣсто того успокоивалъ насъ [2]). Этотъ финансовый крахъ случился, къ сожалѣнію, въ мое управленіе [3]) незадолго до продажи типографіи и не мало содѣйствовалъ ея ускоренію.

---

[1]) Ив. Вас. Скворцовъ, владимір., кандид. XXXIV кл. (1879 г.) моск. акад., нѣкогда чинов. канц. Св. Синода и помощ. А. И. Поповицкаго по «Церк. Общ. Вѣстн.», препода. петр. женск. гимназій, потомъ ихъ инспекторъ, помощн. директора гимназій вѣдомства Имп. Маріи, въ настоящее время директоръ гимназій сего вѣдомства, занимаетъ довольно высокую должность.

[2]) Невольно приходитъ на мысль сравненіе его съ А. И. Поповицкимъ, истинно благороднымъ человѣкомъ. Когда дѣла по изданію «Церк. Общ. Вѣстн.», въ 1884 г. подчиненнаго К. П. Побѣдоносцевымъ цензурѣ, оказались вскорѣ плохими, мы съ Ѳ. Г. Ел—ъ (въ 1885 г.) обратились къ А. И. П—му съ просьбою освободить насъ отъ печатанія его газеты, причемъ предложили ему даже нѣкоторую компенсацію, въ видѣ скидки 500 р. со счетовъ, въ виду долговременнаго, 10-лѣтняго у насъ печатанія его газеты и отношенія его къ нашей типографіи, какъ ея родоначальника. А. И. П., съ свойственною ему откровенностью, призналъ, что «дѣйствительно его дѣла плохи» и чтобы не подвергать насъ риску, перенесъ печатаніе «Ц.-О. В.» въ другую типографію. Вскорѣ, въ томъ же 1885 г., онъ сумѣлъ вывернуться изъ труднаго положенія, начавъ издавать первый у насъ иллюстрированный духовный журналъ «Русскій Паломникъ», имѣвшій также большой успѣхъ, но у насъ уже не печатавшійся.

[3]) Впрочемъ, не считаю себя въ этомъ виновнымъ. Виноваты мы оба. Ѳ. Г., слишкомъ занятый своими дѣлами и притомъ державшійся принципа необходимости широкаго кредита, усиленно рекомендовалъ мнѣ терпѣніе, когда слышалъ мои тревожныя рѣчи о долгѣ газ. «День». Такъ мы и терпѣли мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока долгъ не доросъ до 8 тыс. Было наше дѣло въ Окр. судѣ по взысканію съ издателя газеты. Полученъ нами и исполнительный листъ, но онъ не далъ ничего; мы же еще изъ собственнаго кармана должны были заплатить присяжному повѣренному за труды по этому дѣлу.

Какъ бы то ни было, въ 1894—5 году судьбѣ было угодно, къ немалому моему удовольствію, снять съ меня тяжкое бремя мало подходящей для меня работы. А года черезъ два, въ 1896 г., и мой другъ и компаньонъ долженъ былъ, хотя и очень неохотно и даже съ немалымъ огорченіемъ, оставить въ свою очередь управленіе Сѵнодальною типографіею. Дѣло въ томъ, что превосходно, неизмѣримо лучше меня, знавшій типографское дѣло, необыкновенно работоспособный и идеально честный труженикъ, онъ не былъ однако persona grata у сѵнодальной оберъ-прокуратуры и въ особенности у В. К. Саблера, главнымъ образомъ потому, что не былъ его избранникомъ, а былъ поставленъ на это мѣсто антагонистомъ его по Сѵнодальному управленію, директ. Хозяйств. Управленія при Св. Сѵнодѣ, А. Г. Ильинскимъ. Въ одинъ непріятный день Ѳ. Г. Ел—му, безъ церемоніи, прямо было приказано подать въ отставку отъ управленія Сѵнодальною типографіею, съ оставленіемъ за нимъ одной профессуры въ Академіи; до того времени онъ совмѣщалъ ту и другую службы. Правда, Ѳ. Г. давно слѣдовало самому оставить типографскую службу. Необыкновенно добросовѣстное исполненіе профессорскихъ обязанностей (ежегодно составлялъ онъ и читалъ новые курсы по своему предмету, не довольствуясь повтореніемъ старыхъ), вмѣстѣ съ неусыпными трудами по управленію громадною Сѵнодальною типографіею, подорвало его силы, несмотря на довольно крѣпкій его организмъ. Замѣчалось сильное его переутомленіе и приходилось съ большою тревогою на него посматривать. Тѣмъ не менѣе, неожиданная, незаслуженная, невольная, въ рѣзкой формѣ предложенная отставка подѣйствовала на него далеко не благодѣтельно. Она еще болѣе усилила его болѣзненность, подвергла его даже довольно продолжительному нервному разстройству и, нѣтъ никакого сомнѣнія, на много лѣтъ ускорила его кончину (отъ перерожденія сердца). Хотя я и утѣшалъ его, говоря, полушутя, полусурьезно, что ему слѣдуетъ молиться за тѣхъ лицъ, которыя, для сохраненія его здоровья, облегчили его трудовую жизнь, но самъ видѣлъ, что это плохое для него утѣшеніе.

Такъ окончились наши типографскія предпріятія, работы и заботы! Типографія нѣкогда поддержала моего друга и сослуживца въ трудную пору его жизни, но она же и свела его преждевременно въ могилу.

Хлопоты объ увеличеніи духовно-учебныхъ пенсій. Долго

пришлось ждать увеличенія нашихъ академическихъ пенсій до размѣра уневерситетскихъ. Положеніе объ увеличеніи пенсій профессоровъ академій до этихъ размѣровъ Высочайше утверждено только въ *1894 г., 25 іюля*, въ день бракосочетанія великой княжны Ксеніи Александровны, т. е. чрезъ 25 лѣтъ послѣ преобразованія академій, въ 1869 г. 30 мая.

До 1894 г. дѣйствовало относительно пенсій «положеніе, 1876 г. 24 окт., о правахъ и преимуществахъ [1]) служащихъ при духовно-учебныхъ звведеніяхъ». Этимъ положеніемъ наши акад. пенсіи увеличивались очень незначительно противъ стародавнихъ (1828 г.), именно: полагалось орд. проф. 1100 р. (вмѣсто 800 р.), экстр. проф. 800 р. (вмѣсто 429 р.), доценту 550 р. (вмѣсто 429 р.). Такая незначительная прибавка объясняется тѣмъ, что она сдѣлана изъ спеціальныхъ суммъ Св. Синода; «министерство финансовъ отказалось тогда (1876 г.) принять на счетъ суммъ государственнаго казначейства производство пенсій по духовно-учебному вѣдомству».

Хотя правительство, въ особенности церковное, и сознавало нужду въ увеличеніи пенсій лицъ, служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но тяжелое финансовое положеніе нашего отечества, послѣ турецкой 1877 года войны и смутныхъ лѣтъ послѣ 1881 года, мѣшало удовлетворенію этой потребности. Духовное вѣдомство начало, однако, съ конца 80-хъ годовъ, проводить мысль о новыхъ духовно-учебныхъ пенсіяхъ *изъ государственнаго казначейства*, ссылаясь между прочимъ

[1]) Съ этого времени, именно съ 1876 г., потребовалось обязательное производство всѣхъ служащихъ въ академіяхъ въ чины, соотвѣтствующіе ихъ должностямъ и ученымъ степенямъ. До того времени только нѣкоторые изъ профессоровъ нашей академіи имѣли чины (проф. К. И. Лучицкій, И. А. Чистовичъ, И. В. Чельцовъ, Е. И. Ловягинъ, И. Т. Осининъ), остальные числились въ духовномъ званіи и никакихъ чиновъ не имѣли. Интересно, что «правами и преимуществами» этого положенія относительно чина могъ воспользоваться только я одинъ, какъ получившій званіе ордин.-проф., послѣ выхода закона, т. е. послѣ 1876 г. (въ 1877 г.), почему и произведенъ былъ прямо въ статскіе совѣтники,—чинъ, на который давало право званіе орд. проф. Остальнымъ же, старѣйшимъ моимъ сослуживцамъ, которые гораздо ранѣе меня сдѣлались ордин. профессорами, было отказано въ производствѣ въ этотъ чинъ, на томъ основаніи, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, и они должны были начать съ чина титул. сов., соотвѣтствующаго степени магистра, которую они имѣли при поступленіи на должность акад. преподавателей. Въ теченіе 2—3 лѣтъ тянулось постепенное ихъ производство въ разные чины до чина статск. сов., соотвѣтствующаго званію орд. проф.

на долгъ государства, взявшаго изъ Синодальныхъ капиталовъ, еще въ отечественную, 1812 года, войну, нѣсколько милліоновъ и не возвратившихъ Св. Синоду этихъ суммъ. Въ счетъ и погашеніе этого долга духовное вѣдомство и рѣшилось просить государственныя власти объ увеличеніи духовно-учебныхъ пенсій изъ государственнаго казначейства.

Мнѣ пришлось близко стоять къ этому дѣлу, благодаря знакомству съ директ. Хозяйственнаго Управл. при Св Синодѣ, А. Г. Ильинскимъ [1]), вице-директ. этого управл. П. И. Остроумовымъ [2]) и начал. отд. С. В. Праведниковымъ [3]). Отъ нихъ я узнавалъ о положеніи дѣла относительно нашихъ пенсій. Къ счастію, всѣ они по происхожденію принадлежали къ духовному міру, были питомцами нашихъ духовныхъ школъ и потому сочувственно относились къ моимъ рѣчамъ. При нерѣдкихъ свиданіяхъ съ ними всячески убѣждалъ ихъ энергически взяться за наше дѣло и двинуть его. Мало того, въ 1887 г., рѣшился выступить съ печатнымъ словомъ. Въ «Церк. Вѣст.» 1887 г. напечаталъ двѣ большія статьи: «Объ увеличеніи духовно-учебныхъ пенсій». Въ этихъ статьяхъ, собравъ всѣ данныя для сравненія нашихъ пенсій, академическихъ, семинарскихъ и училищныхъ, съ пенсіями университетскими, гимназическими и т. д., сопоставивъ весь этотъ цифровый матеріалъ, а также добытыя изъ архива Синод. Хозяйств. Управ. данныя о количествѣ ежегодно (за послѣднія 3 года) прибывающихъ пенсіонеровъ по 4 акад., 55 дух. сем. (относительно 182 дух. училищъ не удалось добыть), указалъ приблизительную вѣроятную цифру ежегоднаго на этотъ предметъ расхода и въ заключеніе просилъ наше духовное правительство «ходатайствовать, установленнымъ порядкомъ, объ увеличеніи, изъ средствъ госуд. казначейства, на первый разъ,

---

[1]) Андрей Григорьевичъ Ильинскій, курск. сем.; магистръ кіевской акад. 1857 г., преп. кіев. сем.; потомъ съ 1861 г. чиновн. Хозяйств. Упр. при Св. Синодѣ; съ 1878 г. до 1896 г. директоръ сего управл., тайн. совѣтникъ. Сконч. 1898 г. 15 ноября въ отставкѣ.

[2]) Петръ Ивановичъ Остроумовъ, Владимирск. сем., 7-й магистръ (1863 г.) кіевск. акад., чиновникъ и вице-директ. Хозяйств. Упр. (1878—1896 г.); директоръ сего управленія (1896—1905); товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода (1905—1906); сенаторъ (1906 г.), тайный сов. Скончался 1913 г. 13 дек.

[3]) Степанъ Васильевичъ Праведниковъ, воронежск. сем., оконч. курсъ въ Петрогр. универс.; на службѣ въ духовн. вѣдомствѣ съ 1871 г.; былъ сначала начал. отдѣл., вице-директ., а потомъ директоромъ (съ 1905 г.) Хозяйств. Упр., тайн. сов. Сконч. въ 1909 г. 13 ноября.

*

хотя бы только академическихъ пенсій, какъ находящихся въ наиболѣе рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ университетскими». Эти статьи обстоятельно составленныя, съ большимъ цифровымъ матеріаломъ и выводами изъ него, представлены мною, въ видѣ отдѣльнаго оттиска—брошюры А. Г. Ильинскому и его товарищу по Хоз. Упр. П. И. Остроумову.

Но сначала дѣло не ладилось. А. Г. Ильинскій, болѣе и ближе, чѣмъ кто-либо находившійся въ курсѣ этого дѣла, главный по нему дѣятель, какъ начальникъ хозайств. Управленія, при Св. Синодѣ, вполнѣ сочувствовавшій благопріятному его исходу, сначала однако призналъ неблаговременнымъ начинать дѣло о нашихъ пенсіяхъ. Внимательно прочитавъ мою брошюру, онъ, впрочемъ, замѣтилъ, что дастъ мнѣ знать, когда наступитъ благопріятный для того моментъ.

Долго, однако, пришлось ждать этого момента. Мои статьи напечатаны въ 1887 г. Проходятъ 4—5 лѣтъ, а дѣло не подвигается впередъ. Въ эти нѣсколько лѣтъ я продолжалъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы о немъ напомнить тѣмъ, кому слѣдовало о томъ вѣдать. Даже разъ, помнится въ 1891 г., когда мнѣ пришлось составлять и читать въ торжественномъ собраніи, 17 февр., годовой отчетъ по Академіи, въ заключеніе позволилъ себѣ заговорить о нашихъ пенсіяхъ, при чемъ, каюсь, довольно искусственно притянулъ имя только что скончавшагося тогда проф. Казанской Академіи Порфирьева [1]), въ особенности уважаемего К. П. Побѣдоносцевымъ, нарочно для послѣдняго, чтобы тронуть и нѣсколько пристыдить его. К. П. П-въ также присутствовалъ въ этотъ день на нашемъ актѣ [2]).

Наконецъ, въ одинъ по истинѣ прекрасный день, вѣроятно въ 1892 г. или въ началѣ 1893 г., получаю отъ А. Г. Ильинскаго извѣщеніе, что дѣло налаживается, и—совѣтъ отправиться съ моею брошюрою о пенсіяхъ къ начальнику отдѣленія Хоз. Упр. С. В. Праведникову, которому поручено вести это дѣло.

---

[1]) За это я подвергся даже осужденію отъ одного изъ своихъ коллегъ, проф. И. Ѳ. Нильскаго, который по прочтеніи мною отчета, горячо осуждалъ меня за то, что я недостойно Академіи, отъ ея имени «клянчилъ», о пенсіяхъ; «какъ не стыдно»!—говорилъ онъ. Но увлеченный агитаціею, я мало обращалъ вниманія на способы, которые могли вести къ извѣстной цѣли.

[2]) Во время чтенія этого мѣста изъ отчета, я нарочно посмотрѣлъ на К. П. П-ва и мнѣ показалось, что онъ какъ-то болѣе обыкновеннаго сморщился и почувствовалъ себя какъ-будто неловко.

Впослѣдствіи оказалось, что моя брошюра, по собственному С. В. Пр—ва признанію, была далеко ему не безполезна при составленіи проэкта и объяснительной къ нему записки, весьма значительно облегчила и очень ускорила его работу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ нужнымъ, уже по собственной иниціативѣ, явиться съ своею брошюрою къ митр. Іоанникію, тогда уже кіевскому, извѣстному энергическому дѣятелю по матеріальному обезпеченію духовенства, и къ нѣкоторымъ другимъ Членамъ Святѣйшаго Сѵнода, а также къ директору канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сѵнода, И. А. Ненарокомову [1]), имѣвшему не малый вѣсъ и значеніе у К. П. Побѣдоносцева. Сдѣлалъ это съ цѣлію заручиться ихъ содѣйствіемъ при выработкѣ проэкта новыхъ академическихъ пенсій и при обсужденіи новаго о нихъ положенія. Всѣ эти лица отнеслись сочувственно къ моимъ хлопотамъ. Митр. Іоанникій принялъ меня по обычаю сухо (издавна, еще со студенчества, не былъ я его любимцемъ), но также не отказалъ въ своемъ содѣйствіи, а послѣ, какъ слышно было, даже торжествовалъ на академическомъ обѣдѣ въ Кіевѣ, по случаю благополучнаго исхода дѣла о нашихъ пенсіяхъ.

Въ духовномъ вѣдомствѣ, наконецъ, все благополучно прошло и дѣло о нашихъ новыхъ пенсіяхъ перешло въ Государственный Совѣтъ. Опасались мы, какъ бы не встрѣтилось тамъ какихъ-либо затрудненій и не затормозилось наше дѣло. Но къ счастію, и тамъ оно также прошло. И велика была наша радость, когда получена была первая о томъ вѣсть отъ одного моего знакомаго, служившаго въ Госуд. Совѣтѣ (помощн. статсъ-секретаря Госуд. Сов., П. Е. Татаринова, жившаго въ одномъ со мною домѣ), котораго я просилъ послѣдить за ходомъ нашего дѣла. На радостяхъ, въ тотъ же день, написалъ маленькую замѣтку для помѣщенія въ «Церк. Вѣстн.», рискуя заслужить отъ своего знакомаго упрекъ въ нарушеніи канцелярской тайны.

Во всѣхъ этихъ хлопотахъ, у меня, какъ одного изъ ближайшихъ кандидатовъ на отставку, было, конечно, не мало

[1]) † Иванъ Александровичъ Ненарокомовъ, моск. сем., 9-й магистръ (1856 г.) моск. акад.; 1858 г.—препод. моск. сем., потомъ чиновн. канц. Оберъ-Прокур. Св. Сѵнода; 1860 г.—секрет. канцел. Св. Сѵнода; 1864 г.—оберъ-секрет.; 1867 г.—членъ Учебн. при Св. Сѵнодѣ Комит.; 1869 г.—канц. Оберъ-Прок. Св. Сѵнода, тайн. сов.

чисто эгоистическихъ побужденій, но не долженъ отказать себѣ и въ благородныхъ мотивахъ. Никогда не забуду того впечатлѣнія, какое произвелъ на меня больной, умирающій, глубоко почитаемый сослуживецъ, проф. М. О. Кояловичъ. «Нужно бы, говорилъ онъ *со слезами на глазахъ*, выйти въ отставку. Охъ какъ нужно. Но не могу. Чѣмъ я буду жить? Вѣдь квартиры нанять при 1.100 р. (тогдашней пенсіи) не въ состояніи. Пришлось бы жить въ меблированныхъ комнатахъ, или гостинницѣ, занимая какую-нибудь комнатку». Къ великому сожалѣнію, онъ такъ и не дождался новой пенсіи, скончавшись въ 1891 году. Ею воспользовались: въ 1894 г. М. И. Каринскій, въ 1895 г. Е. И. Ловягинъ, въ 1896 г. я и въ 1897 г. Ѳ. Г. Елеонскій.

Выходъ въ отставку послѣ 33-лѣтней академической службы (1863—1896 г.). Давно подумывалъ я объ отставкѣ. Не то, чтобы не чувствовалъ силъ продолжать службу, но немало было причинъ для охлажденія и разочарованія. Главная изъ нихъ—недовольство общимъ складомъ тогдашней академической жизни по уставу 1884 г. Были и другія частныя причины, вродѣ непріятностей по поводу исторіи съ диссертаціею Е. П. Аквилонова. Но не будь новой пенсіи, все-таки пришлось бы еще служить долгіе годы до полнаго истощенія силъ и думать то же самое, что думалъ и говорилъ М. О. Кояловичъ, предъ его кончиною. По поводу заявленнаго мною еще въ 1895 г. намѣренія, слышалось со стороны сослуживцевъ много упрековъ за слишкомъ раннее, какъ говорили тогда, оставленіе службы, но были голоса, правда очень немногіе, и въ пользу моего рѣшенія. Такъ, напримѣръ, незабвенный проф. В. В. Болотовъ призналъ меня счастливымъ, что могу выйти въ отставку и даже, какъ-то въ разговорѣ со мною, выразилъ сожалѣніе, что и самъ не можетъ сдѣлать того же, такъ какъ не выслужилъ пенсіи. Это мнѣніе человѣка, всю жизнь безраздѣльно отдавшаго родной Академіи, необычайнаго подвижника науки, очень знаменательно.

Еще за годъ до отставки, въ 1895 г., я озаботился избрать и подготовить себѣ преемника по каѳедрѣ въ лицѣ одного изъ самыхъ лучшихъ, окончившихъ въ этомъ году курсъ студентовъ, П. И. Лепорскаго,—въ настоящее время уже почтеннаго профессора нашей Академіи и Историко-филологическаго Института, протоіерея и настоятеля Петрогр. церкви Воскресенія Христова на крови.

Послѣднюю мою лекцію въ Академіи, въ апрѣлѣ 1896 г., закончилъ слѣдующимъ прощальнымъ обращеніемъ къ своимъ слушателямъ, студентамъ IV курса, тогдашнимъ выпускнымъ. Указавъ на главную цѣль и задачу всѣхъ своихъ чтеній—оживленіе, возбужденіе и углубленіе богословской мысли, на прежнюю широкую постановку чтеній при дѣйствіи устава 1869 г. и на измѣненіе, сокращеніе объема курса послѣ 1884 г., въ заключеніе сказалъ: «При полномъ сознаніи большихъ пробѣловъ въ нашихъ чтеніяхъ послѣднихъ лѣтъ,—въ смыслѣ недостатка подробнаго обоснованія догматическихъ положеній на данныхъ Св. Писанія и церковнаго преданія,—во избѣжаніе крайней растянутости, прерывистости въ систематическомъ изложеніи—утѣшаемъ себя, однако, мыслію, что наши труды не совсѣмъ, быть можетъ, пропадутъ въ отношеніи къ нѣкоторому развитію, оживленію и углубленію богословской мысли въ васъ, будущихъ дѣятеляхъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія. Будущее принадлежитъ вамъ и вы будете потомъ заправителями нашей религіозной мысли и жизни. И дай Богъ, чтобы вы не оказались косными и скудными богословскою мыслію. Если это наше желаніе сбудется, тогда можно будетъ сказать, что наши чтенія не пропали для васъ даромъ. Есть нѣкоторое сходство въ вашемъ и моемъ положеніи. И вы и я вскорѣ оставляетъ нашу дорогую Академію. Пожелаемъ себѣ взаимно всего самаго лучшаго. Позвольте пожелать вамъ, выходящимъ на поприще служенія церкви и отечеству, честной и энергической дѣятельности. А мнѣ, тоже выходящему, но уже съ поприща общественнаго служенія, пожелайте употребить остатокъ силъ, на покоѣ, на то же дѣло, которымъ я занимался здѣсь, на этой академической каѳедрѣ, почти три дѣсятилѣтія (29 лѣтъ)».—Послѣднія слова я произнесъ въ сильномъ волненіи, дрогнувшимъ голосомъ и съ слезами на глазахъ. Мое волненіе сообщилось и моимъ слушателямъ и они проводили меня громкими, продолжительными аплодисментами.

Такъ закончилась моя служба въ Академіи. Во время экзаменовъ еще исполнялъ свои обязанности. Оффиціально числюсь въ отставкѣ съ 1 іюня 1896 г. (приказъ послѣдовалъ 22 іюня 1896 г.).

Наши надежды и наши обязанности.

Великіе, чрезвычайные дни переживаемъ мы. Въ вихрѣ грандіозныхъ событій промелькнули недѣли, каждый день коихъ по богатству содержанія равенъ цѣлой исторической эпохѣ. Свершилось то, что почти еще вчера казалось страшнымъ, даже невозможнымъ. Разомъ, однимъ усиліемъ воли страна получила то, что было до того лишь предметомъ народной мечты и затаенныхъ ожиданій. Надъ Россіей взошло солнце свободы. Привѣтъ тебѣ, давно жданная, всѣми желанная, прекрасная, дорогая гостья! Стосковалось по тебѣ народное сердце, устала отъ томительныхъ напрасныхъ ожиданій народная душа! Вздохни же свободно, страна вѣкового рабства, раскрой глаза и оглянись вокругъ: предъ тобою необъятный просторъ всяческихъ возможностей. Встань во весь ростъ, приниженный земно, бѣдный, забитый народъ: предъ тобою прекрасная незнакомка, радостная и свѣтлая весна свободы. Воспряни духомъ и обѣлись въ своемъ одѣяніи, приземненная Церковь Христова: къ тебѣ идетъ то, что составляло лучшій предметъ твоей святой проповѣди, въ твоемъ жилищѣ возвращается и возстановляется то, что отнято и извращено людскимъ зловоліемъ.

Что сулитъ намъ поднявшееся надъ Россіей новое свѣтило? И что намъ нужно дѣлать, чтобы неожиданный яркій блескъ не ослѣпилъ и не помутилъ нашего, привыкшаго къ темнотѣ, взора, чтобы его лучи не ожгли и не лишили наши разрыхленныя и ослабленныя ткани необходимой чувствительности? Эти вопросы уже можно и даже необходимо задать себѣ, чтобы получить ясный и обязательный отвѣтъ, теперь, когда первый душевный порывъ прошелъ, когда первыя радостныя

чувства встрѣчи излиты и наступилъ моментъ спокойнаго обсужденія какъ уроковъ прошлаго, такъ и плановъ на будущее.

Что сулитъ свобода народу и странѣ въ ихъ внѣрелигіозной, общественно-политической и культурно-экономической жизни, къ чему призываетъ она насъ, какъ сыновъ своего Отечества, съ одной стороны, и какого рода перспективы открываются ею въ области собственно-религіозныхъ отправленій христіанской души, въ жизни Церкви и, въ частности, въ направленіи важнѣйшей изъ ея функцій, въ пастырствѣ, съ другой,—эти два вопроса хотя и представляются на первый взглядъ различными, въ дѣйствительности рѣшаются одинаково опредѣленно и ведутъ къ вполнѣ тождественнымъ практическимъ примѣненіямъ.

Что далъ народу и Церкви павшій режимъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нетрудно дать: слѣды разрушительнаго дѣйствія этого режима столь опредѣленны, что первое переживаніе, вызванное его паденіемъ, неизбѣжно оказывается переживаніемъ радостнымъ и бодрымъ.

Наша страна удивительно отстала въ своемъ развитіи во всѣхъ отношеніяхъ отъ другихъ странъ Европы. Экономически—мы бѣдны, а по сравненію съ нашими союзниками, англичанами, напр., или французами, мы—прямо нищіе, и это въ то время, когда природныхъ естественныхъ богатствъ у насъ неисчерпаемыя сокровища. Наше культурное развитіе находится въ стадіи примитивныхъ разрозненныхъ попытокъ воспользоваться плодами просвѣщенія западноевропейскаго; у насъ совсѣмъ мало школъ и еще менѣе больницъ, хотя спросъ на тѣ и другія — огромный; къ первымъ инстинктивно стремится народъ, понимающій, что нельзя въ XX вѣкѣ оставаться темнымъ, неграмотнымъ, невѣжественнымъ, а во вторыя гонитъ его нищета и голодъ съ ихъ спутницами въ видѣ повальныхъ болѣзней всѣхъ родовъ. Соціально мы вѣками воспитывались въ крѣпостническихъ традиціяхъ, развившихся въ самовластіе, самодурство, пренебрежительность и прочія отвратительныя черты неблаговоспитанности въ однихъ, и въ приниженность, забитость и рабство въ другихъ; вотъ почему намъ мало было знакомо чувство уваженія къ личности и свободному труду, вотъ почему у насъ было такъ много варварства и дикости. О нихъ въ учебникахъ говорилось, что это—наслѣдіе татарщины, тяжелымъ гнетомъ давившей на насъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, а на самомъ дѣлѣ—самые законные и естествен-

ные плоды той абсолютистской системы управленія народомъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ держала его «въ черномъ тѣлѣ» и въ концѣ-концовъ совершенно забила и запугала. У насъ совсѣмъ неразвито было чувство общественности, ибо всякое проявленіе послѣдней разсматривалось какъ что-то подозрительное и опасное, ее всячески старались свести на нѣтъ, придавить и задушить. Охранительная политика стараго режима не давала расти и крѣпнуть даже чувству гражданственности и государственности въ нашемъ народѣ, ибо въ насъ старались воспитывать и развивать не столько любовь и преданность къ отечеству, къ родинѣ, сколько именно вѣрность правительству и твердость монархическихъ вѣрованій.

Легко видѣть, какъ губительна была для нашего отечества эта безумная политика ослѣпленнаго абсолютизма. Она завела страну въ окончательный и безнадежный тупикъ, создала въ ней длительное состояніе внутренней войны, войны правительства съ народомъ, которая и поглощала главную часть государственныхъ заботъ. Это было великимъ несчастіемъ нашей жизни. Мы бѣдны, необразованы, некультурны, негражданственны именно потому, что абсолютизмъ прежней власти не позаботился о томъ, чтобы поднять насъ въ культурномъ отношеніи, просвѣтить и воспитать гражданственно. Вотъ что далъ странѣ и народу павшій режимъ.

Что же несетъ съ собою свершившійся переворотъ?

— Конечно, очень трудно въ нѣсколькихъ словахъ представить всѣ возможныя перкспективы, открывающіяся въ освобожденіи народа. Одно можно сказать, что эти перспективы огромны, потому что, мы вѣримъ, отъ нашего великаго народа, столь богатаго еще не раскрытыми духовными силами, можно ожидать великихъ дѣлъ въ условіяхъ, благопріятныхъ для развитія его дѣятельности. Когда въ странѣ нашей прочно водворится строгій порядокъ, благопріятный для всякаго добраго культурнаго начинанія, тогда для личнаго, соціальнаго, общественнаго, культурно-просвѣтительнаго и экономическаго нашего развитія будетъ на лицо самая благопріятная обстановка, и успѣхъ въ этомъ дѣлѣ, мы вѣримъ, не замедлитъ сказаться.

Но нужно создать эту благопріятную для нашего развитія обстановку, и именно создать, а не просто найти. Въ свободѣ есть своя опасность, именно опасность стать жертвой случайныхъ увлеченій. Нужно сумѣть побороть эту опасность. Для этого намъ необходимо предварительно свершить два

великихъ дѣла, рѣшить двѣ трудныхъ задачи. Во-первыхъ, необходимо отразить угрожающаго намъ внѣшняго врага, который несетъ съ собою для нашей страны самую страшную опасность—*лишеніе насъ національной свободы*, порабощеніе совершенно чуждой намъ по духу нѣмецкой культурѣ, которая, конечно, задушитъ и уничтожитъ слабые ростки нашей собственной національной русской культуры. Во-вторыхъ, нужно устранить опасность внутренней дезорганизаціи и анархіи, потому что онѣ — не только открытые враги всякому культурному начинанію и всякому прогрессу, но и очевидные, хотя и тайные, союзники врага внѣшняго. Если мы устоимъ противъ этихъ опасностей, если, сплотившись воедино и проникшись сознаніемъ своей отвѣтственности предъ родиной за ея будущее, устремимся на врага съ тѣмъ же подъемомъ духа и съ той же страстью къ побѣдѣ, какъ это было въ первый моментъ войны, тогда мы, конечно, побѣдимъ, и эта побѣда будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ и самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей свободы и нашего національнаго саморазвитія, ибо въ ней дано будетъ прочное обезпеченіе для внутренней созидательной работы.

Религія есть неотъемлемое достояніе живой души человѣческой, и Церковь поэтому есть нѣчто неотдѣлимое отъ народа, а потому ясно, что и въ этой области прежній режимъ былъ такъ же губителенъ, какъ и для народной души, и что, слѣдовательно, съ паденіемъ его также окрыляются наши надежды на свѣтлое будущее.

Что несетъ съ собою для Церкви ближайшее будущее въ новыхъ для нея условіяхъ жизни? Трудно, конечно, предугадать грядущія судьбы, но навѣрное можно сказать, что ее ожидаютъ еще многія превратности, тяжкія испытанія, даже великія страданія: столь сложныя и рѣшительныя операціи не совершаются безъ боли и страданій. Но что бы ни ожидало Церковь въ ближайшемъ будущемъ, какія бы тяжкія испытанія ни готовила ей занявшаяся надъ Россіей заря свободы, для насъ должно быть несомнѣннымъ, что минувшее прошлое было для Церкви самымъ страшнымъ, самымъ опаснымъ испытаніемъ и что, перенеся его, она въ будущемъ можетъ ничего не бояться, ибо опаснѣе и страшнѣе того, что она пережила и испытала, уже не можетъ быть.

Чѣмъ былъ для Церкви и религіозной жизни христіанской души старый режимъ? Судя по внѣшности, можетъ показаться

что тотъ тѣсный союзъ, въ какомъ оказалась Церковь съ монархіей, церковное управленіе съ внѣшней властью, велъ ее (Церковь) къ блеску, силѣ и могуществу. Но это была одна видимость, за которою скрывался подлинный трагизмъ церковной дѣйствительности. Нигдѣ, кажется, ни въ одной области духовной жизни народа, не сказалось такъ ярко, въ такихъ поистинѣ трагическихъ очертаніяхъ растлѣвающее вліяніе стараго режима, какъ именно здѣсь, въ этой области, въ Церкви. Монархическій абсолютизмъ принялъ въ союзъ съ собою Церковь, но это былъ не союзъ, а порабощеніе, не дружба и не братство, а деспотизмъ и эксплоатація. Какихъ только экспериментовъ не производилъ надъ Церковью ея самонадѣянный и властолюбивый союзникъ. Преслѣдуя прежде всего свои собственныя эгоистическія цѣли, абсолютизмъ прежняго управленія обратилъ Церковь въ орудіе осуществленія своихъ эгоистическихъ, властолюбивыхъ замысловъ. Онъ создалъ, заставилъ человѣческое слабоволіе тѣхъ, кто былъ у церковнаго кормила, создать какой-то особый культъ цезарепапизма, который проникалъ всюду, даже и въ самыя интимныя области религіозной жизни и вѣрующаго сознанія, въ молитву, въ богослуженіе, даже въ евхаристію: все это прежде всего должно совершаться за самодержавную власть, за ея успѣхи; царь земной оказался рядомъ съ Царемъ Небеснымъ, Божіе подмѣнили человѣческимъ, небесное земнымъ; создали почти догматъ какой-то изъ раболѣпной мысли о значеніи идеи монархизма для православной Россіи. Это оыло тяжкое преступленіе ноаага строя просивъ вѣрующей совѣсти; это былъ великій вредъ для Церкви.

Но это не все и, можетъ быть, даже не самое гллвное. Самое большое и самое тяжелое для Церкви зло прежняго порядка заключалось, конечно, въ той систематичности и послѣдовательности, съ какими эта утилитарно-эгоистическая идея приспособленія религіозныхъ отправленій для грубо-практическихъ цѣлей закрѣпленія и обезпеченія опредѣленнаго государственнаго строя принудительно осуществлялась рѣшительно во всѣхъ сторонахъ церковной жизни. Практически разрушительные результаты этой системы выразились въ томъ, что мы стали близки даже къ потерѣ самой идеи Церкви, какъ живого организма: изъ церкви создали просто вѣдомство православнаго исповѣданія, въ которомъ естественно водворились тѣ же общегосудорственные абсолютистскіе принципы

управленія и тотъ же бюрократическій строй. Это былъ тотъ тлетворный ядъ разложенія, который, разлившись по всему церковному организму, извратилъ его жизненныя отправленія и подорвалъ его производящія силы. Все здѣсь стало отраженіемъ того, что привело этотъ строй къ такому безславному концу.

Пастырство, эта живая душа церковнаго единенія и прогресса, пострадало отъ этой системы особенно чувствительно: установившійся укладъ жизни не только пріучилъ пастырей смотрѣть на свое служеніе, какъ на одну изъ обычныхъ государственныхъ профессій, но и окончательно приспособилъ ихъ, какъ государственныхъ чиновниковъ, къ присяжной защитѣ опредѣленныхъ политическихъ доктринъ. Съ духовенствомъ мало церемонились. Разъ-навсегда было признано, что оно, какъ коллективный носитель и выразитель религіозной идеи повиновенія власти, не можетъ и не должно вести себя иначе, какъ только въ согласіи съ опредѣленными предначертаніями, а остальное все становилось уже вполнѣ логическимъ завершеніемъ этого: можно заставлять священниковъ проповѣдывать съ церковнаго амвона крайніе правые политическіе лозунги; можно всякаго рода поощреніями и наказаніями побуждать и принуждать слабовольныхъ организовывать вокругъ храма черносотенныя ассоціаціи и допускать позорное водруженіе «союзническихъ» знаменъ рядомъ съ церковными хоругвями; можно производить возмутительную обработку духовенства при выборахъ въ Государственную Думу въ надеждѣ на безропотность и безотвѣтственность его предъ силой начальственнаго давленія. Да мало-ли что можно сдѣлать съ духовенствомъ. Въ концѣ-концовъ надъ нимъ можно было продѣлать какой угодно опытъ, ибо оно обращено было въ крѣпостное состояніе.

Конечно, тѣ, которые стояли во главѣ Церкви и по своему положенію могли защитить пастырство отъ этой эксплоатаціи, обязывались по долгу совѣсти и службы сдѣлать это. Но несчастіе Церкви въ томъ и состояло, что самый внутренній строй ея впиталъ въ себя бюрократическіе принципы управленія и крѣпостническую идеологію соціальныхъ отношеній. Въ Церкви не было единства: между высшей іерархіей и низшимъ духовенствомъ оказалась непроходимая пропасть соціальнаго неравенства. Епископату нашему свѣтскою властью была предоставлена полнота власти надъ низшимъ духовенствомъ, и эта власть, поддержанная вѣковой традиціей преклоненія предъ

высотой епископскаго сана, скоро поставила его въ положеніе вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, что представляли собою важныя особы въ составѣ свѣтской администраціи по отношенію къ низшему, податному сословію. Поставленное наверху церковнаго управленія и связанное всякими свѣтскими наградами и повышеніями за «государственно-полезную» службу, епископство наше поставило на второмъ планѣ свои собственно-пастырскія обязанности и высоко вознеслось надъ низшимъ духовенствомъ, на долю котораго собственно и предоставлено было несеніе этихъ обязанностей. Получилась глубокотрагическая и для дѣла пастырства гибельная картина внутренняго разъединенія: епископы начальнически смотрѣли на подчиненныхъ священнослужителей и не всегда шли навстрѣчу ихъ пастырскимъ нуждамъ. Даже болѣе: они оказались какъ бы въ союзѣ съ свѣтской властью и своею политикою часто вели духовенство и Церковь къ все большему и большему закрѣпощенію.

Понятно, что стало представлять собою это низшее духовенство въ исполненіи своего пастырскаго долга. Продоставленное въ своихъ пастырскихъ начинаніяхъ самому себѣ и не находя достаточнаго поощренія и помощи въ своихъ добрыхъ порывахъ, оно, конечно, оказалось безсильнымъ выполнить высокій евангельскій идеалъ добраго пастырства. О низшемъ духовенствѣ мало заботились, ибо мало интересовались тѣмъ важнѣйшимъ дѣломъ, которое скромно исполняло оно по своему разумѣнію: отъ него лишь требовали неукоснительнаго исполненія служенія кесарю, а о томъ, какъ оно служитъ Богу и насколько соотвѣтствуетъ его служеніе своему назначенію, объ этомъ мало или, точнѣе сказать, почти совсѣмъ не заботились. Отъ духовенства лишь требовали, ему лишь приказывали и... ничего не давали для того, чтобы поднять его моральный авторитетъ и вліяніе среди паствы, чтобы создать благопріятную обстановку для плодотворной работы.

Конечно, наша пастырская миссія оказалась слабой и мы явились плохими руководителями народа. Настоящій моментъ особенно впечатлительно иллюстрируетъ эту печальную истину. Для кого не ясно, что будь наше сельское духовенство болѣе развито, располагай бы оно болѣе благопріятными условіями для своей работы, въ современной обстановкѣ, при своей особой близости къ народу оно несомнѣнно составило бы крупную общественную и культурную силу, которая можетъ быть явиц-

лась бы однимъ изъ благодѣтельныхъ факторовъ созидательнаго устройства жизни на новыхъ началахъ. Къ сожалѣнію, оно оказалось не въ состояніи явиться для народа такой силой, потому что совершенно не было подготовлено ни къ сознательной, продуктивной общественно-культурной работѣ, ни къ одушевленному выполненію даже своихъ спеціально-пастырскихъ обязанностей. Специфическій полу-клерикальный, полу-бурсацкій укладъ семинарской жизни съ ея половинчатостью во всемъ, и въ методахъ воспитанія, и въ содержаніи учебныхъ программъ,—не давалъ будущимъ пастырямъ надежныхъ пріобрѣтеній ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, такъ какъ и крѣпкаго пастырскаго настроенія не создавалъ въ питомцахъ, и широкаго общегуманитарнаго образованія, какъ надежнаго фундамента для дальнѣйшаго саморазвитія, не давалъ имъ. За пастырское рало по выходѣ изъ семинаріи брались обычно средніе и ниже-средніе по успѣхамъ и развитію юноши, такъ какъ лучшіе обычно шли въ высшую школу. Удивительно-ли послѣ этого, что и въ пастырствѣ такіе кандидаты оставались и остаются обычно людьми *срединными,* съ скромнымъ умственнымъ кругозоромъ и слабой духовной потенціей, съ неразвитой способностью къ личной инициативѣ и самостоятельному творчеству въ работѣ, по традиціи ставшей давно знакомой и обычной. Среди такихъ пастырей много очень хорошихъ людей, безукоризненно-честныхъ и трудолюбивыхъ, любящихъ свое званіе и преданныхъ своему дѣлу. Но ихъ слабыя руки не могутъ высоко нести великое знамя пастырства и часто противъ ихъ желанія оно незамѣтно принижается до уровня обычныхъ житейскихъ убѣжденій и взглядовъ. Это не потому, что у нихъ нѣтъ желанія быть добрыми пастырями, что они сознательно игнорируютъ самый идеалъ своего служенія. Нѣтъ, такое желаніе у многихъ несомнѣнно всегда имѣлось и желаніе вполнѣ искреннее. Но у нихъ не было твердой почвы подъ ногами, не было ни знаній, ни силъ, ни подготовки. Вся система павшаго строя была какъ бы спеціально разсчитана на то, чтобы всякую живую мысль, всякое движеніе чуткой души въ сторону свѣта и идеала остановить и ослабить въ самомъ зародышѣ, чтобы всѣ и во всемъ были людьми срединными, обыкновенными: это казалось безопаснымъ. И нужно отдать справедливость: этотъ строй отлично умѣлъ обезволивать людей и обезпложивать ихъ мысли, подавлять и уничтожать духъ инициативы и предпріимчивости, усыплять и раз-

рыхлять совѣсть, подтачивать и ослаблять свѣтлые порывы души къ вдохновенному, свободному, святому труду. Въ условіяхъ этого режима трагически гибли для дѣла пастырства и несомнѣнные добрые задатки. Въ безпросвѣтномъ мракѣ всеобщей русской обывательщины безнадежно тонули первые свѣтлые порывы и мечты одушевленной юности и изъ работоспособныхъ, часто идеалистически настроенныхъ юношей, желавшихъ и искавшихъ добраго пастырства, выходили срединные люди, блѣдно и монотонно исполняющіе свое высокое служеніе, какъ обязательную повинность, часто искренно желающіе, но безсильные выполнить высокій пастырскій идеалъ. Пастыри оказывались потомъ самыми обыкновенными, ни чѣмъ не проявляющими себя ни въ настроеніи, ни въ дѣятельности, людьми. Безнадежная мѣщанственность русской жизни охватила полностью пастыря и онъ сталъ также... просто русскимъ обывателемъ. Неглубокая мысль средняго человѣка, питающаяся лишь мелкими фактами внѣшне-бытовой дѣйствительности, оказывалась не въ силахъ понять и усвоить всю огромность пастырскаго призванія, а сердце, живущее лишь элементарными чувствами будничной суеты, не возвышалось до творческаго живого вдохновенія. Да этого отъ него и не требовалось: нужны были просто исправные люди для выполненія опредѣленной программы, а отнюдь не «идеалисты» и «затѣйники».

Таковыми, конечно, и стали наши пастыри: исправно усвояли вѣками сложившуюся въ условіяхъ русскаго быта убогую «пастырскую» программу, которая въ лучшемъ случаѣ исчерпывалась обязательствомъ поддержанія, такъ сказать, офиціальнаго благополучія въ религіозной сферѣ, а чаще—просто культовыми отправленіями и требоисправленіемъ, и дальше не шли, такъ какъ не было даже и предмета болѣе широкаго пастырскаго вліянія: народъ былъ оторванъ отъ живой связи съ церковной жизнью и, оказавшись въ положеніи какъ бы побочнаго элемента въ церковномъ организмѣ, разсматривался лишь какъ культовый потребитель и объектъ специально-религіозныхъ воздѣйствій. При этихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо творчествѣ пастырства въ своей сферѣ и оно по необходимости превратилось въ одну изъ обычныхъ житейскихъ профессій. Это принизило и умалило его авторитетъ. Это дало основаніе и поводъ всячески упрекать духовенство и ставить ему на видъ его не-

культурность, малообразованность, бездѣятельность, жадность и пр. и пр.

Можно-ли винить въ этомъ духовенство?—Конечно, оно виновно, но столько же, сколько напр. крестьяне, которыхъ держали въ рабствѣ и униженіи безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, виновны въ томъ, что они необразованы и некультурны. Не вина тутъ, а несчастіе наше, и не винить, а помочь нужно. Мы были плохими носителями своего высокаго званія, мы не сумѣли осуществить своего идеала. Но развѣ было что-либо сдѣлано для того, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить намъ нашу работу? Мы малообразованы и некультурны. Но развѣ заботились о нашемъ образованіи? Мы принижены и забиты. Но развѣ не трактовала насъ власть даже до XIX в. какъ часть общей массы «подлаго народа»? развѣ не были мы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сословіемъ тяглымъ, безправнымъ и угнетеннымъ? Мы жадны и корыстолюбивы. Но развѣ сдѣлано хоть что-нибудь, чтобы освободить насъ отъ унизительной необходимости быть въ постоянной матеріальной зависимости отъ даяній своихъ же нищенствующихъ и бѣдствующихъ прихожанъ? развѣ не были мы все время буквально нищими, вынужденными добывать себѣ и семьѣ кусокъ хлѣба обычнымъ крестьянскимъ трудомъ, тяжелымъ и изнурительнымъ, который не оставлялъ ни времени, ни силъ для работы духовной? Мы слабы, мы немощны. Но развѣ въ томъ, чѣмъ жила и дышала Россія и чѣмъ можетъ она гордиться теперь, развѣ во всемъ этомъ не видны слѣды и нашего пота и нашихъ слезъ? развѣ нашъ голосъ не звучалъ громко и настойчиво въ годины несчастій родины, развѣ не звалъ онъ народную совѣсть къ защитѣ славы и чести родной земли? Отъ насъ требовали и требуютъ высокой духовности и идеальной настроенности. Но развѣ не обратили насъ насильственно въ мелкихъ государственныхъ чиновниковъ, возложивъ на наши плечи различнѣйшія обязанности и повинности чисто гражданскаго свойства и развѣ не вынуждены мы были нести ихъ регулярно, но, конечно, безмездно? Да, мы не на высотѣ положенія, но потому, что съ насъ всегда больше требовали, чѣмъ давали; больше упрекали и порицали, чѣмъ поощряли и помогали. Да, мы виновны, но лишь въ томъ, что не стали героями, ибо для того, чтобы безупречно осуществить пастырскій идеалъ въ условіяхъ прежняго строя, нужно было именно геройство. Винить нужно не насъ, а тѣ условія, въ какихъ

приходилось жить и работать. Мы плохи прежде всего потому, что выросли на засоренной и обезпложенной нивѣ русской государственности павшаго строя.

Какъ же поэтому не привѣтствовать свершившуюся перемѣну? Вѣдь разомъ уничтожено то, что лежало на насъ, какъ тяжелый гнетъ. Рѣшительно разорваны цѣпи, опутывавшія и мысль, и чувство. Исчезли призраки нашего позора и униженія. Церковь получила возможность жить свободной жизнью, проявить свои творческія способности во всей полнотѣ и силѣ. Это такое пріобрѣтеніе, которымъ искупаются всѣ возможныя грядущія испытанія.

Эти испытанія, конечно, неизбѣжны. Коренная ломка всего государственнаго организма и переустройство его на новыхъ началахъ несомнѣнно отразятся и на характерѣ отношеній новой государственной структуры къ Церкви. Слишкомъ тѣсно связанная съ павшимъ режимомъ, она теперь, можетъ быть, лишится поддержки со стороны государства. Недовѣріе къ запятнавшему себя угодливостью и прислужничествомъ духовенству можетъ быть отторгнетъ отъ нея не малую часть членовъ. Словомъ, возможно, что первые моменты свободы отразятся нѣсколько неблагопріятно на оффиціальной, такъ сказать, жизнедѣятельности Церкви, что она утратитъ свое господственное положеніе въ государствѣ и нѣсколько ослабѣетъ.

Но этого бояться не слѣдуетъ. Хуже того, что было, не будетъ, а лучше можетъ быть, и мы въ этомъ не сомнѣваемся. Прежде всего, какъ бы ни были неблагопріятными для Церкви первые моменты правового упорядоченія всѣхъ сторонъ жизни страны, насъ не должна покидать надежда на то, что религіозное исповѣданіе цѣлыхъ 70% кореннаго населенія не можетъ остаться безъ такого признанія, которое бы полностью обезпечивало ему успѣхъ внутренняго роста и все необходимое для самодѣятельнаго развитія. Это требуется уже просто принципомъ согласія съ волей большинства.

Но допустимъ, что и этого не случится, что мы будемъ оставлены безъ помощи и поддержки. Развѣ мы теряемъ отъ этого полученную нами возможность свободнаго созидательнаго труда къ своему усовершенію и достиженію желаемыхъ цѣлей? Развѣ мы не имѣемъ основаній надѣяться, что въ концѣ концовъ правда Христовой Церкви восторжествуетъ и что эта Церковь, освобожденная отъ всякихъ примѣсей и инородныхъ

приражений, предстанетъ предъ вѣрующимъ сознаніемъ, какъ чистая и непорочная Христова Невѣста во всемъ блескѣ своей красоты? Пастырство наше упало, авторитетъ его принизился. Но мы можемъ радоваться тому, что и при тѣхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ нашему духовенству приходилось свершать свое служеніе, въ его средѣ всегда были свѣтлыя личности, не боявшіяся возвышать свой голосъ за правду и будившія народное сознаніе живымъ словомъ проповѣди и нагляднымъ примѣромъ дѣятельности. Это добрый знакъ того, что оно живо, что оно не умерло, что оно готово къ полному и цѣлостному своему возрожденію и ждетъ только того, чтобы созданы были благопріятныя для него условія.

Нужно создать эти условія. Это нашъ первый и главный долгъ предъ свободой. Прошлое миновало и поднялась заря новой жизни. Но не достаточно просто отряхнуть съ себя прахъ этого прошлаго, не достаточно только приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и новому порядку. Нужно начать новую христіанскую церковную жизнь, нужно создать эту жизнь. Легко осудить тяжелое прошлое, но не такъ легко освободиться отъ оставленнаго имъ тяжелаго наслѣдія. Легко говорить привѣтствія желанному новому строю, но трудно, безконечно трудно создать новую жизнь. Свобода, конечно, обѣщаетъ новую счастливую жизнь, но эта жизнь не придетъ къ намъ по одному нашему желанію, хотя бы и самому сильному. Для этого требуется уже усиліе воли, подвигъ труда.

Предъ нами грандіозная задача церковнаго возрожденія, собранія во едино и сплоченія разрозненныхъ элементовъ для дружнаго общаго строенія новой церковной жизни. Рѣчь идетъ не просто о новой церковной политикѣ, но о несравненно болѣе важномъ, о нашемъ *внутреннемъ преображеніи* по идеалу новой жизни, о нашемъ перерожденіи и окончательномъ освобожденіи отъ слѣдовъ печальнаго прошлаго. Свобода многое обѣщаетъ, но многаго и требуетъ. Мы не винимъ категорически нашихъ пастырей въ томъ, что они не высоко держали знамя своего великаго и святого дѣла. Но нельзя и усыплять свою совѣсть готовыми оправданіями.. Нужно трезво посмотрѣть на себя и учесть свои промахи. Какими бы причинами ни объяснялись очевидныя отрицательныя черты нашей пастырской психологіи,—наша инертность и малоподвижность, крайняя ограниченность служебнаго кругозора,—духовенство все же само отвѣтственно за нихъ, а никто другой. Признаемся

открыто, что слабость нашего пастырскаго вліянія на народъ всегда объяснялась въ концѣ концовъ нашей собственной духовной немощью. Въ народѣ всегда было достаточно любви и преданности къ Церкви; его душа всегда представляла самую благопріятную почву для пастырскаго воздѣйствія. Но къ сожалѣнію, мы сами-то слишкомъ рѣдко задумывались надъ идеаломъ добраго пастырства, слишкомъ слабо стремились проникнуться мыслью, что наше высокое званіе требуетъ отъ насъ полноты душевнаго напряженія. Какъ будить чужую совѣсть, если она у насъ самихъ размягчена покоемъ собственнаго обывательскаго благодушія? Какъ духовно руководить другими, если сами являемся рабами мертвящаго принципа житейской исправной внѣшности?

Прошло теперь то время, когда можно было довольствоваться созерцаніемъ картины лишь оффиціальнаго благополучія въ религіозной сферѣ. Мало теперь однихъ добрыхъ стремленій и безукоризненнаго настроенія. Теперь и именно теперь особенно нельзя оставаться пастырю въ состояніи теплохладности, нельзя быть ни горячимъ, ни холоднымъ, когда вездѣ требуется пламень живого вдохновенія и свѣжесть чувства для того, чтобы принять активное участіе въ строеніи новой жизни. Нельзя довольствоваться спокойствіемъ сознанія своей исполнительности во всемъ, что касается непосредственныхъ оффиціальныхъ обязанностей. Нуженъ свѣтлый возвышенный порывъ, нужно духовное горѣніе, нужна всеобъемлющая полнота воспріятія всей величавой торжественности пастырскаго призванія, нужна сжигающая мысль о той отвѣтственности, которая сейчасъ лежитъ на пастыряхъ предъ Церковью. Свобода много обѣщаетъ, но многаго и требуетъ. Отъ тѣхъ, кто ожидаетъ ея благъ, она требуетъ прежде всего энергіи и предпріимчивости. Теперь такой моментъ, когда побѣду можно взять лишь дружнымъ натискомъ, усиліемъ воли, порывомъ вдохновенія и трудомъ. Произведемъ же это усиліе и—побѣда будетъ наша. Въ свободѣ народа при нашей энергіи, трудѣ и живомъ пастырскомъ вдохновеніи Церкви нашей предстоитъ свѣтлая будущность.

Таковы наши надежды предъ лицомъ свободы и таковы наши обязанности предъ Церковью.

Н. Коноваловъ.

****

Замѣчательный дѣятель на пользу народнаго просвѣщенія.

(Питомецъ Петроградской Духовн. Академіи).

Такимъ дѣятелемъ по всей справедливости считается житель гор. Томска *Петръ Ивановичъ Макушинъ.*

«Съ именемъ П. И. Макушина въ сознаніи томичей и сибиряковъ соединяется представленіе о громадномъ книжномъ магазинѣ, съ книгами по всѣмъ отраслямъ знанія, отдѣленіемъ канцелярскихъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и нотъ, публичной библіотекой и кабинетомъ для чтенія, а за послѣдніе годы съ этимъ же именемъ связывается представленіе о красивомъ большомъ зданіи на Соляной площади съ надписью: «Домъ науки П. И. Макушина».

«Кто же это такой П. И. Макушинъ? Это—не купецъ, поставившій цѣлью своей жизни набиваніе золотой казной кармановъ, а купецъ, ищущій добраго бисера въ видѣ распространенія знаній и просвѣщенія въ широкой средѣ народной; это человѣкъ, стремящійся развить въ народѣ жажду знанія и къ знанію указать пути; это печальникъ народный, желающій, чтобы всѣ просвѣщенные люди болѣли-бы хронической душевной болью о народномъ невѣжествѣ».

Такими словами охарактеризованъ П. И. Макушинъ въ особой брошюрѣ съ заглавіемъ: «*Полвѣка на просвѣщеніе Сибири*» и подзаголовкомъ: «Чествованіе П. И. Макушина духовенствомъ, духовно-учебными заведеніями и учрежденіями по поводу 50-лѣтія его общественно-просвѣтительной дѣятельности» (Томскъ, стр. 40), составленной смотрителемъ мѣстнаго духовнаго училища, священникомъ Іоанномъ Ливановымъ.

Петръ Ивановичъ—сынъ бѣднаго причетника Пермской губерніи, родился 31 мая 1844 г. Образованіе получилъ сначала въ Пермскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ Семинаріи, окончивъ то и другое учебное заведеніе съ отличными успѣхами. Въ 1863 г. онъ начальствомъ семинаріи отправленъ былъ въ Петроградскую духовную академію. Здѣсь онъ прослушалъ общеобразовательный двухгодичный курсъ и перешелъ на старшее отдѣленіе для слушанія богословскихъ наукъ. Въ это время инспекторъ академіи Архимандритъ Владиміръ (впослѣдствіи епископъ Нижегородскій) назначенъ былъ начальникомъ Алтайской миссіи, и чрезъ него же тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой обратился къ воспитанникамъ Академіи съ предложеніемъ, не желаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ потрудиться на миссіонерскомъ поприщѣ путемъ распространенія и утвержденія христіанства на Алтаѣ. П. И. откликнулся на призывъ, и съ идеальными намѣреніями въ *1866 году 25 марта* прибылъ въ главный станъ миссіи—Улалу. 25-го марта 1916 и исполнилось 50-лѣтіе общественной и просвѣтительной его дѣятельности.

Первой цѣлью дѣятельности П. И. на Алтаѣ было желаніе устроить «центральное миссіонерское училище». Для этого онъ, по указанію о. о. миссіонеровъ, набралъ 14 мальчиковъ, устроилъ для нихъ интернатъ и дни и ночи проводилъ со своими учениками, участвуя въ ихъ работахъ и развлеченіяхъ. Черезъ $1^1/_2$ года Преосвященный Томскій Алексій, посѣтившій миссію, былъ весьма удивленъ прекрасной подготовкой мальчиковъ. Молодой учитель нашелъ время заняться и обученіемъ дѣвочекъ-калмычекъ Закону Божію, чтенію, ариѳметикѣ и чистописанію; въ праздники онъ устраивалъ бесѣды со взрослыми; по распоряженію начальника миссіи, иногда выѣзжалъ въ мѣста калмыцкихъ стойбищъ для оглашенія желавшихъ креститься алтайцевъ; содѣйствовалъ устройству библіотеки для чтенія членамъ миссіи, а чтобы книги не разбивались, изучалъ переплетное ремесло и *самъ переплелъ* почти всю миссіонерскую библіотеку, состоявшую изъ 600 томовъ; собиралъ свѣдѣнія о вѣрованіяхъ алтайскихъ инородцевъ; лѣтомъ 1866 г. сопутствовалъ начальнику миссіи въ его поѣздкѣ по Алтаю, сдѣлавъ верхомъ въ сѣдлѣ до 3000 верстъ, часто пробираясь въ тайгѣ «по звѣринымъ тропинкамъ».

Въ 1868 г. Томское духовенство, наслышавшись о плодотворной дѣятельности Макушина въ Улалѣ, единогласно избрало его на должность, въ то время оставшуюся вакантною, смотрителя духовнаго училища въ гор. Томскѣ. Смотрителемъ Макушинъ пробылъ около $4^1/_2$ лѣтъ и за такой короткій срокъ успѣлъ благоустроить училище какъ со стороны внутренняго быта его, такъ и со стороны внѣшней обстановки, до неузнаваемости въ немъ прежней жалкой во всѣхъ отношеніяхъ школы. За образцовый порядокъ въ училищѣ выразилъ П. И. Макушину горячую благодарность генералъ-губернаторъ Западной Сибири Хрущовъ, въ бытность свою (въ 1871 г.) въ гор. Томскѣ лично осмотрѣвшій училище.

Но скромная, хотя и очень полезная дѣятельность въ качествѣ смотрителя училища, не удовлетворяла, какъ видно, Макушина; онъ жаждалъ дѣятельности болѣе широкой и притомъ направленной на пользу общественную. Будучи всегда убѣжденъ въ необходимости распространенія въ средѣ народа начальнаго школьнаго образованія, онъ въ то же время сознавалъ, какъ это и естественно, что такое образованіе, безъ дальнѣйшаго его усовершенствованія путемъ книжнаго чтенія, не вполнѣ производительно: «грамотность, даваемая школой, еще не образованіе, а только ключъ къ сокровищамъ знанія»,—говорилъ онъ. Этими соображеніями и обусловливается дальнѣйшая его общественная дѣятельность по оставленіи имъ должности смотрителя училища: онъ поставилъ своею задачею сдѣлать въ Сибири книгу по цѣнѣ возможно-доступною для всякаго желающаго ею пользоваться.

Въ гор. Томскѣ въ то время не было публичной общедоступной библіотеки, а книжнаго магазина не существовало и во всей Сибири. Такой пробѣлъ Макушинъ рѣшилъ восполнить во что бы то ни стало. Мѣстный негоціантъ В. В. Михайловъ, убѣжденный имъ въ пользѣ и необходимости для края книжнаго магазина, далъ ему денежныя средства (на первое время 10.000 руб. и при томъ безъ процентовъ), и въ 1873 г. въ Томскѣ открытъ былъ, такимъ образомъ, первый въ Сибири книжный магазинъ, подъ фирмою «Сибирскій книжный магазинъ Михайлова и Макушина» съ библіотекой для чтенія. Послѣ было открыто отдѣленіе въ Иркутскѣ. Въ настоящее время магазины въ Томскѣ и Иркут-

скѣ заключаютъ въ себѣ до 50.000 названій книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, и открыты уже отдѣленія въ разныхъ городахъ Сибири, какъ западной, такъ и восточной. Находящаяся при магазинѣ публичная библіотека заключаетъ въ себѣ многія тысячи названій; для нея выписывается разныхъ періодическихъ изданій ежегодно на сумму до 1.000 рублей.

Достаточно заглянуть въ каталогъ книгъ книжнаго магазина Макушина, чтобы видѣть, что въ немъ довольно обширное мѣсто отводится для богословской литературы. И это, говоритъ составитель брошюры священникъ Ливановъ, не случайно. Для Петра Ивановича не было тайною, что въ Томской епархіи, да и не въ одной только Томской, а и въ сосѣднихъ епархіяхъ Сибири, только часть изъ всего состава духовенства, за исключеніемъ, конечно, городского, получила среднее богословское образованіе. Отъ зоркаго практическаго взора П. И-ча, по словамъ о. Ливанова, не могло ускользнуть это обстоятельство, и онъ пришелъ на помощь духовенству, открывъ обширный отдѣлъ по богословской литературѣ въ своихъ книжныхъ магазинахъ.

Но не эта только внѣшняя сторона дѣятельности г. Макушина приковывала вниманіе духовенства Томской епархіи: онъ, какъ замѣчаетъ о. Ливановъ, самъ былъ живымъ библіографомъ и дорогимъ другомъ для обращающагося къ нему, въ его книжный магазинъ, духовенства въ лицѣ этихъ батюшекъ простыхъ, не опытныхъ еще въ дѣлѣ пастырства и ищущихъ руководства для своего самообразованія, и, какъ живой библіографъ, однимъ батюшкамъ указывалъ руководства по проповѣдничеству, другимъ практическія руководства, третьимъ литургическія, а тѣмъ, которые являлись съ высшимъ запросомъ, указывалъ и болѣе солидные труды по богословскимъ предметамъ..

Но его имя дорого не для однихъ только батюшекъ, но и для низшихъ клириковъ. Какъ только было предъявлено епархіальнымъ начальствомъ повышенное требованіе не только по церковному чтенію, знанію церковнаго устава, но и по церковному пѣнію: когда потребовалось отъ псаломщиковъ, чтобы они имѣли знаніе регента, для образованія хоровъ при мѣстныхъ сельскихъ церквахъ, П. И-чъ не только уступилъ мѣсто въ «Домѣ Науки» (объ этомъ «Домѣ» ниже) для пѣвческихъ классовъ, но и возбудилъ ходатайство предъ

епархіальнымъ начальствомъ о допущеніи псаломщиковъ въ эти пѣвческіе классы. И просьба его была уважена.

Было и еще одно обстоятельство, которое особенно родственно сблизило г. Макушина съ духовенствомъ Томской епархіи. Когда переселенцы устремились сильною волною въ Сибирь и особенно стали осѣдать на западѣ Сибири и въ Томской губерніи, и когда въ Томской епархіи стали особенно быстро образовываться переселенческіе приходы, П. И-чъ снесся съ Сѵнодальными учрежденіями и выписалъ въ книжный магазинъ большое количество комплектовъ полнаго круга богослужебныхъ книгъ, и опять пришелъ на помощь духовенству въ его нуждахъ по отправленію богослуженій во вновь образовавшихся приходахъ.

Избранный въ 1875 году гласнымъ Томской Городской Думы и состоя въ этомъ званіи десятое четырехлѣтіе, П. И-чъ приложилъ ревностныя заботы къ дѣлу развитія въ городѣ народнаго образованія. По его настоянію, была въ 1880 г. организована училищная комиссія, предсѣдателемъ которой былъ избранъ П. И-чъ. За 15 лѣтъ предсѣдательствованія въ этой комиссіи, П. И. достигъ въ этомъ дѣлѣ, можно сказать, блестящихъ результатовъ, что видно изъ отзыва Томскаго губернатора Красовскаго, заявившаго на актѣ въ 1883 году: «я хорошо знакомъ съ столичными начальными школами и находилъ ихъ образцовыми, но Томскія школы поставлены, по моему мнѣнію, еще лучше».

Но возрастающій съ каждымъ годомъ запросъ на начальное образованіе въ гор. Томскѣ, съ одной стороны, и невозможность дальнѣйшаго увеличенія расходовъ изъ средствъ городского управленія на школьное дѣло съ другой, привели П. И. Макушина къ мысли организовать въ городѣ въ помощь общественному управленію особое школьное *общество*, каковое и было организовано трудами П. И. съ *девизомъ*: *«ни однаго неграмотнаго»* подъ названіемъ: *«Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ»*, уставъ котораго былъ утвержденъ 20 апрѣля 1882 г. Цѣль этого учрежденія заключалась: 1) въ томъ, чтобы содѣйствовать матеріальными средствами городскому управленію въ улучшеніи положенія городскихъ приходскихъ училищъ; 2) помогать бѣднѣйшимъ и способнымъ ученикамъ приходскихъ школъ, а при окончаніи ими курса училищъ доставлять способы къ продолженію ученія въ Томскихъ средн. учебныхъ заведеніяхъ;

3) оказывать пособіе лицамъ, которыя съ разрѣшенія начальства откроютъ и будутъ содержать частныя первоначальныя школы. Итакъ, нужны были прежде всего средства и средства: предсѣдатель Общества въ изысканіи и накопленіи ихъ проявляетъ такую энергію, что въ Томскѣ складывается поговорка: «не пролетитъ черезъ Томскъ ворона безъ того, чтобы Макушинъ не вырвалъ изъ ея крыла перышко для своего общества».

Труды П. И-ча по устройству названнаго общества увѣнчались успѣхомъ: оно въ первые же годы своей дѣятельности оказываетъ пособіе около 3000 р. болѣе чѣмъ 300 ученикамъ, платитъ за право ученіе въ гимназію до 900 руб. пособія и награды учителямъ и учительницамъ, содержитъ три мужскихъ начальныхъ училища, затрачивая на нихъ до 6 тыс. р. въ годъ, открываетъ курсы для окончившихъ начальную школу, воскресныя классы технич. рисованія, учреждаетъ классы хорового пѣнія для учениковъ начальныхъ городскихъ школъ, устраиваетъ народныя чтенія, открываетъ и содержитъ профессіональную женскую школу; въ 1884 г. (30 сентября) открываетъ народную безплатную библіотеку, первую въ то время не только въ Сибири, но и въ Россіи (Тургеневская въ Москвѣ была открыта нѣсколько позже). Бывшій въ то время въ Томскѣ епископъ Владиміръ, внеся щедрую лепту, въ книгѣ пожертвованій написалъ: «отъ всей души призываю Божіе благословеніе на доброе дѣло. Молю Бога, чтобы библіотека не только доброе начало получила, но и развилась, сообразно потребности въ ней, и чтобы она приносила ту пользу, какая ожидается отъ нея учредителями и благожелателями».

Чтобы сохранить библіотеку отъ гибели по отсутствію помѣщенія, П. И. располагаетъ купца С. С. Валгусова построить зданіе для библіотеки, что и было сдѣлано въ 1887 году.

Библіотека выстроена со всѣми необходимыми приспособленіями, и при ней, по мысли П. И., учрежденъ музей прикладныхъ знаній.

Подражателей П. И-чу въ дѣлѣ устройства безплатныхъ народныхъ библіотекъ нашлось въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири очень много. Нынѣ тамъ такихъ библіотекъ уже 450. Еще въ 1908 г. на устройство сельскихъ библіотекъ П. И. пожертвовалъ особый капиталъ въ 31.200 рублей.

Въ 1906 г. общество попеченія о начальномъ образова-

нiи, по обстоятельствамъ времени, генералъ-губернаторомъ барономъ Нолькеномъ было закрыто. П. И. выработываетъ уставъ новаго общества съ названiемъ: «Общество попеченiя о народномъ образованiи», которое открывается 30 октября 1909 года, и члены совѣта этого общества горячо благодарятъ П. И-ча въ торжественномъ собранiи при открытiи «Дома науки» 7 октября 1912 г.

П. И. Макушинъ является другомъ одинаково министерской и церковно-приходской школы.

Батюшки, будучи завѣдующими церковно-приходскихъ школъ и терпя часто острую нужду въ учебныхъ пособiяхъ и руководствахъ и въ учебныхъ принадлежностяхъ, постоянно обращались къ Петру Ивановичу. Да и самъ Епархiальный Училищный Совѣтъ и Уѣздныя Отдѣленiя сносились въ данномъ случаѣ не съ кѣмъ другимъ, какъ съ Петромъ Ивановичемъ. И нужды всѣхъ удовлетворялись. Какъ только открылся Епархiальный Комитетъ общества вспомоществованiя учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ и семействамъ учителей, ушедшихъ на войну, П. Ив. явился благотворителемъ и на это дѣло, пожертвовавъ цѣлую тысячу рублей.

Сдѣлавшись комиссiонеромъ Св. Синода по продажѣ книгъ Свящ. Писанiя, П. И. пустилъ въ народное обращенiе не одну сотню тысячъ книгъ, которая во всѣ времена одна только правильно учила и учитъ, «какъ Богу угодити» и какъ создать еще здѣсь на землѣ царство мира и любви. «Въ этомъ отношенiи, говорится, въ адресѣ Макушину отъ Епархiальнаго Училищнаго Совѣта, заслуга Ваша весьма велика, и будущiй историкъ религiозно-нравственнаго просвѣщенiя въ Сибири отведетъ Вамъ видное мѣсто въ своей книгѣ».

«Наши сибирскiе крестьяне-землепашцы, продолжается въ адресѣ, въ теченiе долгаго зимняго досуга не знаютъ, куда дѣвать свободное время. Сибирское золото и ссыльно-каторжный элементъ стали прiучать ихъ къ такимъ занятiямъ, которыя не могли соотвѣтствовать идеѣ человѣка-христiанина. По большей части удаленный отъ храмовъ Божiихъ, сибирякъ сталъ быстро усвоять науку непризванныхъ учителей. Начальная сельская школа не въ силахъ была бороться съ этимъ духовномъ-растлѣвающимъ влiянiемъ. Ея ученики, окруженные по выходѣ изъ школы темной безграмотной средой, въ большинствѣ забывали и письмо и грамоту, что неопровер-

жимо доказали и статистика, и Присутствія по воинской повинности. Чуткій и отзывчивый на нужды народнаго образованія, Вы, Петръ Ивановичъ, основали Общество сельскихъ библіотекъ-читаленъ, которыя и поселились рядомъ или вмѣстѣ съ министерской, или съ церковной школой. Теперь уже во многихъ селахъ школа и Макушинская библіотечка, какъ двѣ родныя сестры, ткутъ полотно одного и того же рисунка, (выше нами было сказано, что ихъ теперь болѣе 450). Для крестьянина, лишеннаго какихъ бы то ни было разумныхъ удовольствій и развлеченій, единственной отрадой души служило и служитъ хоровое пѣніе. Онъ бываетъ безмѣрно счастливъ, когда въ село поступаетъ пѣвчій—псаломщикъ или учитель. Епархіальный Училищный Совѣтъ осажденъ просьбами изъ селъ прислать пѣвца-учителя. И чуткій другъ школы Петръ Ивановичъ уже откликнулся на настойчивую просьбу народа: при народномъ домѣ своего имени онъ ежегодно устраиваетъ пѣвческіе курсы, на которыхъ и сидятъ за одной партой учитель и псаломщикъ».

Съ 1913 года городскимъ Общественнымъ управленіемъ г. Макушинъ избранъ представителемъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ и состоитъ его членомъ. При всей своей многосторонней дѣятельности П. И. является самымъ *усерднымъ посѣтителемъ его собраній.* «И не намъ, замѣчается въ адресѣ, говорить, какое значеніе имѣетъ въ Совѣтѣ голосъ человѣка, умудреннаго громаднымъ жизненнымъ опытомъ, не по годамъ обладающаго завидной энергіей и настойчивостью, вооруженнаго прямотой характера и безпристрастіемъ, прекрасно освѣдомленнаго съ жизнью школы и учителя».

Много лѣтъ работая на пользу начальнаго образованія и просвѣщенія массъ путемъ устройства безплатной библіотеки-читальни и музея прикладныхъ знаній, *П. Ив. болѣлъ душой* о слабомъ распространеніи въ Сибири научныхъ знаній: онъ видѣлъ, какъ много талантливыхъ, усердныхъ учениковъ начальной школы и самоучекъ погибаетъ въ житейскомъ морѣ только потому, что по условіямъ своей жизни и матеріальной необезпеченности они не могутъ продолжать образованіе соотвѣтственно природнымъ дарованіямъ.

И въ этомъ дѣлѣ П. И. рѣшилъ придти на помощь ищущимъ научныхъ знаній, но лишеннымъ возможности поступить въ существующія высшія учебныя заведенія.

Онъ задумываетъ создать «народный университетъ»; не-

однократно заявляетъ объ этомъ Городской Думѣ; въ 1905 г. жертвуетъ на фондъ на содержаніе народнаго университета 100.000 р.; въ 1909 году знакомится заграницей съ подобнаго рода учрежденіями, дѣятельно хлопочетъ о скорѣйшемъ осуществленіи своей идеи; въ 1910 г. приноситъ новую жертву въ 100.000 р. на постройку зданія для университета, и 7 октября 1912 года присутствуетъ на торжественномъ освященіи выстроеннаго имъ и принесеннаго въ даръ городу «Дома Науки».

9 Января 1916 г. послѣдовало утвержденіе устава народнаго университета. Эту дату П. И. Макушинъ ознаменовываетъ новымъ щедрымъ даромъ для увеличенія средствъ университета (недвижимымъ имуществомъ своимъ съ чистымъ доходомъ до 7—8 тысячъ руб. въ годъ), стоимостью въ 125.000 р.

Так. образ., матеріальныя жертвы П. И-ча на университетъ ко дню его 50-лѣтняго юбилея достигли 325.000 р.

Чествованіе П. И. Макушина по поводу исполнившагося 50-лѣтія его общественно-просвѣтительной дѣятельности происходило въ залѣ Общественнаго Собранія, переполненной избранною интеллигентной публикой. Тутъ были представители городского управленія, администраціи и разныхъ корпорацій.

Въ отвѣтной рѣчи на привѣтствія П. И., между прочимъ, говорилъ: «По моему адресу раздаются здѣсь привѣтствія и похвалы, далеко превышающія мои заслуги. Досточтимое собраніе. Я понимаю, что въ моемъ лицѣ вы чествуете знамя, на которомъ красуются полныя глубокаго значенія, опредѣляющія все будущее нашей Родины, начертанныя золотыми буквами два слова: «народное образованіе». Привѣтствія и похвалы я принимаю на свой счетъ постольку, поскольку заслуживаетъ ихъ знаменщикъ, несущій полковое побѣдное знамя впереди своего полка. Я—знаменщикъ красующагося здѣсь знамени. Я—знаменщикъ Томской вольной дружины друзей народнаго просвѣщенія, и я горжусь этимъ званіемъ и хотѣлъ бы до конца дней моихъ высоко нести это знамя... Цвѣты и надежда нашей Родины, полная самоотверженныхъ порывовъ, жаждущая и стремящаяся къ свѣту молодежь! Черезъ головы трудившихся и трудящихся на благо народа къ вамъ мой горячій кличъ: вы умѣлые, съ бодрыми лицами... Когда настанетъ вашъ чередъ, съ полными духовнаго и моральнаго жита кошницами двиньтесь впередъ.

И спасибо вамъ скажетъ сердечное русскій народъ. И дай Богъ каждому изъ васъ пережить тѣ счастливыя минуты, какія переживаетъ сейчасъ вашъ старый знаменщикъ. Высокочтимому собранію за вниманіе и почетъ сердечное спасибо и низкій поклонъ. Да множатся на нашей дорогой родинѣ вольныя дружины друзей народнаго просвѣщенія, и пусть ихъ знамена побѣдно шумятъ»....

Бурные, долго не смолкавшіе апплодисменты были отвѣтомъ на рѣчь юбиляра.

По мысли Преосвященнаго Томскаго Анатолія духовенство и духовно-учебныя заведенія и учрежденія г. Томска чествовали П. И. Макушина 27 марта (въ воскресенье) въ Крестовой церкви и читальномъ залѣ при архіерейскомъ домѣ. Невольное вниманіе останавливаетъ на себѣ это чествованіе.

По окончаніи литургіи, совершенной архіерейскимъ служеніемъ преосвященный Анатолій обратился къ юбиляру между прочимъ, съ такими словами:

«Досточтимый Петръ Ивановичъ.

Мы рады видѣть васъ въ своей средѣ, пришедшаго въ храмъ Божій въ знаменательные дни Вашей жизни помолиться. Васъ рады встрѣтить здѣсь Ваши сослуживцы и сотрудники по разнымъ Епархіальнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ вы состоите членомъ и тружеником въ продолженіи многихъ лѣтъ, и вознесши совокупно юбилейную молитву, помолиться о Вашемъ здравіи и долгожитіи.

Отъ меня прошу принять въ благословленіе на дальнѣйшіе Ваши труды въ пользу нашей общей Матери Церкви и ея даръ сію св. икону Спасителя».

По совершеніи благодарственнаго молебна предъ иконой Спасителя и многолѣтствованія юбиляру всѣ присутствовавшіе въ храмѣ богомольцы вмѣстѣ съ юбиляромъ перешли въ читальный залъ; воспитанники Семинаріи пропѣли «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра» и исполнили хвалебную стихиру Св. Иннокентію: «восхвалимъ мужа славна въ житіи», положенную на музыку А. В. Анохинымъ. По окончаніи пѣнія о. Ректоръ Семинаріи протоіерей А. М. Курочкинъ съ каѳедры прочелъ привѣтствіе юбиляру высокопр. Макарія, митрополита Московскаго, изложенное въ такихъ выраженіяхъ: «Дорогой Петръ Ивановичъ. Шлю Вамъ сердечный привѣтъ въ настоящій знаменательный для Васъ юбилейный годъ, 50 лѣтъ прошло, когда мы впервые уви-

дали Васъ въ Алтаѣ среди миссіонерской семьи. Вмѣстѣ мы терпѣли нужду, вмѣстѣ учили, проповѣдывали. Послѣдующая Ваша служба, Вашъ девизъ: ни одного неграмотнаго» составляютъ разновидности той же проповѣди. Молитвенно желаю Вамъ, досточтимый Петръ Ивановичъ, еще много, много плодотворно пожить и во второе полустолѣтіе».

Затѣмъ привѣтствовали П. И. отъ духовенства и Алтайской миссіи каѳедральный протоіерей, отъ Епарх. Училишн. Совѣта ректоръ Семинаріи и Смотритель дух. училища прочитали адреса, составленные въ теплыхъ, глубокопризнательныхъ, достойно хвалящихъ юбиляра адресовъ. Въ адресѣ отъ Семинаріи П. И. названъ «Сибирскимъ свѣтильникомъ»,—въ адресѣ отъ училища приводятся, слова одного изъ учениковъ П. И., въ настоящее время просвѣщеннаго Архипастыря русской церкви, сказанныя на ученическомъ праздникѣ въ 1913 году: «Со вступленіемъ Васъ, въ должность Смотрителя, говорилъ Преосвященный, для всѣхъ насъ, тогдашнихъ учениковъ, взошло ясное солнышко, теплое, ласковое, и я вспоминаю съ глубокою благодарностью всегда участливое и гуманное отношеніе Петра Ивановича къ намъ тогдашнимъ его питомцамъ»... «Слушая Ваши рѣчи, заявляется въ томъ же адресѣ, глядя на Васъ и Ваше громадное для Сибири просвѣтительное дѣло, мы не можемъ удержаться отъ восторга, что наша среда, наша многими по невѣдѣнію порицаемая, а въ то время, когда Вы учились и до нельзя убогая, но пріучающая къ упорному, настойчивому труду, школа дала Сибири такого работника, какъ Петръ Ивановичъ».

По прочтеніи адреса ученики духовнаго училища, подъ управленіемъ учителя пѣнія, пропѣли кантату, начинающуюся словами:

Господь, твори добро народу,
Благослови народный трудъ...

Затѣмъ были прочитаны привѣтствія отъ разныхъ лицъ и учрежденій духовнаго вѣдомства, отъ архипастырей и пастырей, отъ начальствующихъ и цѣлыхъ корпорацій учащихъ въ учебн. заведеніяхъ, отъ дѣятелей по церк.-прих. школамъ, отъ духовенства округовъ и отдѣльныхъ его представителей.

По окончаніи чтенія телеграфныхъ привѣтствій растроганный юбиляръ обратился къ собравшимся съ рѣчью:

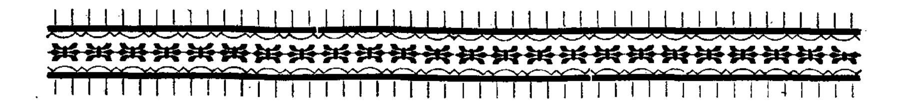
«Высокочтимое собраніе.

«Преосвященнѣйшій Архипастырь, Пастыри, народные учительницы и учителя церковно-приходскихъ школъ. Глубоко тронутъ Вашимъ вниманіемъ, собравшимъ Васъ сюда. По моему адресу раздавались здѣсь привѣтствія и похвалы. Мои труды и заслуги оцѣнены слишкомъ высоко... Честь и слава подобаетъ прежде всего Вамъ пахарямъ и сѣятелямъ Христовой любви, свѣта, истины и знанія. Вы поднимаете новину, *Вы разрыхляете засоренную суевѣріями и темнотой народную ниву*, Вы бросаете въ душу человѣка добрыя сѣмена Работа тяжелая. Глубоко чту работниковъ и преклоняюсь предъ ними... Я счастливъ тѣмъ, что съ юныхъ лѣтъ полюбилъ эту работу и по мѣрѣ силъ всегда старался пріобщиться къ ней. Оставивъ личное учительство, я взялъ на себя заботу, чтобы сѣемое Вами и другими работниками на нивѣ народнаго образованія зерно не пропадало, чтобы нашъ общій заклятый врагъ-невѣжество и мраколюбіе не затоптало и не уничтожило посѣянныя сѣмена, чтобы взлелѣянные Вами всходы поднялись, заколосились и принесли полное, богатое моральною и умственною красотою, зерно во славу и величіе нашей дорогой Родины. Распространяя книгу, устраивая народныя безплатныя библіотеки, чтенія, курсы и, наконецъ, Народный университетъ, я забораниваю посѣянное Вами зерно, чтобы оно не пропало и пустило въ землю корни. Вы на нивѣ, народнаго просвѣщенія—пахари и сѣятели, а я Вашъ бороноволокъ; Вы зажигаете свѣтильники, а я по мѣрѣ силъ и средствъ, подливаю въ нихъ масло, чтобы они неугасимо и ярко горѣли; Вы свѣтовозжигатели, а я Вашъ лампадчикъ».

«Сердечное спасибо и низкій поклонъ всѣмъ, не забывшимъ своего стараго бороноволока и лампадчика въ знаменательный для него день».

Пѣніемъ «Достойно есть» закончилось чествованіе Петра Ивановича, 27 Марта, въ читальномъ залѣ при архіерейскомъ домѣ. Напутствуемые благословеніемъ Владыки, участники торжества, замѣчаетъ о. Ливановъ въ своемъ описаніи торжества, стали расходиться по домамъ, унося въ сердцѣ своемъ глубокое впечатлѣніе отъ всего слышаннаго и съ радостнымъ сознаніемъ, что въ Сибири есть богатыри духа съ проницательнымъ умомъ, желѣзной волей, твердой вѣрой въ Бога, силы народа и лучшее будущее родной страны.

И. Преображенскій.

†

Проф. Н. В. Покровскій и его научныя заслуги.

Едва ли какая другая наука гуманитарнаго цикла за послѣдніе годы развивалась такъ быстро, обогащаясь матеріально, ставя все новыя задачи и проблемы, какъ церковная археологія. Зародившись въ Римѣ, прочно опредѣлившись лишь во второй половинѣ прошлаго столѣтія, будучи ограничена первоначально западными памятниками, она ввела затѣмъ въ сферу своего разсмотрѣнія памятники восточные, перекинула связующія нити между античнымъ искуствомъ и христіанскимъ, вскрыла разнообразныя теченія и перемѣны въ исторіи самого христіанскаго искусства. Быстрый ростъ науки церковной археологіи въ значительной степени, конечно, зависѣлъ отъ личнаго таланта ученыхъ силъ, бравшихъ на себя ея разработку. Не смотря на свою относительную молодость, церковная археологія можетъ уже гордиться рядомъ талантливыхъ и даровитыхъ ученыхъ тружениковъ. Почетное мѣсто среди нихъ, несомнѣнно, должно быть отведено незабвенной памяти почившему профессору Петроградской Духовной Академіи, директору Петроградскаго Археологическаго Института Николаю Васильевичу Покровскому.

Первые его ученые шаги еще не были связаны съ тою наукою, которой онъ впослѣдствіи посвятилъ свою жизнь. Н. В. обучался въ Духовной Академіи, когда кандидатскія работы писались на третьемъ курсѣ, четвертый же курсъ имѣлъ спеціальною задачей подготовку преподавателей по отдѣльнымъ дисциплинамъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Н. В. писалъ на тему, предложенную Н. И. Барсовымъ,—

«о публицистическомъ элементѣ въ русской проповѣди конца XVIII и начала XIX в.». Отрывки изъ этой работы помѣщены въ видѣ трехъ отдѣльныхъ статей въ журн. «Странникъ» за 1876 г.: 1) «Черты современности въ проповѣди конца XVIII и начала XIX в.», 2)«Проповѣдническая дѣятельность архіеп. Анастасія Братановскаго»; 3) «Архіеп. Ѳеофилактъ Русановъ, какъ проповѣдникъ». Если эти первые опыты Н. В-ча были еще его ученическими пробами пера, не чуждыми нѣкоторыхъ условностей школьнаго сочиненія, риторической формы, то, съ другой стороны, они обнаруживали въ немъ способность къ самостоятельнымъ изысканіямъ и, главное, лишній разъ подтвердили его высокую одаренность для академическаго ученаго персонала. Осенью 1873 г., когда Н. В. только перешелъ на 4-ый курсъ, въ собраніи практическаго отдѣленія Академіи поставлена была его кандидатура на каѳедру церковной археологіи и литургики, освободившуюся за выходомъ проф. В. И. Долоцкаго. Временно въ 1873—74 г. лекціи по этой каѳедрѣ читалъ проф. А. Л. Катанскій, выдвинувшій въ своемъ курсѣ, по словамъ Н. В-а [1]) ту новую для академической постановки церковной археологіи мысль, что эта наука имѣетъ своимъ предметомъ прежде всего вещественные памятники древности, между тѣмъ какъ до того времени главнымъ источникомъ археологіи считались памятники письменности, причемъ основнымъ учебнымъ пособіемъ служила «Скрижаль» Веніамина. Въ сентябрѣ 1874 г. Н. В. представилъ и защитилъ pro venia legendi—«о христіанскихъ храмахъ I—III в. в.» и прочелъ пробную лекцію по назначенію: «О пѣснопѣніяхъ христіанскихъ I—III в. в.». Содержаніе перваго указаннаго очерка опредѣлило и тему его будущей магистерской работы.

Чрезвычайно плодотворнымъ въ образовательно-научномъ отношеніи для Н. В-ча оказалась его командировка заграницу въ 1876—1877 г. Во время своего заграничнаго путешествія Н. В. удивительно планомѣрно распредѣлялъ свои занятія, энергично и настойчиво осуществляя намѣченныя задачи. Большое значеніе онъ приписывалъ курсу, прослушанному имъ у Крауса въ Страссбургѣ, а также нѣсколь-

[1]) Н. В-емъ написана небольшая автобіографія, помѣщенная въ изданіи Археол. Инст.: «XXXV. Профессоръ Ник. Вас. Покровскій, директоръ Имп. Археол. Инст. 1874—1909. Краткій очеркъ ученой дѣятельности».

кимъ мѣсяцамъ пребыванія въ Римѣ, гдѣ онъ весь погрузился въ изученіе памятниковъ древне-христіанскаго искусства. О его способности съ увлеченіемъ отдаваться работѣ въ музеяхъ и въ художественныхъ собраніяхъ можетъ свидѣтельствовать отзывъ И. В. Цвѣтаева, который встрѣтился съ Н. В-чемъ во время второй его командировки въ 1888 г. въ Римѣ. «Я имѣлъ взможность, пишетъ онъ, убѣдиться, какъ много любви къ избранному имъ дѣлу вносилъ онъ въ свою нелегкую задачу, какъ дорожилъ онъ всякимъ часомъ времени, отмѣреннаго имъ для Ватикана и другихъ художественныхъ и научныхъ хранилищъ этого города. Работать такъ много могъ только ученый, всецѣло посвятившій себя исполненію предположенной задачи» и пр. Свѣтлое воспоминаніе осталось у Н. В-ча отъ его знакомства съ «отцемъ церковной археологіи» Дж. Б. де-Росси, предоставившимъ ему широкую возможность заниматься въ катакомбахъ Прискиллы и Домитиллы и въ Латеранскомъ музеѣ.

Въ сентябрѣ 1877 г. Н. В. былъ приглашенъ лекторомъ въ открытый Н. В. Калачевымъ Археологическій Институтъ. Занятіе каѳедры христ. археологіи въ Институтѣ, несомнѣнно, явилось новымъ благотворнымъ факторомъ въ ученой дѣятельности Н. В-ча, обезпечивавшимъ ему живую связь съ корифеями русской археологической науки. Научные интересы, привитые командировкой заграницу, теперь, подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, особенно вслѣдствіе указаній руководителей Института Н. В. Калачева и И. И. Срезневскаго, настоятельно влекли Н. В-ча въ сторону изученія памятниковъ старины—византійской и русской.

Въ 1879 г. Н. В. былъ поглощенъ заботами по организаціи церковно-археологическаго музея при Духовной Академіи, солидное основаніе для котораго составила переданная въ Академію часть церковно-археологическаго музея, находившагося при новгородскомъ земствѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи музей пополнялся главнымъ образомъ пожертвованіями, изъ которыхъ важнѣйшими были иконы, поступившія отъ гр. Строганова и изъ древлехранилища московскаго Данилова монастыря. Созданіе и организацію академическаго музея, задуманнаго первоначально какъ учебно-вспомогательное учрежденіе, но ставшаго затѣмъ довольно цѣннымъ собраніемъ памятниковъ старины, нужно всецѣло отнести насчетъ избытка молодой энергіи и предпріимчивости Н. В-ча.

Въ 1880 г. Н. В-чемъ изданъ первый его ученый трудъ по церковной археологіи, его магистерская диссертація «Происхожденіе древне-христіанской базилики». Здѣсь, въ этой работѣ, мы уже встрѣчаемся съ обычными достоинствами ученаго и литературнаго таланта Н. В-ча: живымъ и яснымъ изложеніемъ, полнотою и обстоятельностью изслѣдованія, точностію анализа. Можно ли считать этотъ первый серьезный археологическій трудъ Н. В-ча сохраняющимъ свое научное значеніе и до настоящаго времени? Если учитывать быстрый ростъ церковно-археологической науки, выражавшійся какъ въ количествѣ привлекаемыхъ памятниковъ, такъ и въ характерѣ освѣщенія ихъ, то 37-лѣтняя давность со времени выхода сочиненія плохая гарантія того, что книга могла не устарѣть и остаться свѣжей по выводамъ и заключеніямъ. Несомнѣнно, что рядъ открытыхъ новыхъ памятниковъ могъ измѣнить взгляды на исторію начальнаго христіанскаго строительства. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что основные выводы Н. В-ча въ рѣшеніи даннаго запутаннаго вопроса въ общемъ не были поколеблены въ послѣдующее время. Н. В. справедливо устанавливалъ общность архитектурнаго типа христіанской и эллинистической базилики. Цѣннымъ осталось положеніе, развиваемое въ книгѣ Н. В-ча, о значеніи икоса или экуса, какъ части дома, которая по своимъ архитектурнымъ формамъ могла создавать удобный переходъ къ базиличному типу христіанскаго храма. Недостатки работы Н. В-ча не безъ основанія указывались въ свое время научной критикой (въ лицѣ Н. Ѳ. Красносельцева). Н. В., какъ отмѣчалось критикой, мѣстами заставлялъ говорить тексты источниковъ нѣсколько больше, чѣмъ они свидѣтельствовали на самомъ дѣлѣ. Поэтому базиличный канонъ въ античную и эллинистическую эпоху получался у него болѣе опредѣленный и устойчивый, съ бо́льшимъ числомъ характерныхъ признаковъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Недостаточно подчеркнуты были въ сочиненіи, по мнѣнію Н. Ѳ. Красносельцева, тѣ измѣненія, которыя необходимо должны были возникнуть въ христіанской базиликѣ примѣнительно къ цѣлямъ христіанскаго богослуженія. Слишкомъ рѣшительно далѣе, по мнѣнію названнаго ученаго, была отвергнута возможность вліянія на структуру христіанскихъ храмовъ воспоминаній объ устройствѣ іудейскаго храма (его раздѣленіи на святое святыхъ, святилище и дворъ

съ «мѣднымъ моремъ») и пр. Наконецъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ ставилось въ упрекъ Н. В-чу, что онъ не успѣлъ откликнуться на вышедшій только что предъ этимъ трудъ Рихтера (Der Usprung d. abendländisch. Kirchengebäude, Wien, 1878), гдѣ доказывалось значеніе въ исторіи развитія христіанскихъ храмовъ надгробныхъ меморій и подземныхъ гробничныхъ аркосоліевъ (изъ надгробныхъ меморій въ послѣднее время выводитъ христіанскія базилики Кауфманъ, но его мнѣніе сильно оспаривается въ наукѣ). Какъ бы то ни было, трудъ Н. В-ча въ соединеніи съ тѣмъ, что написано было около этого времени о древне-христіанской архитектурѣ проф. Красносельцевымъ («Православный Собесѣдникъ», 1879 и 1880 г.г.), до сихъ поръ можетъ служить руководствомъ при оріентировкѣ въ вопросѣ о корняхъ христіанской базилики и, значитъ, продолжаетъ сохранять свое научное значеніе.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Н. В. обѣщалъ разсмотрѣть особо впослѣдствіи купольную или центрическую форму христіанскаго храма. Вѣроятно, ему предносилась именно такая тема для будущей докторской диссертаціи, т. е. послѣдняя предполагалась какъ продолженіе магистерской. Однако мысль объ этомъ была затѣмъ имъ оставлена. Возможно, что Н. В-ча удержало отъ дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи то соображеніе, что творчество здѣсь—въ области исторіи архитектуры — возможно лишь при наличіи спеціально техническихъ знаній и что одни общія свѣдѣнія по архитектурѣ не являются еще достаточными для вполнѣ самостоятельнаго изслѣдованія. Правда, въ томъ же предисловіи къ магистерской работѣ Н. В. указывалъ, что предметъ его диссертаціи обусловленъ тѣмъ, что ему удалось въ 1877 г. заняться изученіемъ христіанской базиличной формы на мѣстѣ въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, а также ознакомиться съ сходными съ нею формами, сохранившимися отъ временъ близкихъ къ временамъ христіанства въ Помпеѣ. Тѣмъ не менѣе эти личныя его наблюденія сами по себѣ не привели его къ какимъ-нибудь новымъ независимымъ выводамъ, а, повидимому, лишь помогали автору оріентироваться въ наличномъ научномъ матеріалѣ, т. е. играли роль второстепенную и служебную. Между тѣмъ отъ вниманія Н. В-ча не могло укрыться, что въ церковной археологіи есть такая область, гдѣ, если требуется особая дисциплинированность глаза и даръ наблюдательности, то, съ другой стороны,

необходимымъ и важнымъ условіемъ успѣшности изученія является и богословская эрудиція. Это именно христіанская иконографія. Здѣсь, въ примѣненіи къ этой отрасли церковно-археологическаго знанія, богословское образованіе и начитанность Н. В-ча могли оказаться существенно-нужными и дать цѣнные результаты. Здѣсь онъ могъ, по его собственнымъ словамъ, чувствовать себя вполнѣ самостоятельнымъ и компетентнымъ.

Начиная съ 1881 г., Н. В. неопустительно присутствуетъ на археологическихъ съѣздахъ, активно участвуя въ ихъ научныхъ и организаціонно-административныхъ дѣлахъ. На съѣздѣ 1881 г. въ Тифлисѣ онъ выступаетъ съ докладомъ «Брачные вѣнцы и царскія короны», поводъ къ которому, повидимому, дала коллекція, собранная въ академическомъ музеѣ. Приводя въ этомъ докладѣ рядъ тщательно подобранныхъ справокъ о вѣнцахъ въ древности, Н. В. развивалъ ту оригинальную мысль, что наши болѣе древніе брачные вѣнцы по формѣ связаны съ діадемой, а болѣе поздніе съ царскими коронами, что женихъ и невѣста съ точки зрѣнія вѣнчальнаго обряда приравниваются къ царственнымъ особамъ, почему на вѣнцахъ иногда изображаются Константинъ и Елена и почему въ брачныхъ народныхъ привѣтствіяхъ женихъ и невѣста величаются княземъ и княгиней. Объ ученыхъ занятіяхъ съѣздовъ Н. В. неизмѣнно реферировалъ на страницахъ духовныхъ журналовъ, причемъ его отчетъ о шестомъ археолог. съѣздѣ въ Одессѣ возвышается до степени живого, связнаго очерка (довольно объемистаго) по исторіи русскаго и византійскаго искусства вообще, такъ какъ разрозненные на съѣздѣ доклады у него передаются на фонѣ общей картины развитія искусства: здѣсь у Н. В-ча подробная рѣчь о византійскихъ храмахъ, о занесеніи византійской архитектуры на Русь, о русской деревянной архитектурѣ, о древнѣйшихъ мозаикахъ и фрескахъ кіевскаго періода, о мозаикахъ Кахріэ-Джами, о елисаветградскомъ евангеліи, наконецъ, замѣтки о херсонесскихъ базиликахъ и свои личныя соображенія о пещерныхъ сооруженіяхъ Инкермана и Тепе-Кермена. Ученыя экскурсіи, выставки мѣстной старины, какъ обычный придатокъ археологическихъ съѣздовъ, живое общеніе дѣятелей археологической науки на этихъ съѣздахъ,—все это сродняло молодого ученаго съ археологическою средою, поднимало его на вы-

соту современнаго знанія, заставляло сливать личную жизнь съ интересами науки. Помимо съѣздовъ, Н. В. совершалъ и самостоятельныя поѣздки по Россіи съ ученою цѣлью, постепенно накапливая благодаря этимъ путешествіямъ богатый иконографическій матеріалъ. Прежде чѣмъ остановиться на опредѣленной темѣ для будущей докторской диссертаціи, Н. В. считаетъ нужнымъ посовѣтоваться съ А. И. Кирпичниковымъ и особенно Ѳ. И. Буслаевымъ и, наконецъ, рѣшаетъ заняться спеціально евангельской иконографіей. Къ 1888 г., по словамъ Н. В-ча, какъ учено-литературный матеріалъ, такъ и всѣ первоисточники, находящіеся въ Россіи, были изучены, такъ что можно было уже приступить къ ихъ обработкѣ. Въ собранномъ матеріалѣ и въ произведенныхъ наблюденіяхъ оказался нѣкоторый излишекъ, позволившій выдѣлить въ особую монографію отдѣлъ «Страшный судъ» (сочиненіе напечатано въ III томѣ трудовъ одесскаго археолог. съѣзда). По изслѣдованію даннаго сюжета въ памятникахъ византійскихъ, а тѣмъ болѣе западныхъ Н. В., конечно, имѣлъ предшественниковъ. Извѣстная мозаика въ Торчелло уже была проанализирована, хотя съ мелкими ошибками, Іессеномъ [1]). Новостью въ трудѣ Н. В-ча было детальное описаніе изображеній Страшнаго суда въ русскихъ стѣнописяхъ и лицевыхъ памятникахъ, а затѣмъ привлеченіе съ цѣлью выясненія частностей сюжета массы памятниковъ письменности. Въ этомъ умѣніи привлечь и использовать обширный матеріалъ какъ иконографическій, такъ и церковно-литературный при анализѣ той или другой композиціи Н. В. достигалъ виртуозности, являлся талантомъ, едва ли превзойденнымъ.

На вторую половину 1888 г. падаетъ новая заграничная поѣздка Н. В-ча сначала на востокъ—Константинополь, Аѳонъ, потомъ на западъ—въ Римъ и Парижъ. Кромѣ ближайшаго

---

[1]) Попутно отмѣтимъ, что значительно позже опубликованія труда Н. В-ча въ ученой литературѣ западной можно еще встрѣтить курьезныя истолкованія частностей композиціи Страшнаго суда. Въ довольно извѣстномъ сочиненіи Клосса (Les basiliques d' Italie Sicilie, 1893) такъ объясняется фигура сатаны, держащаго въ рукахъ Іуду предателя (сатана обнаженъ съ большой косматой головой): Est ce un symbol de l' 'Eglise? Est le Dieu vengeur? Tout est possible avec l' imagination dèuergonaée dess moines bygantins. Лично Клоссъ склоняется къ тому, что здѣсь представленъ Господь Саваоѳъ.

ознакомленія съ византійскими мозаиками и аѳонскими фресками, это путешествіе дало возможность Н. В-чу изучить рядъ памятниковъ миніатюры какъ на Аѳонѣ, такъ и въ собраніяхъ западныхъ, особенно въ Ватиканской библіотекѣ и парижской Національной. Въ 1890 г. былъ изданъ трудъ Н. В-ча «Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ». Опять-таки Н. В-чу частью приходилось касаться росписей, уже описанныхъ и сравнительно изслѣдованныхъ, но у него получила при свѣтѣ литургическихъ трудовъ Софронія Іерусалимскаго, Германа Константинопольскаго, Симеона Солунскаго большую ясность и отчетливость богословская идеологія росписи сложившагося византійскаго типа, причемъ Н. В. сумѣлъ выразить эту идеологію въ словахъ, настолько отвѣчавшихъ богословскимъ концепціямъ названныхъ литургистовъ, что изъ него охотно приводятся дословныя цитаты какъ русскими, такъ и заграничными изслѣдователями. Значительно подробнѣе сравнительно съ предшествующими изслѣдованіями описаны памятники церковной живописи на Аѳонѣ, въ частности здѣсь раскрытъ вопросъ о творчествѣ Панселина и о времени происхожденія греческаго иконописнаго подлинника. Далѣе, полнѣе сравнительно съ существовавшими изслѣдованіями описаны росписи кіевскія, новгородскія и владимірскія. Наконецъ, впервые описаны и изданы фрески ярославскія—церкви Ильинской и церкви Іоанна на Толчковѣ. Н. В-чемъ указаны были и источники послѣднихъ росписей как художественные (библія Пискатора, гравюра—плоды страданій Христовыхъ изъ парижскаго музея Клюни и другія западныя гравюры), такъ и литературные (патерики, лимонари и символическое изъясненіе литургіи, приписываемое ложно Григорію Богослову). Въ общемъ, трудъ Н. В-ча явился капитальнымъ изслѣдованіемъ по исторіи росписей христіанскихъ храмовъ, до сихъ поръ служащимъ необходимой справочной книгой для всѣхъ занимающихся и интересующихся даннымъ отдѣломъ христіанскаго искусства.

Два послѣднихъ сочиненія: «Страшный судъ» и «Стѣнныя росписи» настолько крупныя и серьезныя работы и такихъ они, видимо, требовали отъ автора усилій и стараній, что, казалось, послѣ изданія ихъ, по словамъ И. В. Цвѣтаева, Н. В. имѣлъ право на болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ. Въ 1892 г., однако, вышелъ большимъ фоліантомъ

его трудъ: «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи», за который онъ удостоенъ былъ Совѣтомъ Академіи степени доктора церковной исторіи. Существенное научное значеніе въ этой книгѣ имѣетъ прежде всего введеніе, гдѣ авторъ обозрѣваетъ византійскіе, русскіе и западные источники евангельской иконографіи и гдѣ онъ даетъ подробную характеристику памятниковъ христіанской миніатюры. Въ самомъ текстѣ сочиненія въ каждой главѣ дается сначала описаніе иконографическихъ композицій того или другого евангельскаго событія, а затѣмъ истолкованіе этихъ композицій при свѣтѣ главнымъ образомъ памятниковъ письменности. Разумѣется, большей важности евангельскія событія изслѣдуются съ большею обстоятельностью, большая содержательность сюжета и большая трудность въ его истолкованіи пропорціонально вызываютъ и болѣе кропотливый и углубленный анализъ. Изъ девятнадцати отдѣльныхъ монографій, какъ опредѣляли главы, входящія въ составъ сочиненія Н. В-ча, наиболѣе обширные трактаты посвящены Благовѣщенію, Рождеству Христову, Крещенію, Тайной вечери, Распятію и Воскресенію. При обзорѣ евангельскихъ сюжетовъ привлекается много новаго иконографическаго матеріала, памятники называются и описываются десятками и сотнями, такъ что сочиненіе является цѣннымъ уже по одной статистикѣ и описи иконографическихъ памятниковъ. Далѣе при истолкованіи смысла и значенія композиціи какъ въ ея основномъ зернѣ, такъ и во всѣхъ деталяхъ, осложняющихъ основной типъ, или во всѣхъ наблюдаемыхъ варіантахъ авторъ такъ щедро приводитъ выдержки изъ святоотеческихъ твореній, богослужебныхъ книгъ, церковныхъ историковъ и пр., что можетъ вызвать въ читателѣ чувство пресыщенія и во всякомъ случаѣ избытка. Опираясь на приводимыя цитаты, анализъ иконографической композиціи получаетъ у автора необходимыя твердость и устойчивость. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ представляется темнымъ, авторъ подвергаетъ оцѣнкѣ существующія догадки, высказывается въ пользу той или другой, или же предлагаетъ свое собственное рѣшеніе. Завершеніемъ главы большей частію является довольно подробный обзоръ важнѣйшихъ западныхъ памятниковъ евангельской иконографіи, дающій возможность видѣть живучесть византійскихъ традицій въ западномъ искусствѣ, лишь постепенно ослабѣвавшихъ и наконецъ, уступившихъ мѣсто новымъ художе-

ственнымъ принципамъ эпохи возрожденія. Авторомъ при этомъ были использованы миніатюры недостаточно извѣстныхъ въ литературѣ западныхъ кодексовъ евангелій, молитвенниковъ, Библіи бѣдныхъ и пр.

Книга Н. В-ча была встрѣчена въ церковно-археологической наукѣ почти восторженно. Ѳ. И. Буслаевъ, выражая сожалѣніе, что по слабости своего зрѣнія онъ вынужденъ ограничиться разрозненными замѣтками и не можетъ дать обстоятельной рецензіи, писалъ Н. В-чу. «До сихъ поръ иконографія разрабатывалась только на западѣ, начиная отъ Бозіо и Аринги до Мартиньи, Пипера, де-Росси и многихъ другихъ, и, разумѣется, въ предѣлахъ римскаго католичества и протестанства. Вы первый внесли въ эту науку обильные матеріалы восточнаго происхожденія и на ихъ прочной основѣ утвердили ея стройное зданіе. Потому сказанная односторонность западныхъ изслѣдователей должна быть восполнена цѣлою половиною матеріаловъ, которые до сихъ поръ были имъ недоступны». Эти памятники византійско-русскаго церковнаго искуства (наравнѣ съ древне-христіанскими), по словамъ Ѳ. И. Буслаева, привлекали вниманіе и раньше русскихъ изслѣдователей, но для послѣднихъ на первомъ планѣ была художественная или техническая сторона предмета, а не прямое и непосредственное отношеніе его къ ученію отцовъ церкви, къ текстамъ литургіи, къ акаѳистамъ и вообще къ церковной службѣ. Н. В. первый, по мнѣнію Ѳ. И. Буслаева, возвелъ у насъ эти коренныя и незыблемыя основы въ стройную систему и вложилъ въ науку «душу живу» [1]). А. И. Кирпичниковъ въ заключеніе своего отзыва, удостоивавшаго трудъ Н. В-ча золотой медали Русск. Археол. Общества, писалъ: «Выводы Н. В-ча не всѣ, конечно, безспорны, но всѣ плодотворны и живительны для молодой науки. Еще живительнѣе для нея огромный матеріалъ, собранный авторомъ, строгій его методъ и умѣніе соединить полную научную объективность съ горячей любовью къ родной православной старинѣ». [2]) И Ѳ. И. Буслаевъ и А. И. Кирпичниковъ въ своихъ отзывахъ высказывали по отдѣльнымъ вопросамъ евангельской иконографіи свои наблюде-

[1]) «Нѣсколько замѣтокъ при чтеніи одного церковно-археологич. труда». Христ. Чт. 1893, 1, стр. 212–13.

[2]) Зап. Р. Арх. Общ. VII, CXXXIX.

нія, дополняющія матеріалъ и выводы Н. В-ча; эти свои личныя добавленія А. И. Кирпичниковъ разсматривалъ какъ посильную дань уваженія къ прекрасному, по его словамъ, труду Н. В-ча. И. В. Цвѣтаевъ находилъ, что Н. В. въ своей не легкой работѣ пришелъ къ результатамъ, которыхъ нельзя не назвать блистательными и которые составятъ славу нашей археологической науки, какъ первый и необычайно полный сводъ художественнаго матеріала и какъ критическій его анализъ по различнымъ вопросамъ евангельской иконографіи. [1]) Почти всѣ критики, рецензировавшіе трудъ Н. В.-а [2]) ставили ему въ заслугу его осторожное отношеніе къ вопросу о связи иконографіи съ апокрифами, хотя эта сторона сочиненія на самомъ дѣлѣ скорѣе его недостатокъ, чѣмъ достоинство. Н. В. и его рецензенты, повидимому, склонны были считать возможность такой связи способною набросить тѣнь на чистый религіозный характеръ иконографіи. Выходъ изъ затрудненія создавался такой, что непосредственная связь устанавливалась не съ апокрифами, а съ тѣми устными преданіями, которыя легли въ основу апокрифовъ. Насколько ученымъ богословамъ того времени приходилось наблюдать, чтобы не допустить случайно мѣста, которое могло показаться соблазнительнымъ или дающимъ поводъ къ соблазну, показываетъ тотъ фактъ, что въ изданіи «Евангелія въ памятникахъ иконографіи» пришлось исключить рисунокъ № 156, который долженъ былъ воспроизводить каррикатурное изображеніе Распятія, открытое на Палатинскомъ холмѣ, несмотря на то, что это изображеніе помѣщается обычно въ учебныхъ руководствахъ по христіанской археологіи какъ протестантскихъ, такъ и католическихъ.

Особо нужно упомянуть объ отзывѣ оффиціальнаго рецензента труда Н. В-ча проф. В. В. Болотова, къ сожалѣнію, оставшемся до сихъ поръ не напечатаннымъ. Оговариваясь, что искусство всегда лежало внѣ круга его спеціальныхъ занятій и желая ограничиться тѣми сторонами сочиненія, которыми оно соприкасается съ другими богословскими науками, съ церковною исторіею въ особенности, В. В. Болотовъ въ своемъ отзывѣ вносилъ въ изслѣдованіе Н. В-ча поправки эортологическаго содержанія, равно ка-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1892, февр.

[2]) Ср. еще отзывъ А. П. Голубцова въ «Богосл. Вѣстн.», 1892, апрѣль.

савшіяся исторіи догмы, высказывалъ также свои соображенія по истолкованію нѣкоторыхъ композицій; наиболѣе существенное его возраженіе направлено было противъ пониманія Н. В-чемъ термина византійскій. Въ книгѣ Н. В-ча византійская иконографія связывается съ періодомъ отъ V до XII в., т. е. принимается хронологическое опредѣленіе. Въ противоположность этому В. В. Болотовъ отстаивалъ по аналогіи съ опытами въ области агіологіи и библейскихъ текстовъ большую умѣстность топологическаго начала и считалъ нормальной классификацію рукописей по мѣсту происхожденія. Въ частности В. В. Болотовъ не соглашался съ тѣмъ, что въ евангеліи Раввулы 586 г. миніатюристъ сиріецъ черпалъ изъ византійскаго источника, а въ евангеліи коптскомъ (Національной библіотеки въ Парижѣ № 33) 1073 г. миніатюристъ исходилъ изъ византійскихъ понятій объ иконографіи, но подвергъ ломкѣ византійскій оригиналъ. По мнѣнію В. В. Болотова, первому изъ нихъ проще было взять свой оригиналъ изъ митрополіи востока—Антіохіи, а второму воспроизвести древне-александрійскія преданія. На примѣрѣ коптскаго евангелія В. В. Болотовъ далѣе показалъ, какъ дѣйствительно національныя и бытовыя (мѣстныя) особенности получали свое отраженіе въ памятникѣ. Нужно сказать, что эта мысль о распредѣленіи памятниковъ по мѣсту происхожденія нашла свое развитіе въ наукѣ церковной археологіи спустя почти десять лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ книги Н. В-ча. Сейчасъ въ наукѣ болѣе или менѣе принято существованіе мѣстныхъ художественныхъ школъ, предшествовавшихъ образованію византійскаго искусства, причемъ сложившійся типъ византійскаго искусства относятъ къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ пятый вѣкъ, пожалуй считая его окончательнымъ опредѣленіемъ эпоху династіи Македонянъ и Комниновъ. Раскрытіе этого вопроса о мѣстныхъ художественныхъ центрахъ, откуда получало свои основы византійское искусство, связывается съ именами проф. Стржиговскаго и проф. Айналова, но пока нигдѣ не отмѣчено, что первая смѣлая мысль по данному вопросу была брошена профессоромъ церковной исторіи, по предмету своихъ спеціальныхъ занятій не имѣвшимъ прямого отношенія къ археологической наукѣ [1]). При строгой

---

[1]) Въ общемъ отзывъ В. В. Болотова можетъ представлять интересъ

дѣловитости тона отзывъ В. В. Болотова отдавалъ должное достоинствамъ труда Н. В-ча. Вотъ заключеніе отзыва: «вѣрность истолкованія вещественныхъ памятниковъ въ главной ихъ массѣ, богатство историческаго къ нимъ комментарія при несомнѣнной—если не абсолютной, то относительной—полнотѣ обозрѣваемаго матеріала, это—такія достоинства, что на основаніи ихъ я не могу не признать разсматриваемаго сочиненія заслуживающимъ принятія на соисканіе докторской ученой степени».

Къ 1892 г. относится еще очеркъ Н. В-ча «О серебряномъ щитѣ,найденномъ въ Керчи». Археологическая Комиссія, учитывая немаловажный научный интересъ, представляемый памятникомъ, въ цѣляхъ возможно полной и всесторонней его оцѣнки, обратилась за объясненіемъ его одновременно къ двумъ лицамъ: профессору университета въ Грацѣ Іос. Стржиговскому (теперь профессору Вѣнскаго университета) и Н. В-чу. Оба изслѣдователя пришли къ одинаковымъ выводамъ, признавъ на этомъ щитѣ изображеніе императора Юстиніана. Тѣмъ не менѣе полнота и обстоятельность въ выясненіи памятника были на сторонѣ очерка Н. В-ча.

1892 годъ можно считать временемъ зенита ученой славы Н. В-ча. Его имя стало особо авторитетнымъ въ археологическихъ кругахъ. Въ вопросахъ христіанской иконографіи онъ считался едва ли не первымъ знатокомъ и не только у насъ, но, пожалуй, и заграницей. Ему было только 44 года. Отъ природы онъ отличался крѣпкимъ физическимъ здоровьемъ, и колоссальные результаты, достигнутые уже въ его ученой дѣятельности, могли давать надежду, что онъ обогатитъ науку еще новыми трудами и изслѣдованіями. Но послѣ 1892 г. не покидавшая Н. В-ча его повышенная энергія получила нѣсколько иное приложеніе. Н. В. самъ признавался, что назначеніе его инспекторомъ Академіи на шесть лѣтъ оторвало его отъ учено-спеціальныхъ работъ. Запутанныя хозяйственныя дѣла Академіи, страдавшія хроническимъ безпорядкомъ, поглощали, конечно, не мало времени. Благодаря распорядительности Н. В-ча, хозяйственная часть

и съ современной научной точки зрѣнія, почему опубликованіе его въ печати можно было бы только привѣтствовать. Особенно цѣнны его наблюденія надъ коптскимъ евангеліемъ. Даже тѣ изъ его соображеній, которыя не оправдываются исторіей иконографическихъ композицій, показательны для остроты и тонкости его ума.

Академіи наладилась, и дефициты прекратились; были найдены деньги и на необходимый ремонтъ академическихъ зданій. Инспектура Н. В-ча оказалась также благотворной для Академіи, какъ учебно-воспитательнаго института Н. В. по общимъ заявленіямъ былъ отзывчивымъ и внимательнымъ начальникомъ. Не вторгаясь насильно во внутреннюю жизнь студентовъ, обладая прекраснымъ педагогическимъ тактомъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ направлять ихъ поведеніе по пути строгаго исполненія ими своихъ обязанностей и въ самый внѣшній обиходъ студенческой жизни внесъ извѣстную упорядоченность. Для ученыхъ работъ Н. В., по его словамъ, могъ удѣлять лишь нѣкоторые часы отдыха по праздникамъ и лѣтнія каникулы. Тѣмъ не менѣе за это время онъ успѣлъ издать ученое описаніе Сійскаго лицевого подлинника вмѣстѣ съ альбомомъ рисунковъ подлинника (на средства Общества люб. др. письм.). Въ этомъ описаніи Н. В-ча обнаруживается обычное его мастерство при истолкованіи содержанія иконъ. Менѣе исчерпывающе затрагиваются стилистическія формы изображеній.

Въ 1894 г. изданъ курсъ лекцій Н. В-ча подъ заглавіемъ «Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства». Часть курса, посвященная древне-христіанскому и византійскому искусству, повидимому, выработалась у Н. В-ча уже въ періодъ 1881—1884 г. Любопытно, что первоначальныя заданія Н. В-ча, какъ кажется, были иныя сравнительно съ тѣмъ, что было имъ дано въ курсѣ. Въ одной небольшой рецензіи на извѣстный трудъ Гаруччи—Storia dell. arte cristiana Н. В. не совсѣмъ сходился съ римско-археологической школой въ оцѣнкѣ катакомбной живописи, т. е. былъ скорѣе противникомъ символико-догматическаго истолкованія катакомбныхъ росписей; здѣсь онъ справедливо находилъ коррективъ къ изслѣдованіямъ римскихъ ученыхъ въ теоріи Шульце о катакомбномъ искусствѣ, какъ погребальномъ, и даже въ воззрѣніяхъ Рауль-Рошетта, который отстаивалъ живую связь христіанскаго искусства съ антикомъ не только со стороны формы, но частію и по содержанію. Тѣмъ не менѣе въ своихъ «Очеркахъ» Н. В. рѣшительно примкнулъ къ взглядамъ де-Росси и далъ его классификацію катакомбныхъ изображеній, хотя въ этомъ отношеніи вынуждены были поступиться сами представители римской археологической школы, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ теоріи

Леблана. Правда, въ противоположность римскимъ археологамъ, признающимъ Римъ создателемъ древне-христіанскаго искусства и съ Римомъ связывающимъ дальнѣйшее его существованіе, Н. В. выдвигаетъ высокую важность искусства византійскаго, которымъ онъ заполняетъ второй періодъ въ исторіи христіанскаго искусства. Но въ самомъ византійскомъ искусствѣ онъ еще, можно сказать, не наблюдаетъ его исторіи, не расчленяетъ его на фазы развитія или періоды, какую задачу взяло на себя уже послѣдующее научное движеніе. Появленіе въ печати курса лекцій Н. В-ча, несомнѣнно, было отраднымъ фактомъ въ исторіи церковно-археологической науки, существенно способствовавшимъ популяризаціи церковно-археологическихъ знаній въ широкихъ кругахъ общества. Хорошій пріемъ книга встрѣтила и заграницей. Такъ, напр., Доббертъ въ Byzantinische Zeitschrift (1896 г.) помѣстилъ подробную замѣтку, отзываясь о ней какъ о «превосходномъ» руководствѣ [1]). Надобно имѣть въ виду, что лекціи Н. В-ча давали новый матеріалъ сравнительно съ западными учеными руководствами (Крауса) не только по исторіи русскаго церковнаго искусства, но и византійскаго. Напр. въ учебное обращеніе впервые здѣсь были введены нѣкоторыя позднія византійскія росписи. Въ отдѣлъ о лицевыхъ рукописяхъ включены памятники миніатюры, впервые изслѣдованные Н. В-чемъ: миніатюры евангелія гелатскаго монастыря, описанныя Н. В-чемъ въ «Запискахъ Русск. Археол. Общ.» (1887 г.), миніатюры елисаветградскаго евангелія, оказавшіяся по наблюденію Н. В-ча весьма близкими къ извѣстному евангелію № 74 Національной библіотеки въ Парижѣ и др. Подробныя свѣдѣнія сообщаются въ «Очеркахъ» о лицевыхъ псалтиряхъ, въ частности, на основаніи богослужебной практики здѣсь точно выясняется, почему въ миніатюрахъ опредѣленные стихи псалмовъ устойчиво связываются съ новозавѣтными событіями. Если принять во вниманіе, что изслѣдованіе Тикканена объ иллюстраціяхъ къ псалтири вышло въ 1895 г., то данному отдѣльчику въ «Очеркахъ» Н. В-ча нельзя отказать въ полной самостоятельности. Во второмъ изданіи «Очер-

---

[1]) Столь же сочувственно отзывался Доббертъ о «Евангеліи въ памятникахъ иконографіи», когда пользовался этимъ трудомъ въ своемъ изслѣдованіи «Евхаристія» (Repertor für Kunstwissenschaft, 1892, Bd. XV, H. 4—6).

ковъ» въ 1900 г. были присоединены, извлеченія: изъ «Стѣнныхъ росписей» объ аѳонскомъ искусствѣ и о росписяхъ ярославскихъ церквей, изъ актовой рѣчи Н. В-ча въ 1885 г. «Опредѣленія Стоглава объ иконахъ», изъ статьи въ «Христ. Чтеніи» «Розыскъ по дѣлу дьяка Висковатаго», наконецъ, отдѣлъ изъ «Сійскаго лицевого подлинника». Третье изданіе 1910 г. вышло безъ перемѣнъ. Существеннымъ дополненіемъ къ «Очеркамъ» служитъ пособіе, изданное при Археолог. Институтѣ: «Памятники христіанской архитектуры», гдѣ, несмотря на спеціальный предметъ, предполагающій нѣкоторую техническую подготовку въ читателѣ, изложеніе очень просто и наглядно; нѣкоторые отдѣлы здѣсь (преимущественно касающіеся русской архитектуры) составлены положительно образцово.

Въ 1896 г. Н. В. сталъ замѣстителемъ директора Археологическаго Института, а въ 1898 г. былъ назначенъ директоромъ. Послѣ оставленія службы инспектора Академіи вновь складывавшіяся обстоятельства звали Н. В-ча опять-таки скорѣе къ общественной и организаціонной дѣятельности, чѣмъ къ спеціально-ученымъ изысканіямъ. Такъ лѣтомъ 1897 и 1898 гг. Н. В. завѣдывалъ педагогическими курсами учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, происходившими въ Духовной Академіи, причемъ знакомилъ курсистовъ и курсистокъ съ художественными сокровищами столицы. Его преподавательская дѣятельность, вообще, выступаетъ за предѣлы Академіи и Института. Въ 1903 г. онъ читаетъ курсъ русской художественной археологіи на общеобразовательныхъ курсахъ учителей и учительницъ Мин. Нар. Просв. въ Павловскѣ. Въ 1904 г. Н. В. читаетъ русскую церковную археологію на курсахъ археологіи и палеографіи въ Твери, въ 1909 г. — публичныя лекціи въ Новгородѣ и пр. Далѣе Н. В. выполняетъ рядъ почетныхъ ученыхъ порученій: то командируется для осмотра какихъ-нибудь памятниковъ, то является членомъ комиссій по реставраціи храмовъ или по производству новыхъ росписей (напр., Варшавскаго собора, храма Воскресенія въ Петроградѣ), то участвуетъ въ выставочныхъ жюри. Рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ возстановленію и поддержанію художественной старины, обязанъ мысли Н. В-ча. Онъ составляетъ уставы охраненія памятниковъ, пишетъ проектъ устава губернскихъ архивно-археологическихъ комиссій и пр. Повидимому, по его

иниціативѣ, Комитетъ попечительства о русской иконописи, гдѣ онъ состоялъ представителемъ сvнодальнаго вѣдомства, задумалъ изданіе лицевого подлинника для иконописцевъ.

Если жизнь Н. В-ча попрежнему оставалась кипучей и повышенно дѣятельною, то его спеціально научная продуктивность при сложности возлагавшихся на него дѣлъ и порученій нѣсколько была понижена. Н. В. не являлся, какъ этого естественно было бы ожидать по его прежнему ученому положенію, въ этотъ періодъ своей жизни тѣмъ научнымъ центромъ, около котораго могли сосредоточиваться новыя движенія въ наукѣ. Раскрытіе основъ византійскаго искусства въ эллинистическихъ художественныхъ теченіяхъ, вопросъ о мѣстныхъ стиляхъ, установленіе роли палестинскаго искусства въ созданіи новой иконографіи, вопросъ объ обновленіи византійскаго искусства при Палеологахъ и отраженіи этого въ новгородскомъ искусствѣ,—всѣ эти и другіе вопросы и задачи не проходили мимо Н. В-ча, но не отъ него теперь исходили новые научные лозунги или программы. За нимъ лишь незыблемо стояли его научныя заслуги по изученію иконографіи.

Уже въ послѣдніе годы своей жизни, можетъ быть, въ предчувствіи близкаго заката своихъ дней, Н. В. снова замыкается въ ученыя занятія, отдаваясь имъ съ почти юношескимъ рвеніемъ. Въ 1909 г. кромѣ описанія родныхъ для Н. В-ча «Костромскихъ древностей» (Н. В. уроженецъ костромской губ.), онъ издаетъ въ снимкахъ и въ прорисяхъ важнѣйшіе предметы академическаго музея. Въ предисловіи къ послѣднему богатому изданію, разсказавъ исторію возникновенія музея, Н. В. затѣмъ такъ опредѣляетъ задачи предлагаемаго имъ описанія. «Изданіе памятниковъ старины музея съ объяснительнымъ текстомъ—пишетъ онъ — имѣетъ своею цѣлью не одну только охрану ихъ въ интересахъ науки, но и возможное содѣйствіе научному росту церковно-археологическихъ дисциплинъ и расширенію археологическихъ горизонтовъ въ нашей образованной средѣ. Охранная опись предметовъ... можетъ ограничивать свою задачу сухимъ перечнемъ предметовъ и указаніемъ ихъ характерныхъ примѣтъ. Наши задачи въ данномъ случаѣ нѣсколько шире. Мы желаемъ показать научное значеніе предметовъ музея и ввести ихъ въ ученый оборотъ»... Дѣйствительно, рядъ страницъ изъ описанія музея представляетъ общенаучный

интересъ. Таковы сообщаемыя данныя о составѣ сплава древнѣйшихъ мѣдно-литейныхъ крестиковъ и образковъ, о новгородскихъ паникадилахъ, о знаменахъ, изготовлявшихся мастерами царской школы, объясненія нѣкоторыхъ иконографическихъ сюжетовъ, особенно иконы Благого молчанія (Н. В. видитъ здѣсь изображеніе монашескаго безмолвія, какъ основного подвига исихастовъ), Софіи Премудрости (изображеніе Софіи въ видѣ ангела сопоставляется съ легендой о явленіи огнезрачнаго юноши-ангела при построеніи константинопольской Софіи). Трудъ посвященъ былъ Н. В-чемъ «С.-Петербургской Духовной Академіи въ столѣтнюю годовщину ея многоплодной учено-просвѣтительной дѣятельности въ духѣ Православной церкви». Разумѣется, это изданіе было одно изъ самыхъ высокихъ подношеній, какими могла быть почтена Академія въ день своего юбилея.

Весьма энергичное участіе принимаетъ Н. В. въ организаціи новгородскаго археологическаго съѣзда, а также въ работахъ съѣзда, на которомъ онъ выступаетъ съ докладами, легшими въ основу его большого, роскошно изданнаго (съ приложеніемъ превосходныхъ фототипій) труда: «Софійская ризница въ Новгородѣ». Опять, какъ и въ прежнихъ лучшихъ произведеніяхъ, обсуждая тотъ или другой вопросъ, Н. В. даетъ массу свѣдѣній изъ существующей ученой литературы и затѣмъ предлагаетъ рядъ своихъ предположеній и остроумныхъ догадокъ. Такъ безусловно оригинальнымъ является его мнѣніе о связи іерусалимовъ или сіоновъ по ихъ формѣ съ ротондой іерусалимскаго храма Воскресенія. По мнѣнію Н. В-ча, назначеніе іерусалимовъ или сіоновъ состояло въ томъ, чтобы напоминать о связи христіанъ съ матерью всѣхъ церквей—церковью іерусалимскою. Въ раскрытіи этой интересной точки зрѣнія Н. В., можетъ быть, только недостаточно принималъ во вниманіе, что первоначальнымъ въ исторіи этихъ сосудовъ, пожалуй, скорѣе слѣдуетъ признать ихъ практическое назначеніе, т. е. что архитектурная форма сосудовъ и связанная съ этимъ символика могли быть вторичнымъ явленіемъ. Твердо установлено въ трудѣ Н. В-ча, что новгородскіе кратиры, снабженные надписью: «пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя», несмотря на свою массивность и форму, суть евхаристическіе сосуды. Изслѣдованіе+В. К. Мясоѣдова (Записки Отдѣленія русск. и слав. арх. Русск. Арх. Общ., т. X), привлекавшее для выясненія

вопроса другіе аналогичные памятники (потиры изъ ризницы собора св. Марка въ Венеціи, изображеніе потира, представленнаго въ рукахъ ангела на миніатюрѣ великаго входа грузино-греч. рукописи Публ. библіотеки въ Петроградѣ), является по существу лишь дополненіемъ къ обстоятельному и тщательному очерку Н. В-ча. Если въ чемъ можно здѣсь упрекнуть Н. В-ча, то развѣ въ нѣкоторой невыдержанности точки зрѣнія, потому что, установивъ евхаристическое назначеніе сосудовъ и отнеся ихъ къ XI—XII в., онъ затѣмъ указываетъ на возможность ихъ употребленія въ послѣдующее время для причащенія богоявленской водой. Большую цѣнность имѣютъ заключенія Н. В-ча о происхожденіи панагіаровъ, панагій, о формѣ реликваріевъ, о древнихъ епископскихъ шапкахъ. Въ общемъ въ этомъ трудѣ высокое дарованіе Н. В-ча сказывается еще въ полной мѣрѣ, и ничто пока не указываетъ на какую-нибудь усталость его ученаго таланта или утомленность научнаго воображенія.

Среди заботъ послѣднихъ лѣтъ жизни Н. В-ча особенно близко къ его сердцу лежало упроченіе положенія церковной археологіи, какъ предмета преподаванія. Благодаря усиленнымъ хлопотамъ и настойчивымъ указаніямъ, ему удалось добиться того, что церковная археологія, первоначально объединенная съ литургикой, была выдѣлена въ самостоятельную академическую каѳедру. Церковная археологія, кромѣ того, была введена въ кругъ семинарскаго обученія. Вотъ для нуждъ средней школы и для элементарнаго ознакомленія съ наукой церковной археологіи болѣе широкихъ массъ общества Н. В. быстро подготовилъ и издалъ учебникъ. Безспорными достоинствами новаго изданія, какъ учебнаго пособія, являются его содержательность, прекрасное изложеніе, обиліе иллюстрацій. Тѣмъ не менѣе въ отношеніи аккуратности, тщательности въ отдѣлкѣ этотъ послѣдній трудъ Н. В-ча значительно ниже того, что раньше выходило изъ-подъ пера Н. В-ча или имъ издавалось. Прежде всего здѣсь допущены недосмотры досадные и сами по себѣ, а тѣмъ болѣе въ учебникѣ. Сколько разъ въ жизни Н. В-чу приходилось касаться мозаикъ православнаго и аріанскаго баптистерія въ Равеннѣ, и ни разу онъ не впадалъ въ какую-нибудь неточность; между тѣмъ, здѣсь онѣ были смѣшаны; перепутанными оказались планы новгородскихъ церквей, подписи подъ московскими соборами; Кіево-Печерская лавра

названа въ подписи Софійскимъ соборомъ и пр. Такого рода упущенія совершенно немыслимы были для Н. В-ча прежняго времени; обычныя его внимательность и щепетильная аккуратность, простиравшіяся одинаково на главное и на мелочи, теперь ему измѣнили. Но, кромѣ внѣшнихъ недочетовъ, на самомъ содержаніи учебника сказывалось утомленіе автора. Учебникъ въ своей массѣ являлся извлеченіемъ изъ лекцій, такъ что присущія ему достоинства покрываются, собственно говоря, достоинствами лекцій. Точно такъ же, какъ въ лекціяхъ, въ учебникѣ довольно широко захватываются иконографія и архитектура. Новый отдѣлъ, введенный по сравненію съ печатными лекціями, о западно-европейскомъ искусствѣ, тоже, повидимому, былъ заготовленъ давно. Но учебникъ существенно нуждался въ отдѣлахъ о церковно-богослужебной утвари и священныхъ облаченіяхъ; если авторъ касался западно-европейскаго религіознаго искусства, то послѣдовательно было бы ввести главу о религіозномъ искусствѣ въ Россіи новаго времени (послѣ Симона Ушакова). Такъ какъ этихъ отдѣловъ не было въ лекціяхъ, то они не были введены и сейчасъ. Далѣе составлявшіяся еще въ 80-хъ и 90-хъ гг. лекціи мѣстами естественно нѣсколько устарѣли; являлась необходимость хотя бы частичнаго освѣженіи ихъ матеріала. Кое-что въ этомъ направленіи было сдѣлано Н. В-чемъ, но скорѣе въ такихъ формахъ, которыя заставляли чувствовать уже слабѣвшую руку Н. В-ча. Такъ, ведя рѣчь о равеннскихъ мозаикахъ, Н. В. говоритъ о сирійскомъ ихъ стилѣ, но не даетъ къ этому никакихъ поясненій (о мѣстныхъ стиляхъ) и разсматриваетъ эти мозаики въ отдѣлѣ византійской живописи. Говоря о мозаикахъ Кахріэ-Джами, Н. В. если не трактуетъ ихъ, какъ въ лекціяхъ, съ точки зрѣнія упадка византійскаго искусства, то съ другой стороны не характеризуетъ эпохи, когда онѣ возникли, и помѣщаетъ ихъ въ обзорѣ даже раньше, чѣмъ мозаики монастыря Дафни и св. Луки Фокидскаго предшествующаго художественнаго періода, т. е. Н. В. не затрагиваетъ вопроса о послѣднемъ византійскомъ ренессансѣ. Однако главу объ аѳонскомъ искусствѣ Н. В. начинаетъ фразой о возрожденіи византійскаго искусства при Палеологахъ, коснувшемся и Аѳона, хотя объ этомъ возрожденіи въ своемъ мѣстѣ имъ и не упоминалось.

Недостатки новаго учебника настолько очевидно стояли

въ связи съ начавшимся упадкомъ физическихъ силъ Н. В-ча, что почитатели его таланта не находили нужнымъ рѣзко ихъ подчеркивать, имѣя въ виду, что слѣдуетъ быть только благодарнымъ Н. В-чу, посвящавшему остатки дней своихъ и силъ служенію родной для него наукѣ. Эти недостатки, конечно, чувствовались и самимъ Н. В-чемъ,—и такъ какъ многое говорило за то, что учебникъ быстро разойдется, то Н. В. надѣялся, что современемъ при второмъ изданіи можно будетъ внести значительныя поправки. Учебникъ вышелъ лѣтомъ 1915 года, а зимою этого года вслѣдствіе происшедшаго частичнаго кровоизліянія врачъ предписалъ Н. В-чу полный отдыхъ и отказъ отъ ученыхъ занятій. Въ бесѣдѣ съ врачемъ Н. В. какъ-то разъ говорилъ, что въ отношеніи къ наукѣ и къ Академіи онъ чувствуетъ себя уже сдѣлавшимъ все, что по своимъ силамъ и способностямъ онъ могъ сдѣлать, и что ему хотѣлось бы только пожить еще годъ другой для того, чтобы написать свои воспоминанія. Разумѣется, эти мемуары, если бы Н. В-чу удалось ихъ издать, при богатой впечатлѣніями жизни Н. В-ча, при близкомъ его знакомствѣ съ ученымъ міромъ и при широко-общественномъ характерѣ его дѣятельности, явились бы источникомъ высокой исторической цѣнности. Судьбѣ не было угодно, чтобы этимъ послѣднимъ дѣломъ Н. В. увѣнчалъ свою трудовую жизнь. Н. В. таялъ съ каждымъ днемъ. Уже у умирающаго Н. В-ча консиліумъ врачей констатировалъ ракъ легкихъ. Скончался Н. В. 8 марта 1917 г. на 69-мъ году жизни.

Настоящій очеркъ нѣсколько уклоняется по своему характеру отъ обычнаго типа laudatio funebris, давая посильную объективную оцѣнку трудовъ Н. В-ча на фонѣ общаго теченія церковно-археологической науки, не чуждую мѣстами и критики. Въ настоящемъ очеркѣ отмѣчается періодъ особаго подъема научной дѣятельности Н. В-ча и нѣкотораго ея ослабленія, указываются болѣе выдающіеся его труды и труды менѣе значительные. Тѣмъ не менѣе при подготовкѣ этого очерка, перелистывая страницы богатаго ученолитературнаго наслѣдія, оставленнаго Н. В-чемъ, авторъ все время былъ проникнутъ чувствомъ глубокаго преклоненія предъ почившимъ: несомнѣнно, это былъ первостепенный и даже великій ученый талантъ, проявлявшій себя какъ мощная созидательная сила.

Ник. Малицкій.